

ПОВЕСТЬ О БРАСЛЕТЕ

ШИЛАП-
ПАДИ-
КАРАМ

главная редакция
восточной литературы
Москва · 1966

*Перевод с тамильского,
предисловие и примечания*

Ю. Я. ГЛАЗОВА

Ответственный редактор
А. М. ПЯТИГОРСКИЙ

Индекс $\frac{7-3-4}{798-65}$

*Посвящается памяти
Александра Михайловича
Мерварта —
первого русского
дравидолога*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Двухтысячелетняя тамильская литература, которая еще совсем недавно была едва видима рядом с литературой на санскрите, внимательно изучается в последние десятилетия. Для исследователя индийской истории и культуры ранняя тамильская литература особенно важна, и едва ли не самое значительное место в ней принадлежит поэме *Шилаппадикарам*, или «Повести о браслете», полный русский перевод которой появляется теперь впервые.

В середине II в. н. э. александрийский грек Птолемей в Географическом трактате сообщает ряд сведений о Южной Индии, которую он называл Дамирике, передавая таким образом название страны тамилы Тамилакам, или даже Драмидака, ранний вариант этого названия.

Южная Индия, отделенная от плоскогорья Декана широкими реками Кришной и Тунгабхадрой, находилась в относительной изоляции от остальной Индии не только по своему географическому положению. Весь комплекс исторических, антропологических и лингвистических данных подтверждает обособленное положение дравидов по отношению к индо-ираноязычным народам северной части страны. Остроумные гипотезы пытались установить родственные связи дравидов со многими этническими группами земного шара; одна из таких гипотез, базируясь на общности флоры и фауны, утверждала, что в глубокой древности Южную Индию и Африку связывала узкая полоска земли, по которой могла осуществляться миграция.

Поэма *Шилаппадикарам* была написана, согласно тамильской литературной традиции, принцем Иланго, младшим бра-

том Сенгуттувана, царя Черы (действующего лица третьей книги поэмы). Территория нынешней Кералы, в измененном виде сохранившей название древнетамильского царства Черы, в основном соответствует границам последнего. Помимо Черы, в Южной Индии славились своим могуществом царства Пандья и Чола. Кроме этих трех главных царств в Южной Индии насчитывалось около ста двадцати более или менее независимых княжеств. Между этими царствами и княжествами велись постоянные кровопролитные войны, которые отличались большой жестокостью. Эти междоусобные войны не прекращались на протяжении столетий; в начале XIV в. предводителю мусульман Малику Кафиру не составило большого труда покорить Южную Индию и подчинить ее делійскому султанату.

Если проблема авторства *Шилаппадикарам* с некоторыми оговорками решается однозначно в пользу Иланго, то хронологические рамки создания поэмы в различных исследованиях колеблются в пределах нескольких веков, начиная с III в. н. э. Подобно североиндийским авторам древние тамилы, оставившие нам обширную литературу, были лишены чувства историзма. Деятельность трех тамильских санг, или литературных академий, окутана такой густой мифологической оболочкой, что правомерно вообще подвергнуть сомнению существование первых двух санг, а уцелевшие произведения раннего периода приписывать поэтам третьей санги, процветавшей под покровительством пандийских царей. Знаменитые поэты-шиваиты Самбандар и Анбар упоминали в своих стихах сангу и были современниками царя паллавской династии Нарасинха Вармы I (630—668 гг. н. э.). Расцвет санги следует отодвинуть на несколько столетий к началу нашей эры: язык шивантских гимнов, приближающийся к современным нормам, настолько отличается от архаичного языка многих произведений *Еттугозей* («Восьми антологий») и *Паттупатту* («Десяти поэм»), что естественно говорить о большом промежутке времени, понадобившемся для такой эволюции. Маловероятно также, что санга могла процветать в IV—VI вв. н. э., когда вся Южная Индия подвергалась опустошительным набегам Калабхров¹, свирепых

¹ К. А. Nilakanta Sastri, *A History of South India*, Oxford, 1955, p. 3, 139; К. К. Pillay, *Historical Ideas in Early Tamil Literature*, в кн. «Historians of India, Pakistan and Ceylon», ed. by С. Н. Philips, Oxford, 1961, p. 67.

властителей, из которых было свергнуто тамилами лишь в конце VI в. н. э. Свидетельства Плиния, Мегасфена, Страбона, анонимного автора «Першпа Эритрейского моря» и Птолема вместе с обнаруженными в Южной Индии римскими монетами первых двух веков н. э. и сведениями о миссии пандийского царя к римскому императору Августу в 20 г. до н. э. позволяют утверждать, что с наступлением новой эры Южная Индия переживала период политического могущества, роста торговых связей с Римской империей. Именно в первые три столетия могла процветать деятельность тамильских санг.

Для уточнения хронологических рамок ранней тамильской литературы *Шилаппадикарам* имеет особое значение в связи с упоминанием в поэме Сенгуттувана и цейлонского царя Гаджабаху I² (173—195 гг.). Этот синхронизм дает исследователям возможность относительно точно датировать поэму.

Иланго Адигаль был сыном царя Черы и младшим братом Сенгуттувана. В конце поэмы содержится упоминание о тех обстоятельствах, которые побудили Иланго, имя которого означает «юный властелин», стать отшельником. В присутствии царствующего отца и его сыновей астролог предрек скорую кончину царя и восшествие на его трон сына Иланго. Прочитав на лице своего старшего брата Сенгуттувана явное раздражение в связи с таким пророчеством, принц Иланго решил тут же отречься от своих прав на престол и присоединился к отшельникам в обители Гунавайил, неподалеку от Ванджи — столицы Черы. Если автором *Шилаппадикарам* действительно является принц Иланго, брат Сенгуттувана, и если последний правил в одно время с цейлонским Гаджабаху I, то приходится признать, что поэма была создана на рубеже II и III вв. н. э. В таком случае *Тирукурал*, несколько реминисценций из которого мы обнаруживаем в поэме, должен был быть создан несколько ранее. Известно, что в 215 г. н. э. Каракалла учинил в Александрии резню, в результате которой погибло множество индийских купцов: торговля Индии с Римской империей после этого печального события быстро угасла. В поэме неоднократно упоминаются груженные товарами суда, говорится о явах, под которыми тамилы разумели всех жителей Средиземноморья, будь то римляне, греки или арабы, и не раз повествуется о богатствах купцов, возивших в далекие страны

² В тамильской транслитерации Каябаху (гл. XXX).

жемчуг. Едва ли возможно было бы приводить эти подробности несколько десятилетий спустя: в поэме, очевидно, фиксировались обычные картины современного автору быта, и потому она могла быть написана не позднее первой четверти III в. н. э. Есть, однако, серьезные основания думать, что поэма была написана приблизительно два столетия спустя после событий, о которых в ней повествуется. Ни разу в поэме не упоминается тамильская санга — достаточно примечательное отсутствие на фоне тех мельчайших подробностей, которые автор приводит, рисуя жизнь трех южноиндийских царств. Напрашивается вывод, что поэма *Шилаппадикарам* была создана или завершена полностью уже после того, как санга прекратила свое существование. Возможность более ранней датировки осложняется рядом обстоятельств. В литературе эпохи санг мы не находим ни единого упоминания отшельника — брата Сентгуттувана.

Автор *Шилаппадикарам*, согласно традиции и свидетельству самой поэмы, был другом поэта Чаттана, чья поэма *Манимехалей* содержит извлечения из трактата V в. н. э. *Ньял-правеси*. В таком случае он не мог жить раньше этого времени. Об этом же говорит язык поэмы *Шилаппадикарам*, который, несмотря на свою архаичность, приближается к моделям шиваитских гимнов VII в. В языке поэмы резко возрастает пласт санскритских слов. Празднество Индры, о котором единственный раз косвенно упоминается в *Пурапануру*, также должно свидетельствовать о более позднем времени. Любопытно, что на основании астрономических данных, приводимых автором *Шилаппадикарам* и ее знаменитым комментатором Адияркуналларом, датой создания поэмы устанавливается 465 год н. э. Если поэма в том виде, в каком она дошла до нас, была создана в это время, то, разумеется, возникает вопрос, был ли Иланго Адигаль ее автором. Легенда о Ковалане и Каннахи является одним из древних и популярных преданий у тамилы. Возможно, что Иланго принадлежит большая часть поэмы, но впоследствии безымянный поэт внес значительные интерполяции в текст и в целях придания популярности поэме и ее возвышенным идеям вложил ее слова в уста принца Иланго, некогда отрекшегося от земной жизни и обретшего славу просветленного мудреца.

Сюжетная линия поэмы сводится к следующему. Ковалан, сын богатого торговца в Пукаре, приморском городе Чолы, же-

нится на красивой и добродетельной девушке Каннахи из старинного купеческого рода. После свадьбы Ковалан и Каннахи некоторое время наслаждаются семейным счастьем, но однажды, в праздник бога Индры, Ковалану суждено было повстречать Мадави — знаменитую танцовщицу Пукара. В совершенстве владеющая тайнами искусства и любви, Мадави настолько покоряет сердце Ковалана, что тот надолго забывает о своей молодой жене.

Однажды Мадави услаждала Ковалана игрой на лютне и пением; под влиянием некоторых песен в его сердце закралась ревность, которая быстро разрослась и до такой степени потрясла Ковалана, что он решил оставить неверную, как он думал, и искусную в обмане Мадави и возвратиться к своей преданной и безыскусной жене. Оставленная надолго мужем, Каннахи безропотно и в смиренном уединении проводила дни: без единого упрека встретила она своего любимого мужа. Она не потеряла самообладания и в тот момент, когда Ковалан признался, что промотал все состояние и обрек семью на постыдную нищету. В ответ на это признание Каннахи только мягко улыбнулась и сказала, что готова отдать мужу свои последние драгоценности — два золотых ножных браслета. Зная, что эти браслеты необыкновенно дороги, Ковалан вновь ощутил кризис решимости и обрел надежду. Продав даже один из этих браслетов, он получит те деньги, которые сможет пустить в оборот, и вновь наживет состояние. Такой драгоценный браслет, подумал Ковалан, выгоднее всего продать в блистательной столице Панды — Мадуре, которую отделил от Пукара не один десяток миль глухих джунглей и выжженной тропическим солнцем земли. Не раздумывая, хрупкая Каннахи пошла вместе с мужем в далекую Мадур. После длительного путешествия они подошли наконец к столице Панды. Оставив Каннахи в доме доброй и заботливой пастушки, Ковалан взял браслет и, несмотря на дурные предчувствия, вошел в Мадур. На одной из улиц он повстречал ювелира и попросил его оценить браслет. Ювелир оказался придворным мастером и коварным мошенником: несколько дней назад он похитил у царицы точно такой же браслет и теперь решил указать на Ковалана как на вора. Выслушав ювелира, царь приказал стражникам убить Ковалана. Когда весть о смерти мужа доходит до Каннахи, когда она узнает о клевете, которую возвели на ее супруга, то впадает в неистовство, устремляется во дворец, где доказывает

самому царю несправедливость его поступка. Пылая гневом, она вырывает свою грудь, в которой вспыхивает пламя, безжалостно пожирающее город. Богиня Мадуря является перед разгневанной Каннахи и раскрывает ей причину несчастья, происшедшего с ее мужем. Все мысли, все движения сердца Каннахи устремлены к погибшему мужу; преданность ее вознаграждается: вместе с мужем она возносится на небо и становится богиней. Сенгуттуван строит храм в честь Каннахи — богини супружеской чистоты — и воздвигает статую, вырезанную из гималайской скалы и освященную в Ганге.

В эпилго упоминается, что к Иланго, находившемуся в отшельнической обители, пришли горные охотники и рассказали, как на их глазах сам повелитель богов Индра вместе с Коваланом спустился к терзаемой горем Каннахи, после чего соединившиеся супруги вознеслись на небо.

Мы вправе допустить, что некий отшельник, отнюдь не непременно принц по рождению, решил использовать распространенное в народе предание о Каннахи и Ковалане, вложить его в уста принца Иланго, который, возможно, обрел в глазах мирян ореол мудрости и святости, и обеспечить тем самым наилучший прием священных для автора концепций. Такое предположение имеет смысл и потому, что мы легко можем передвинуть время создания *Шилаппадикарам* приблизительно на два столетия ближе к нам, и потому, что оно проливает свет на особенности интересующего нас произведения, ибо легенда, услышанная автором, послужила каркасом для весьма пространныго повествования, где фабульная линия подчинена более важным намерениям. Легенда о Каннахи и Ковалане легла в основу произведения, которое явилось первой *кавьей*, или эпической поэмой, в тамильской литературе.

Произведения из цикла *Еттугогей* и *Паттупатту*, большинство которых появилось до *Шилаппадикарам*, характеризовались не только строго определенными размерами стиха, но и своим объемом. Произведения, состоявшие не более чем из пятидесяти стихов, написанных иногда в разных размерах, обычно относились к жанру *киж-нанакку* («поэмы низкого счета»); если число стихов колебалось в пределах от пятидесяти до пятисот и более, то такое произведение относилось к *мел-канакку*, или жанру больших форм. Как *Еттугогей*, так и *Паттупатту*, принадлежащие к жанру *мел-нанакку*, посвящены любовной лирике и воинским доблестям, что называлось в та-

мильской поэзии соответственно *ахам* и *пурам*. Цикл «Восемнадцать произведений низкого счета» был посвящен преимущественно тем же мотивам *ахам* и *пурам*, и лишь дидактические поэмы *Тирукурал* и *Наладияр*, относимые к жанру *киж-канакку*, трактовали три *пурушартхи*, или, согласно индийской философии, цели жизни — дхарму, артху и каму, значительно превосходя по размеру остальные шестнадцать поэм. Поэзия *Еттугогей* и *Паттупатту* носит ярко выраженный светский характер. В *Тирукурале*, появившемся несомненно раньше *Шилаппадикарам*, отчетливо ощущается влияние нескольких отчасти пейтрализующих друг друга религиозно-философских концепций — индуизма, джайнизма и буддизма; что касается третьей части *Тирукурала*, то мотивы *ахам* и *пурам* здесь опять падают.

Жанр *кавьи*, к которому принадлежит *Шилаппадикарам*, появился в тамильской литературе вполне закономерно: ревнитель джайнизма заключил известнейшее предание в рамки нового жанра, уже обретшего известность на санскрите и на пракритах и открывавшего больший простор для популяризации джайнских идей, особенно концепции кармического воздаяния к возмездия за добрые и дурные деяния. Развитие *кавьи* у тамиллов повторяло существенные черты этого жанра в североиндийских литературах. *Кавьи* создавались по мотивам хорошо известных преданий, прежде всего *Рамаяны* и *Махабхараты*; из представителей различных религий наиболее часто именно джайны прибегали к жанру *кавьи*, сочиняя свои произведения в основном на пракритах³. Достаточно познакомиться с «Зеркалом поэзии» Дандина, чтобы увидеть, что *Шилаппадикарам* вполне отвечает предписаниям *кавьи*: поэма начинается с поклонения Луне и Солнцу; хотя рассказ строится не на эпических или пураических сказаниях, он представляет читателю предания как реально происшедшие события; в нем люди, стремящиеся к дхарме — добродетельной жизни, артхе — материальному и общественному благополучию, каме — наслаждению и мокше — освобождению от земных страданий, получают должное вознаграждение. Герой поэмы достаточно находчив и великодушен, его длительное путешествие дает возможность автору рассказать о городе и море, горах и временах

³ См. H. von Glasenapp, *Die Literaturen Indiens*, Wildpark — Potsdam, 1929, S. 173.

года, о восходах луны и солнца; повествуется о прогулках в роще и играх на воде, о любовных ласках, разлуке влюбленных, о военном походе и битве героев. В поэме даются требуемые напевы с благозвучными размерами⁴. Автор поэмы настолько скрупулезно следовал предписаниям Дандина, что уже после смерти Ковалана в третьей книге поведал о походе царя Черы в Гималаи, живописал кровавое сражение с североиндийскими царями. Подобно санскритским *кавьям* поэма *Шилаппадикарам* характеризуется пристрастием к формальным тонкостям и украшениям при песочном пренебрежении к лапидарному и динамичному рассказу.

Такое следование санскритским канонам нетрудно понять. В середине первого тысячелетия североиндийское влияние на Южную Индию сильно возросло: в тамильский язык проникло много новых санскритизмов, в жизнь вторгались иные обычаи, местный культ духов и демонов вытеснялся буддийской, джайнской и индуистской религиями. Южноиндийские властители, покровительство которых было жизненно важно для поэтов, становились рьяными приверженцами джайнизма или индуизма. Торжествовавшие победу религии вобрали в себя элементы преобладавших до них верований⁵ — так демоническая богиня дравидов Котравей («победоносная») слилась с Кали, супругой Шивы, а древнетамильский бог Муруган («благоухающий»), став сыном Шивы, был наделен чертами шестиглавого Картикеи, индуистского Марса. В первой тамильской *кавье* в значительной степени выявляется дравидийский субстрат: богине Котравей и богу Муругану посвящаются яркие и красочные гимны; герои поэмы не принадлежат к царскому роду; они оказываются жертвой мрачных событий; в отличие от большинства санскритских придворных поэм со счастливым исходом в *Шилаппадикарам* отчетливо звучит трагедийный финал. Но при этом автор подчиняется непреложным законам *кавьи*, сформулированным Дандином, — в сущности это те же каноны индийского классицизма. Произведение изобилует постоянными упоминаниями вед, имен и событий из *Рамаяны*, *Махабхараты* и пураических преданий. И тем не менее автор *Ши-*

⁴ Ibid., S. 166—167.

⁵ G. U. Pope, *Extracts from the Tamil «Purra — porul Venba — Malai»*, JRAS, 1899, p. 242; V. A. Smith, *The Early History of India*, Oxford, 4-th ed., 1957, p. 457.

лаппадикарам создал чисто тамильскую поэму, и отнюдь не язык служит тому главной причиной. В *Тирукурале* ощутимы следы влияния «Законов Ману», *Артхашастры* и *Камасутры*. *Манимехалей*, которую вместе с *Шилаппадикарам* принято называть поэмами-близнецами, в ее пышнейшей форме содержит изложение санскритского логического трактата *Ньяяправешини*. При всех отмеченных выше чертах *Шилаппадикарам* эта поэма свободна от преобладающего или даже сколько-нибудь ощутимого влияния какого-либо конкретного известного нам произведения на санскрите, пали или пракритах.

Автор поэмы не был очевидцем событий, ставших объектом повествования. Заключительные строки поэмы, в которых автор выслушивает обращенные к нему слова Деванди и сам произносит назидание, были, возможно, вставлены позднее. В нем котором противоречии с эпилогом, по которому Иланго выслушивает рассказ о Каннахи от потрясенных горных охотников, находится распространенное в тамильском народе предание о том, что Иланго во время своих странствований встретил поэта Чаттана, прочитавшего ему свою поэму. Под влиянием этого рассказа Иланго решил написать поэму, события которой происходят поколением раньше. Иланго искусно построил свой рассказ. Вся поэма включает тридцать глав и разбита на три книги. Такое деление дает автору возможность попеременно переносить события в города или столицы трех крупнейших царств Южной Индии — Пукар, Мадур и Ванджи.

Бесспорно, что главной фигурой поэмы является Каннахи. Образ этой женщины, благодаря чистоте и супружеской верности ставшей могущественной богиней, весьма примечателен в галерее женщин, известных нам по индийской классической литературе и преданиям. Наделенная красотой и умом, Каннахи отличается двумя чертами, высоко ценящими с древних времен: естественной простотой и совершеннейшей покорностью воле мужа. На глазах у всего города Ковалан покинул жену и живет с блудницей Мадави, он промотал состояние; как покинутая жена Каннахи не имеет права принимать отшельников и гостей, — ни единой жалобы не изрекает она. В *Манимехалей* Дамаянти, предавшись грусти в разлуке с любимым Налем, идет на невинную хитрость и объявляет о второй сваиваре, на которой она должна избрать себе другого мужа, поскольку никто не знает, жив Наль или нет. До смерти Кова-

лана Каннахи ни разу не обнаружила даже присутствия гнева, ей чужды какие-либо уловки; хрупкая и жественная, она терпеливо сползает нестерпимый зной и жажду, кровавые ссадины и царапины на ногах в трудном пути из Пукара в Мадур. Каннахи можно сопоставить с одним женским образом в древнеиндийской литературе, а именно с Ситой в Рамаяне, которая спокойно входит в пылающий огонь, просит землю разверзнуться и поглотить ее, дабы Рама убедился в ее непорочности. Каннахи до такой степени предана мужу, настолько связана с ним одной кровной нитью, в такой мере его боготворит, что не оставляет за собой ни малейшего права жить собственной жизнью.

В кульминационном пункте поэмы, когда пастушка говорит о смерти Ковалана Каннахи, уже давно предчувствовавшей ужасную катастрофу, поведение внезапно овдовевшей героини объясняется не столько ее высшим горем, сколько отчетливым внутренним осознанием того, что ее земная жизнь подошла к концу, что вина за смерть мужа лежит на ней самой и что сама смерть, возможно, произошла вследствие ее прегрешений в прошлом рождении. Обелить в глазах людей невинно убитого и покарать самого властелина, отдавшего чудовищное повеление, — это первое, непреодолимое желание Каннахи. Но и смерть царя, упавшего за смерть после доказательства его собственной несправедливости, не приносит удовлетворения жемчине, обезумевшей от потери мужа. Перед глазами Каннахи стоит Ковалан, страдавший которого она не смогла облегчить; перед ее внутренним взором проходят примеры редкой женской самоотверженности. Хрупкая, кроткая и незлобивая, она становится воплощением неукротимой силы и гневной мести. Страшно желание Каннахи — предать пламени город и истребить в огне его жителей. Ибо, изрекает Каннахи, город лишен непорочных жен, исполняющих дхарму мужей, и боги покинули его, если в нем было совершено такое деяние. И сам Агни, бог огня, спешит на помощь женщине, вырвавшей собственную грудь и замышлявшей месть, которая, казалось бы, никак не укладывается в рамки индуистского всепрощения и беззлобности. И лишь после того как пламя поглотило город, а богиня Мадурь возвестила Каннахи кармический механизм свершившегося и предвещала скорое соединение с мужем, Каннахи смиряется, накладывает на себя клятвенный обет, и только по прошествии двух недель, в день возвещенного соединения с по-

гибшим супругом и собственного обожествления, она впервые осознает, какое зло она совершила.

В мировой литературе среди образов карающих женщин Каннахи выделяется бесхитростной прямоотой и отсутствием тени сомнения в возможности добиться свою месть до конца. Софокловская Электра хотя и пребывает вместе с братом в полном отчаянии, но осуществляет свою месть за отца, лишь выислав удобный случай, а Гекуба у Еврипида мстит за смерть сына посредством женской уловки. Каннахи далека как от индуистского всепрощения, так и от христианского смирения, которое, зная несовершенство земного мира, уповает на высшую справедливость и отдает всевышнему конечное право воздавать должное за совершенное преступление. С того момента, когда Каннахи узнает о смерти мужа, ее поведение, ее страстное, целеустремленное и безбоязненное мщение обнаруживает признаки, присущие не обычному смертному созданию, а существу, наделенному сверхъестественной силой. Образ Каннахи с его взаимодополняющими чертами бесконечной кротости и неглубокого жестокого гнева принадлежит дравидийскому югу и отразил, видимо, характерный для него культ воинствующей и кровожадной богини Котравей.

По силе и яркости характера Ковалан предстает бледной тенью рядом с полнокровным образом Каннахи. Подобно тому как распространенная легенда послужила автору поэмы средством для выражения своих философско-религиозных воззрений, фигура Ковалана понадобилась для создания трогательного и вместе с тем внушительного образа Каннахи. Вплоть до возвращения Ковалана домой к своей жене строки поэмы, относящиеся к нему, никак не оживляют образа молодого и процветающего торговца, богатого наследника и мужа добродетельной красавицы: остается лишь догадываться о силе страсти к Мадави, столь внезапно охватившей Ковалана; неожиданно и не достаточно мотивированно совершается его уход от Мадави под влиянием ревности. Читателю приходится довольствоваться намеком автора на созревающие плоды кармы.

Правда, отказавшись принять послание Мадави, написанное на гирлянде благоухающих лепестков, Ковалан сдержанно и искусно дает понять служанке, какую боль в его душе породили игра и неискренность ее госпожи. Горестное признание Ковалана в своем мотовстве, его печаль при виде покинутой им жены напоминают, что перед нами не статуя жертвы

роковой и неумолимой кармы. Сердобольный Ковалан просит Кавунди снять свое проклятие с гуляк, которых Кавунди превратила в шакалов. Уже перед самой смертью Ковалана брахман Мадалан напоминает ему о добрых поступках, которые Ковалан совершил в своей жизни (XV). Рассказ Мадалана о трех благородных поступках Ковалана важен для понимания характера последнего: почтительный к старшим и богобоязненный, он достаточно образован, наделен щедрым и бесстрашным сердцем. Спасая престарелого брахмана, он укрощает разъяренного слона. Чужая боль рождает немедленный отклик в его душе, вплоть до самопожертвования; не задумываясь, он предлагает демону свою жизнь, если только этим он может спасти бедняка.

Напоминания брахманов и недобрые предзнаменования вместе со смутным ощущением своей суровой кармы, естественно, порождают то настроение печали и раскаяния, которым проникнута сцена прощания Ковалана с Каннахи: восхищение добродетелями и терпением супруги смешивается со смиренным самоуничижением, искреннее раскаяние в своих преступлениях звучит одновременно с упорным намерением идти навстречу предначертанному (XVI).

Каннахи узнала от богини Мадурь, что Ковалан погиб такой жестокой смертью благодаря созревшим плодам его кармы, ибо в прошлом рождении он был царским придворным, который своими интригами добился казни одного честного торговца и обрек на самоубийство жену последнего.

Согласно кармической концепции мученический конец Ковалана закономерен, но, поскольку в этом последнем земном рождении его поведение было исполнено щедрости и благородства, Ковалан становится бессмертным обитателем небесного мира Индры. Спасение престарелого брахмана от разъяренного слона рассматривалось мудрецом как самый благой поступок Ковалана (XXX). Ни уход Ковалана от его добродетельной жены, причинивший ей глубокие страдания, ни длительная любовная связь с Мадави, от которой у него родилась дочь, ни его разгульная жизнь в течение нескольких лет не являются предметом порицания брахманов и родственников Ковалана. В кармическом механизме определенные черты и действия приобретают особую значимость, например великодушие, щедрость и особенно спасение брахмана; интриги Ковалана—Бхараты в предыдущем рождении, — приведшие к смер-

ти торговца, бумерангом бьют по Ковалану в новом рождении; что же касается его внебрачной связи с ганикой, то после раскаяния Ковалана она попросту является незначимой.

Ганика, или знатная гетера, занимала в строго регламентированном древнеиндийском обществе вполне определенное место. В Индии по традиции различались две группы женщин: одна группа, преобладавшая абсолютно в количественном отношении, воспитывалась в духе моногамной чистоты и преданности интересам семьи, тогда как другая группа состояла из свободных куртизанок, назначение которых сводилось к услуждению мужчин. Возможно, существование гетер в Южной Индии являлось пережитком полиандрии. При большом удельном весе чувственных наслаждений, санкционируемых пуршпартхами, традиционно-индуистском запрещении испытывать вожделение к чужой жене и при ограниченных интересах замужней женщины в условиях семейной рутины регламентированный институт гетер таил в себе ферменты, существенно стимулировавшие деятельность обеспеченных и пресыщенных слоев индийского общества. В санскритской, палийской и тамильской литературах рисуются образованные и утонченные ганики, общество которых считали для себя почетным цари и прославленные поэты. Подобно греческим гетерам и римским куртизанкам индийские ганики славилась не только красотой и благородными манерами, но и разносторонней образованностью. Ганики должны были овладеть «шестьюдесятью четырьмя искусствами». Среди этих искусств было не только умение играть на музыкальных инструментах, танцевать и петь; ганика постигала правила гигиены и тонкости косметики, тайны кулинарии и умение изящно одеваться. Сочинять экспромтом замысловатый стих и сплести гирлянду цветов, показывать петушинный бой и единоборство баранов, обучить попуган говорить и слепить глиняную статуэтку, продемонстрировать свои познания в архитектуре и минералогии, навлечь чары и создать видимость появления магических сил, — одним словом, всеми этими средствами индийская гетера, остроумная и начитанная собеседница, могла увлечь и обворожить любого принца или богача, который не отказывался щедро оплачивать золотом ее неистощимые забавы и прихоти. Такая ганика была украшением города, его славой, и древние книги упоминают о царях, которые богатыми подарками и милостями пытались

привлечь знаменитых ганик из соседних княжеств в надежде возвысить тем славу своей страны.

Мадави принадлежала к числу таких ганик: по достижениях двенадцати лет она должна была показать со сцены все свое искусство, и властелин Пукара присудил ей гирлянду первой ганики, за которую ее возлюбленный Ковалан должен был заплатить тысячу восемь каждангу золота. Становится понятным, что Ковалану излишне было стыдиться своей любви к ганике; более того, следует воздать должное его скромности, поскольку он не обнаруживал самолюбия и гордого бахвальства при явных знаках внимания и любви к нему со стороны такой женщины.

В буддийской литературе популярно трогательное предание об Амбалапи, ганике из Вайшали, у южных склонов Гималаев. Согласно этому преданию Будда, проходя через Вайшали во время своего последнего паломничества в Гималаи, отказался от приглашения богачей города и пожелал разделить трапезу с Амбалапи, которая впоследствии решила стать буддийской отшельницей. Характерно, что ганика Мадави отправляет свою дочь Манимехалей именно в буддийскую обитель, а после смерти Ковалана и сама становится буддийской отшельницей. Превращение бывших блудниц в отшельниц характерно для буддизма именно потому, что в отличие от различных ветвей индуизма в буддизме элементы секса весьма четко вынесены за пределы его религиозно-этической системы.

Нет необходимости останавливаться на эпизодических персонажах *Шилаппадикарам*, принадлежащих как к миру обычных людей — кормилица Деванти, пастушка Мадави, ее дочь Айяй, так и к сфере царствующих особ — царь и царица Мадур, властелин Черы Сенгуттуван. Достоин внимания золотых дел мастер, вырвавший у царя приказ об убийстве Ковалана. Его гневное обращение к стражникам, не решающимся поднять меч на благородного Ковалана, исполнено страсти мстителя, который считает награбленное добро своим собственным и видит в невинном человеке подлинного вора: его речь о грабителях и их восьми помощниках — один из наиболее удачных монологов, гораздо более одушевленный, нежели многочисленные рассуждения брахманов.

Умудренные брахманы и отшельники столь часто появляются на страницах книги, произнося пространные нази-

дания, что было бы просто неправомерно обойти их молча.

Система варн на дравидийском юге развивалась под влиянием Северной Индии и хронологически значительно позже в сравнении с ней; ранняя тамильская литература содержит свидетельства племенной организации, и разделение общества на варны пошло быстрыми темпами в последующий период, хотя процесс полной кристаллизации варн в Южной Индии уже не смог реализоваться благодаря ряду исторических факторов, среди которых наиболее значимыми были отсутствие варновой традиции, упадок варновой системы в самой Северной Индии в начале первого тысячелетия и некоторые антибрахманские тенденции джайнизма и буддизма, находившихся в зените своего могущества на Юге.

Шилаппадикарам отражает тот переходный период в жизни Южной Индии, когда брахманизм, пришедший с севера, был еще весьма влиятелен, хотя и вынужден был мириться с возрастающей ролью джайнизма и буддизма, и лишь sporadически появлялись отдельные и случайные симптомы неудержимого расцвета шиваитского и вайшнавского бхакти, следовавшего через несколько столетий.

Брахманизм излишне подчеркивал ритуальную сторону религии, чрезмерно много внимания уделял непосредственному вмешательству богов и чудесам, слишком равнодушно и жестко оправдывал то тяжкое, полное унижений существование низших каст и внекастовых групп населения, чтобы его доминирующее положение не претерпело потрясений даже в застывшем на века индийском обществе. На фоне высохших от постов джайнских и буддийских отшельников, отказавшихся от суетных мирских благ и довольствовавшихся необходимым для поддержания жизни подаванием, слишком очевидны были притязания определенной части брахманов на монопольное положение в обществе, их списходительность к своим плотским утехам, их нескрываемое тяготение к обогащению и привязанность к материальным благам.

Автор тамильской раннесредневековой «Повести о браслете» далек от негативного отношения к брахманам. Наоборот, их устами он на протяжении всей книги излагает свое мировоззрение; Ковалан и Каннахи неизменно почтительно обращаются с брахманами, следуют их советам. Сенгуттуван, замыслив поход в Гималаи, выслушивает дворцового брахмана,

который неизменно присутствует на его советах. Этот же царь дарит брахману Мадалану столько золота, сколько весил сам брахман.

Из рассказов, касающихся жизни брахманов, мы узнаем об узаконенности двоеженства у брахманов, о строгом покаянии брахманов, доходившем до самоистязания. Так, после того как жена одного брахмана убила крохотного хищного зверька, испогребимый брахман отправился в джунгли на север совершать покаяние, а жене объявил, что отныне не может вкушать пищу, приготовленную ее руками, покуда кто-либо из людей не согласится снять с нее этот тяжелый грех (XV). Показателен разговор джайнской отшельницы Кавунди с престарелым брахманом в начале второй книги. В своем многословном и витиеватом ответе брахман говорил о трех волшебных озерах и о том, что омовение в них приносит знание вед, раскрывает тайны прежних рождений и дарует осуществление сокровенных желаний. Кавунди мягко отвечает брахману, что не совершит омовения в этих озерах, ибо истина и без того озаряет джайнские книги, а узнать прошлое рождение в нынешнем пельзы и нет неосуществленных желаний в сердце идущего стезей истины и исполненного сострадания к другим людям.

Наряду с брахманами важными действующими лицами поэмы являются отшельники, среди которых выделяется джайнская отшельница Кавунди, совершающая вместе с Коваланом и Каннахи весь путь от Пукара до Мадур. Автор приписывает отшельнице, стремящейся очиститься от прегрешений прошлого рождения, освободиться от зла и добиться нирваны, магическую силу: она превращает в дряхлых шакалов двух молодых шалопаев, дерзнувших неосторожно пошутить над Коваланом, Каннахи и самой отшельницей (X). Достойна удивления прямолинейность, с какой Кавунди накладывает на юнцов проклятие, которое пугает даже Каннахи и Ковалана, упрямивающих Кавунди смгчить ее наказание. Если превращение людей в шакалов рассматривать как жестокое наказание, то джайнская отшельница, чей первый обет — не причинять зла живому существу, преступает границы добра во имя самого добра, защищая стыдливую Каннахи от легкомысленных и непочтительных вопросов. Кстати говоря, насмешливые вопросы юнцов не были настолько дерзки, чтобы вызвать такое тяжкое наказание. Такое действие Кавунди воз-

можно объяснить тем, что отшельница еще при жизни Каннахи, зная, что произойдет в будущем, относилась к ней, как к богине, и потому легкомысленные слова, заставившие Каннахи зардеться от стыда, рассматриваются отшельницей как кощунственное оскорбление.

В той же главе мудрый отшельник произносит вдохновенные слова о неотвратимости кармы и атрибутах джайнского архата, а затем, к изумлению спутников, этот отшельник поднимается в воздух и сверху благословляет Кавунди.

Здесь мы сталкиваемся с характерной чертой тампильской поэмы, а именно с переплетением реалистических картин с описаниями мифических явлений. Картина свадьбы и семейной жизни Каннахи, любовные ласки и страдания разлуки, разговоры с брахманами, отшельниками и жизнью пастушеского племени, интриги ювелира, убийство Ковалана и гнев Каннахи, сцены жизни и описания городов, обрядов, традиций — все это принадлежит миру реальных и не вызывающих сомнения явлений. Вещные сны Каннахи и царицы Мадур, незадолго до нагрянувших несчастий, сказочные дары горных племен царю Сентуттувану, размеры его войска и добытых трофеев, засуха, разразившаяся в Пандье сразу вслед за убийством Ковалана, и принесение пандийским царем в жертву богине Каннахи тысячи золотых дел мастеров — художественные приемы автора, где совпадения идут бок о бок с гиперболами. Но мандапа с пятью чудодейственными залами, явление перед Каннахи богов солнца и огня, возведение богини Мадур, вознесение Каннахи и Ковалана в колеснице Индры в мир небожителей, кровавадные танцы бхут на поле брани, усеянном мертвыми и умирающими воинами, действия чародея Чаттана, происходящие у всех на глазах превращения и явления богини Каннахи — все это и многое другое уносит нас в мир мифологии. Но это причудливое смешение реального, гиперболического и мифологического в определенной мере отражает все мировоззрение древнего индийца, в котором вмешательству многочисленных богов, покровительству видьядхар и козням злонамеренных бхут отводилось значительное место.

В отличие от такой религии, как позднее христианство, где земной мир и мир божественный достаточно резко разграничены, в мировоззрении древних индийцев земная и божественная сферы не только взаимно перекрещивались, но по сути дела образовывали единый мир, где богам отводилось

даже географически вполне определенное место. Так, боги и небожители обитают в сварге Индры на горе Меру, которая, согласно мифическим представлениям индийцев, расположена в центре земли и к северу от Гималаев; так, бог Шива погружается в медитацию на гималайской вершине Кайласа, но как Махакалу, олицетворению смерти и времени, его можно увидеть на полях сражений, кладбищах и перекрестках дорог. И древние индийцы были весьма далеки от аллегорий, когда говорили, что богиня счастья и процветания Лакшми возлежала на груди царя, а бог любви Кама возбуждал во влюбленных страсть, пуская в них цветочные стрелы из своего тростникового лука. Именно такой подход проливает свет на индуистские обряды и празднества. Характерно, что брахманы — священнослужители храмов после утреннего омовения входят в святилище и поют гимны в честь храмового бога, стремясь таким образом осторожно пробудить его ото сна. Затем они омывают ноги статуи божества, саму статую, покрывают ее одеяниями, украшают ожерельями и цветами, подносят божеству вареную пищу и даже листья бетеля с орехом арековой пальмы, излюбленный десерт индийцев.

Такое политеистическое мировосприятие было до такой степени присуще дравидоязычному югу и настолько пропикло в плоть и кровь его обитателей, что становится понятным, почему в ряде отношений весьма рационалистические джайнизм и буддизм, решительно вытеснившие на юге брахманизм, вскоре уступили место шивантскому и вишнуитскому бхакти. Брахманизм уступил свои позиции в силу того, что его регламентация и приверженность к ритуалу и обрядам жертвоприношения погружали в оцепенение духовную жизнь; недаром антиподы брахманизма — буддизм и джайнизм, возникшие примерно в одно и то же время, в одном и том же районе и обнаруживавшие значительное сходство своих концепций, перенесли свое внимание на культивирование внутреннего мира человека, и в первый период для них были особенно характерны антитрадиционализм, антидогматизм и антиритуализм. Но дравидам, видимо, был достаточно чужд дух джайнско-буддийского отшельничества с его игнорированием мира эмоций адепта и его небрежением к миру богов, асур и бхут; бхакти же открыло простор для проявления темперамента южан, отчасти синтезировав элементы ведийской обрядности и джайнско-буддийской самоуглубленности.

В поэме весьма широко представлен мир индийских божеств. На страницах книги непрерывно появляются имена и повелители богов Индры, и творца вселенной четырехликого Брахмы, и непостоянного в своей страсти к разрушению Шивы, и охраняющего всеенную Вишну.

Хотя в первой книге и говорится подробно о празднестве в честь Индры, следует сказать, что из главных мужских богов индуистского пантеона в Южной Индии были особенно почитаемы Вишну и Шива, особенно последний. И Вишну, и Шива отличаются многоаспектностью, с той разницей, что многоликость Вишну, дарующего спасение, проявляется в диахронии мифологического времени, тогда как многоаспектность Шивы — в плане синхронии. В своих многочисленных аватарах Вишну меняет лишь внешний облик, но внутренне или в плане содержания он не претерпевает изменений: как бог, охраняющий вселенную, Вишну принимает разные облики, чтобы уничтожить зло и восстановить справедливость. В *Бхагавадгите* Кришна, восьмой аватар Вишну, говорил Арджуну:

Я — Атман, нерожденный, непреходящий,
Я — существ владыка,
И все же, будучи выше своей природы,
Я рождаюсь собственной майей.
Всякий раз, когда ослабляется дхарма
И беззаконие prevозмощает, я создаю себя сам,
Бхарата.

Для спасения праведных, для наказания злодеев,
Для утверждения закона из века в век я рождаюсь⁶.

Так, в облике рыбы Вишну спасает Ману, индийского Адама, от потопа и направляет его ковчег в Гималаи; в облике черепахи Курмы Вишну помогает богам и асурам извлечь со дна океана амриту, напиток бессмертия; в образе карлика Вamana Вишну лишает власти царя Bali, предьявлявшего чрезмерные притязания к богам; в облике Кришны Вишну поражает Кансу, царя асур, и т. д.

⁶ *Махабхарата II, Бхагавадгита*, перевод Е. Л. Смирнова, Ашхабад, 1956, стр. 97.

Шива, наоборот, меняет не столько свой внешний облик, сколько внутренний. Шивааты видят в Шиве символ всеоку-шающего и всеизменяющего времени, символ разруше-ния и смерти, неизбежной прелюдии рождения. Универсальный закон изменения, разрушения и возрождения нашел свое во-площение в мифе о Шиве. Кроме двух глаз, символизирующих солнце и луну, Шива наделен третьим оком, горящим на его челе и символизирующим мистическое видение. Украшенный гирляндой черепов и окруженный призраками, злыми духами и демонами, он появляется в тех местах, где есть смерть. Но этот же Шива, одетый в тигровую шкуру, погружен в медита-цию на гималайских склонах, и мир поддерживается, укрепля-ется благодаря медитации Шивы, отшельника и покровителя аскетов, свет и тепло существуют благодаря очам Шивы. Но он не только символ всеразрушающего времени и мистическо-го созерцания; Шива — царь танца Натараджа, и захваченный неистовым танцем бог особенно популярен в стране тамиллов.

В индийской мифологии за каждым жестом, за каждым атрибутом бога таится важный мифический подтекст. Так, тре-тий глаз на лбу Шивы появился внезапно, когда игривая Пар-вати, подкравшись к нему сзади, закрыла ему глаза руками, и оттого весь мир погрузился во тьму. Точно так же танец Шивы символизирует ритм и вечное движение вселенной. Здесь мы подходим к пониманию Шивы как символической фигуры, намеренно вносящей хаос, испытывающей твердость своих приверженцев, демонстрирующей свою необыкновенную силу с целью обратить иноверцев в своих последователей. Если за аватарами Вишну и его действиями скрывается спокойное сознание своего могущества (отсюда и его появления на арене вселенной в периоды острого кризиса), то в поведении Шивы можно видеть меняющееся напряжение жизни, ее непрерывно бьющийся пульс вечных противоречий, перехода из одного со-стояния в другое ради сохранения полноты самой жизни, им-пульсивное и интуитивное стремление идти наперекор обще-принятию и вместе с тем ложному, могущественному и вме-сте с тем шаткому.

Две другие фигуры в пантеоне богов *Шилаппадикарам* должны привлечь наше внимание. Это бог войны Муруган и богиня Котравей, тамильский эквивалент богини Дурги, во-площения супруги Шивы. Тамильский бог Муруган первонач-ально был богом гор и плодородия, которому посвящались

вакхические танцы. Он изображался восседающим на павлине и вооруженным копьем и обычно сопровождал свою кровожад-ную мать Котравей в ее каннибальских пирах на полях сра-жения. Муруган в поэме *Шилаппадикарам* — результат слия-ния Сканды, сына Шивы, и тамильского Муругана. Шестигла-вый Сканда, или Картикейя, был сыном Шивы и богом войны, его рождения ждали с величайшим нетерпением боги и риши, ибо он единственный мог убить тиранящего их асуру Тараку. Гимны горянок в начале третьей книги посвящены Муругану — Сканде, и в них можно отчетливо проследить как остатки ор-гиастического культа Муругана среди древних тамиллов, так и слияние в нем двух богов: южноиндийского бога гор и севе-роиндийского бога войны.

Фигуры богинь в индийской мифологии должным образом дополняют образы своих мужей-богов. Так, Сарасвати, супруга Брахмы, является покровительницей наук и искусств, а лото-сорожденная Лакшми, супруга Вишну, служит живым вопло-щением красоты, дарует богатство и процветание. И сложному образу Шивы, выступающему то как углубленный в созерца-ние отшельник, то как неутомимый носитель смерти и разру-шения, соответствует фигура его супруги, которая выступает в двух ипостасях: в одном воплощении она — добродетельная и благочестивая Парвати, в другом — могущественная и воин-ственная Дурга, или Кали, которая в тамильском пантеоне сли-лась с матерью Муругана — наводящей ужас богиней войны Котравей.

У Котравей пронизывающий взгляд огромных немигающих глаз, почерпавшая от яда шей, грудь закрыта кожей ядовитой змеи, плечи прикрыты слоночьей кожей, а бедра и ноги завер-нуты в шкуру кровожадного тигра. В то же время богиня, стоящая на одной из двух голов могучего асуры о двух туло-вицах и сжимающей в руках всепоражающий трезубец, па-деляется красотой Лакшми и мудростью Сарасвати.

Двенадцатая глава, повествующая о буйном племени ма-раваров и их гимнах в честь богини Котравей, принадлежит безусловно к одной из наиболее интересных, поскольку она содержит ценные сведения как о быте этого дикого племени, так и о его богине и жрице — Чалини. Чалини, жрица богини Котравей, упрекает марабаров за то, что они перестали совер-шать жертвоприношения в честь богини. Она укоряет их за то, что они уподобились тем добродетельным людям, которые

следуют дхарме. Упрекает за то, что опустели их дворы, в то время как стали тучными стада их недругов. Порицает за то, что они перестали заниматься грабежами, умерили власть и подавили гордость. Лучшим жертвоприношением этой богине служит кровь, струящаяся из ран мараваров, вернувшихся с угнанными у соседей стадами. Если полагаться на такое описание Котравей, то следует заметить, что она вобрала часть признаков, присущих Кали, и заимствовала по крайней мере две черты, присущие самому Шиве: речь идет о почерневшей, как и у Шивы, от яда шее и трезубце, неизменном оружии того же бога. Но самое главное, пожалуй, это та антидхарма, которой требует через Чалини от своих приверженцев Котравей.

Та точка зрения, согласно которой индийцы воображали себя живущими в одном мире с богами, находят себе подтверждение и в существовании целого ряда фантастических существ, которым индийская мифология отводила промежуточное положение между богами и людьми. К ним относились полубоги и духи, наделенные в мифологической системе вполне определенными функциями. Их краткая характеристика необходима для понимания *Шилападихарам*. Наиболее нейтральными из них по отношению к людям и богам следует признать гандхарвов, слуг Индры и небесных музыкантов. На одном уровне с гандхарвами, среди которых были лишь персонажи мужского пола, были апсары, или нимфы, к числу которых принадлежала Урваши, прародительница рода танцовщицы Мадави: апсары наделались красотой, чувственностью и являлись искусительницами для удалившихся от мира отшельников и аскетов. Среди полубогов видное место занимали видьяхары — волшебные существа, обитавшие высоко в Гималаях, способные летать по воздуху и менять свой облик. Были и злокозненные существа: асуры, ракшасы и бхуты. Асуры, или демоны, — носители зла, но их козни направлены преимущественно против богов, одолеть которых им было, однако, не под силу. Ракшасы функционально были носителями зла, но козни этих существ с фантастическим обликом направлены преимущественно против людей. Наиболее опасными духами, действовавшими по ночам, были бхуты — обнаженные призраки несчастных, умерших насильственной смертью и не удостоившихся необходимого погребального обряда — шраддхи. Но, кроме того, в разряд бхут включались и духи-хранители.

К этой же промежуточной группе полубогов принадлежат мунни и риши. Подобно видьяхарам, святые мунни («молчаливики») наделаются способностью летать по воздуху; их одеянием служит ветер, и они могут читать мысли людей. Риши («видящие») считаются составителями ведийских гимнов; в числе знаменитых тринадцати риши упоминается обычно и Агастья, который, согласно преданию, положил начало распространению на юге североиндийской культуры и религии. Впоследствии к этой же группе полубогов примкнули шестьдесят три наянара — шиваитских святых и двенадцать альваров — вишнуитских бхактов. На юге Индии, как и на севере, обожествлялись не только люди, но и животные, в первую очередь коровы и змеи: так, Каннахи вместе с брахманами пощадил коров; так, обладают божественной природой и тысячеглавый змей Шеша, на котором возлежит Вишну, и змей Васуки, с помощью которого боги и асуры пахтали океан. Считались священными дерево ашока, растение тулси, трава куша, или дарбха. Среди священных гор Южной Индии особенно почиталась гора Поди, обитель риши Агастьи, и обожествлялась река Каверп, на которой стояли Мадур и Пукар.

Боги в индуистском пантеоне отнюдь не всемогущи. Боги бессмертны, но, как и другие живые существа, подчинены абсолютному закону кармы. Реализация закона кармы служит ключом к важнейшим событиям, происходящим в поэме. В океане бесконечных перерождений карма («деяние») служит тем высшим мерилем, которому подчинено все. В мифологии почти всех философско-религиозных систем Индии, включая буддизм и джайнизм, неизменно центральное место занимает учение о карме. Соотношение кармы и божественной воли, возможность устроить или смягчить действие этого закона, интерпретация кармического механизма, взаимосвязанность с другими единицами системы — таковы те проблемы, решение которых накладывало определенную дифференцированную печать на то или иное философское течение. Господствующие индуистские учения рассматривали тело как одежду, которая, придя в ветхость, должна была быть немедленно заменена другой. Подобно птице, вылупившейся из яйца и оставляющей свою скорлупу, душа после смерти оставляет тело и находит себе новую обитель. Этот процесс беспределен, и доктрина перерождений связывала различные формы жизни в единую систему. Перерождениям со сменой юг подверглись даже боги;

этому же закону подчинялись животные, насекомые и растения. Поступки в прошлом рождении неизменно несут вознаграждение или расплату в теперешнем рождении. Благое и непорочное поведение дарует счастье и блаженство в следующем рождении. Зло, творимое в одном рождении, приписит беды и несчастья в другом. Этот закон предопределенности рождения поступками предшествующей жизни и есть карма.

Карма — звено, связывающее душу и тело. В джайнской интерпретации кармы незнание, злоба, алчность, гордость и заблуждение — это те пять субстанций, на которые налипают кармические частицы и которые направляют кармический поток в направлении души. Инфильтрация кармического потока приводит к такому слиянию кармических частиц с душой, что их невозможно разъединить, как слитые вместе молоко и воду. Приток свежей кармы может быть приостановлен с помощью истинной веры, истинного знания и соответствующего поведения. При дальнейшей реализации этой триады уже накопленная карма начинает уменьшаться. Состояние мокши, или освобождения, достигается, когда исчезает последняя кармическая частица, связь между душой и кармической субстанцией растворяется и душа обретает свою первозданную чистоту, бесконечную веру, знание и власть.

Ковалан погибает потому, что его карма несет неотвратимое возмездие за его проступки в прежнем рождении. Никакие его заслуги в теперешнем рождении, никакие добродетели его супруги и никакие благословения мудрецов не в состоянии не только устранить роковое возмездие, но даже смягчить его. Дела прежнего рождения раз и навсегда записывают на скрижалях следующего тот путь, который должен пройти носитель данных рождений. Ковалан становится жертвой интриг царского ювелира и падает от меча невежественного и захмелевшего нецстового стражника; эти люди попесут должное наказание за свои поступки, но сами они не более и не менее как орудия неумолимой кармы. Прискорбный конец Ковалана носит характер фатальной справедливости, и в нем в конечном счете нет никаких признаков мученичества. Погибая грешником, он возопит в сваргу Индры в божественном облике. В характере интригана Бхараты нет ничего общего с великодушным и щедрым Коваланом, в которого он перевоплотился в следующем рождении, однако судьба последнего определена поступками первого. Последние дни Ковалана и Каннахи в главном вос-

производят те обстоятельства, при которых погибли жертвой Бхараты чужеземный торговец и его жена.

В связи с трактовкой кармы целесообразно остановиться на религиозной принадлежности автора. По традиции считается, что Иланго, отрекшийся от своего права на власть, стал джайнским аскетом. Как уже указывалось в начале статьи, нет достаточных оснований считать принца Иланго истинным автором *Шилаппадикарам*. Тем не менее приписывание авторства принцу-джайну следует рассматривать как существенный факт при решении вопроса о религии автора. Симпаты последнего к джайнизму очевидны: Ковалана и его жену сопровождает до самой Мадур джайнская отшельница Кавунди, которая не упускает случая произнести назидание. Эта же отшельница представляет джайнского отшельника произнести один из наиболее длинных в поэме монологов об архате, или джайнском мудреце, достигшем всеведения. Упор на неизбежность кармы также свидетельствует о близости автора к джайнизму. Однако не в пользу джайнской принадлежности создателя поэмы говорят постоянные упоминания о священных четырех ведах, которые были объявлены джайнами апокрифическими. Не согласуется с антибрахманской направленностью джайнизма и то преклонение перед брахманами, которое проявляется уже в первых двух книгах, но особенно отчетливо проступает в третьей книге в отношении Мадалана.

С нашей точки зрения, трудно совместить с джайнизмом и столь подробный показ обширного пантеона божеств Южной Индии, и установление культа новой богини супружеской верности.

Не лишена оснований точка зрения выдающегося индийского тамиловеда Свамнатх Айяра, считавшего автора поэмы шиваитом. Однако культ Вишну в лице его аватара Кришны также нашел отражение в поэме. Не решая вопроса окончательно, можно лишь сказать, что принадлежность автора поэмы к джайнам более чем сомнительна.

Все эти вопросы поднимаются еще и потому, что автор сумел показать жизнь Южной Индии настолько полно, насколько позволяли ему возможности избранного им жанра. Напомним, что поэты, писавшие на санскрите, были до такой степени регламентированы выбором сюжета и персонажей, канонами описания чувств и окружения героев, что поэтическое вдохновение оказывалось в губительных тисках предписаний.

Читатель вскоре обратит внимание на частые повторения одних и тех же сравнений, метафор, эпитетов, характеристик, образов. При описании красивой женщины глаза ее обычно уподобляются лотосам или сражающимся карпам, а взгляд этих глаз подобен удару копьем. Лицо красавицы непременно сравнивается с полной луной, а изогнутые брови подобны луку бога любви Камы, из которого он пускает свои цветочные стрелы. Ее зубы подобны жемчугу, а губы — красным кораллам, густые волосы напоминают темные тучи. Талия настолько подлинна, что напоминает стремительную молнию, настолько хрупка и тонка, что готова переломиться под тяжестью украшений. Ее руки обычно увиты тонкими браслетами; в разлуке с любимым тело ее покрывается желтизной и с похудевших рук спадают браслеты. Статная походка красивой женщины вынуждает скрыться даже лебедей, испытывающих зависть. И если не видно на небе луны, то не воплотилась ли она в красавицу, которой восхищается влюбленный?

В таком описании женщины традиционные образы санскритской поэзии — подобные лотосу глаза, лебединая походка — сливаются с часто тамильскими выразительными средствами, к которым относятся гиперболическая хрупкость талии и атрибуты разлуки. Характерно для поэмы сравнение земли с красавицей: моря с волнующимися водами служат ей одеянием, горы выступают точно ее груди, темные, застилающие небо тучи — ее волосы, а прорезающие горы реки — сверкающие жемчужные ожерелья (VI). В другом месте поэмы и сама река сравнивается с красной женщиной: цветущие деревья по ее берегам напоминают ее одежду; лепестки белого жасмина, упавшие в воду, — ее зубы; большие карпы, появляющиеся из воды и скрывающиеся вновь, — ее большие глаза, а темные струи воды, несущие лепестки, — ее волосы. Дворцы Пукара и Мадуря касаются самого неба, в своей руке царь неизменно держит справедливый скипетр. Лишено изъяна почти все описываемое: и купеческий род Ковалана, и красота Каннахи, и добродетели джайнской монахини, и древние веды. Войско Сепгуттувана сказочно велико, и много раз автор говорит о его непобедимости.

Значительное место в классической индийской поэтике занимает теория чувств и настроений, которые должны возбуждаться поэтическими произведениями. Специфическим настроением отличаются отдельные главы, что достигается посредством

целой системы *вибхас* — «возбудителей», включая вступительную часть к каждой главе. Так, первая глава о бракосочетании полна благословений, описаний пышной церемонии, доброжелательных восклицаний и пожеланий. Автор не столько показывает главных лиц бракосочетания, сколько создает искусную мозаику окружения и самого процесса. Следующая глава дана в спокойных тонах, соответствующих счастливой семейной жизни. В шестой главе повествуется о безумных утехе и наслаждениях влюбленных. Ничто не предвещает ухода Ковалана от Мадави в начале следующей главы, но с того момента когда Мадави начинает свои напевы, напряжение растет. В еще большей степени усиливается тревога в главе, посвященной тяжелому сну Каннахи и возвращению Ковалана. Настроение характеризует не только отдельные главы, но и каждую из трех книг в отдельности. Первая книга посвящена счастью влюбленных. Именно для этой части характерно вторжение эротических настроений, чуждых двум другим книгам. События второй книги являются либо подготовкой к смерти Ковалана, либо ее следствием. Рассуждения брахманов о карме, гимны мараваров, сны Ковалана и царцы, зловещие приметы, тяжкое предчувствие Каннахи и ее мнение окрашивают книгу в мрачные тона трагедии, смягчаемые сценами жизни пастушек и их танцев. Наконец заключительная, третья книга исполнена торжественного настроения почитания и жертвоприношений.

Тамильская «Повесть о браслете» написана в стихах, и адекватный поэтический перевод, возможно, со временем дополнит прозаический. Специфическая черта тамильской поэзии периода поздней сауги — ее ассонансная рифма в начале строк. Достигается созвучие одного, двух и более слогов. Начальные согласные строк не рифмуются. Начальные гласные первых слогов могут совпадать, но не обязательно; однако, как правило, гласные первых слогов совпадают по долготе или краткости.

Проследив содержание *Шилаппадикарам*, а также охарактеризовав действующих лиц поэмы и некоторые воззрения автора, мы могли бы закончить нашу вступительную статью словами о том месте, которое это произведение занимает в литературе Южной Индии. Наряду с *Тирукуралом* и *Рамаяной* Камбана *Шилаппадикарам* принадлежит к жемчужинам тамильской поэзии. Разумеется, прозаический перевод не может дать даже приблизительного представления о поэтических достоин-

ствах подлинника. В таком переводе становится очевидной излишняя растянутасть наряду с немногословием в важных эпизодах. Видный чешский дравидолог д-р К. Звелебил осуществил, насколько мне известно, первый стихотворный перевод *Шилаппадикарам* на чешский язык, и его перевод был издан в Праге в конце прошлого года. Читатель убедится в том, что поэма показывает весьма полно жизнь Южной Индии в первых веках нашей эры. Автор рассказывает об интереснейших мифах, верованиях, обрядах и обычаях. Историку Индии он сообщает множество фактов о странах и племенах, отдаленных от нас во времени. Любители литературы найдут в этой поэме одну из интереснейших легенд Индии.

В заключение мне хотелось бы выразить сердечную признательность за помощь в переводе трудных мест моему учителю Пурнам Сомасундараму, за ценные критические замечания в рукописи ленинградскому индологу С. Г. Рудину и за огромную работу по редактированию книги А. М. Пятигорскому.

Ю. Глазов

ПОВЕСТЬ О БРАСЛЕТЕ

КНИГА 1 ПУКАР

Глава I

ПЕСНЯ БЛАГОСЛОВЕНИЯ *

Восхвалим луну, восхвалим луну
за то, что дарует милость это-
му дивному миру, словно серебристый шелковый зонт*
властелина Чолы, украшенного гирляндой распускаю-
щихся цветов!

Восхвалим солнце, восхвалим солнце за то, что обхо-
дит кругом Меру с золотой вершиной, словно огненный
диск страны Кавери!

Восхвалим великий дождь, восхвалим великий
дождь за то, что проливается с неба, как милость, в мир,
огражденный наводящими страх водами!

Восхвалим цветущий Пукар, восхвалим цветущий
Пукар за то, что прославил себя и династию своих

властителей в мире, огражденном взбухшими морями.

Как про Поди, как про Гималаи, так и про обладающий необычайным величием город Пукар да не произнесут никогда пагубных слов, но изрекут лишь славную похвалу.

И вот в этом городе Пукаре, сравнимом с обширной сваргой и нагалокой, выросла Каннахи, словно золотая ветка на цветущем древе рода Манайкана, рука которого так же щедра благодеянием, как облако дождем. Каннахи достигла двенадцати лет и воплотила в себе великие сверкающие добродетели любви, так что другие женщины восхищались ею и преклонялись перед нею, говоря, что ее красоту можно сравнить лишь с обаянием Лакшми, восседающей на лотосе, а своей чистотой она подобна Арундхати, чуждой всякого зла.

В том же городе вырос и достиг шестнадцати лет сын известного своим богатством и необычайной щедростью Масаттувана*, род которого возвысился вместе с лучшими семьями в государстве великого властителя. Добродетельного юношу звали Коваланом. Слава о нем, как об умелом торговце, распространилась в других странах, и луноликие женщины, собравшись в круг, где слова прекраснее музыки, восхваляли его и называли обладающим алым копьем Муруганом, что вызывает восхищение при первом взгляде.

В один из дней родители пожелали устроить пышную свадьбу Ковалана и Каннахи. Посадив на спину слона украшенных драгоценными ожерельями женщин, они возвестили всему городу о свадьбе.

И вот бьют барабаны, гремят литавры, одна за другой оглашают воздух раковины*, подняты белые шелковые зонты, словно появился сам властелин, улица наряжена предвещающими счастье украшениями. В мандапе с колоннами, инкрустированными алмазами и украшенными в верхней части распустившимися цветами, в красивом, сверкающем жемчугом шатре под голубым шелковым куполом, в тот самый час, когда идущий по небу месяц соединяется с Рохини, Ковалан вместе с Каннахи, своей красотой подобной Арундхати, совершил под наблюдением престарелого брахмана обряд обхода

вокруг огня в согласии с предписаниями вед. Какое наслаждение испытали глаза свидетелей этого зрелища! Женщины со сверкающими умащенными телами разбрасывали вокруг зерна риса и цветы, провозглашали счастливые пожелания, пели, бросая украдкой взгляды на жениха. Украшенные гирляндами с трепещущими цветами, они разбрызгивали ароматные жидкости и наполняли воздух благовонным курением. Красавицы с упругими юными грудями разбрасывали истертый в пыль благоуханный сандаловый порошок; женщины, чьи лица озарены улыбкой, несли горящие лампы, сосуды, наполненные водой, горшки с только что зазеленевшими всходами. И красивые женщины с вьющимися локонами, украшенными цветком, с прекрасными золотыми ожерельями бросали крохотные бутоны и возглашали:

— Да не разлучится она с любимым! Да не разомкнутся обнимающие руки! Да будет уничтожено зло!

Каннахи, своей красотой напоминавшую Арундхати в этом прелестном мире, положили на роскошное благоухающее ложе, и женщины восклицали:

— Пусть вращает единовластно свою чакру повелитель Чолы, дерзновенный меч которого прошел сквозь множество сражений по склонам Гималаев, с одной стороны которых высечен им свирепый тигр*, а с другой — возвышается золотая вершина*.

Глава II

О СЕМЕЙНОЙ ДХАРМЕ

Роскошен великий город Пукар, где в изобилии живут торговцы, богатствам которых могли бы позавидовать многие властелины мира. Пукар обладает таким богатством, что он не оскудел бы, — явись сюда гости со всей обширной земли, окруженной ревущим океаном*. Жители наслаждались жизнью, словно обитатели Уттар-Куру, вкушавшие наслаждение за свершенные ими подвиги тапаса. Здесь родились красавица Каннахи

с большими, как цветы, глазами и ее возлюбленный супруг. Оба были потомками великих родов с неоскудевающими традициями добродетели; их предки привезли на больших и малых судах редчайшие драгоценности и такие богатства, словно бы все страны мира свезли сюда свои сокровища.

Они возлежали на постели с коралловыми ножками, словно сделанной самим Майяном, в одной из зал на среднем этаже высокого дворца. Аромат красной лилии смешивался здесь с благоуханием алой кувшинки, лотов с неоппадающими листьями и распустившимися бутонами, вокруг которых кружат пчелы*. Сквозь тонкие щелочки занавеси, составленной из гирлянд жемчуга, проникает в залу теплый ветер, напоенный ароматом, вместе с пчелой, что пропиталась запахом водяной лилии, собрала пыльцу в кустах чампаки с цветами, подобными букету, в серебристых раскрывшихся лепестках нежного душистого пандана. Во вьющихся локонах ясноликой красавицы запуталась пчела; молодые супруги переполняются желанием и поднимаются на верхнюю террасу дворца, где восседает сам Весенний жар — бог страсти со своей стрелой из благоухающего цветка. Они возлежат на ложе с разбросанными кругом душистыми цветами, к которым непрерывно подлетают пчелы, и лучи, освещающие всю окруженную суровым океаном землю, рисуют на округлых плечах красавицы тростник и лиану. Сплетаются вместе венки из красных лилий и гирлянда распустившегося жасмина, серебристые лепестки которого похожи на вытянутый месяц, так что пчелы легко проникают в завиток. Венки и гирлянда, сплетаясь вместе, блекнут, и Ковалан, глядя на прекрасное лицо любимой, пробуждающее неистощимую любовь, впервые произносит слова:

— Богиня красоты Лакшми родилась вместе с тобой из вселенного океана*, и великий бог Шива, украсивший свои волосы полумесяцем, даровал тебе прекрасный луноподобный лик. Согласно обычаю дарить оружие тому, кто победил превосходившего силою врага, Бестелесный Кама подарил тебе в виде двух больших черных бровей свой большой лук из тростника. Оттого что ты появилась раньше, чем напиток вечной юности*, власте-

лин богов Индра подарил тебе талию, узкую, как ваджра, которой он оберегает богов. Не для того ли, чтобы увидеть, как я буду пронзен, Шестиликий*, хотя он и лишен такой власти, подарил твоему лицу одно из своих копий с красным отблеском, как два глаза с красными линиями по уголкам? Павлины изумрудного цвета с длинным черным хвостом, завидя твоей красоте, стыдливо прячутся в зарослях лотоса. О дивноликая! Увидев твою грациозную походку, лебеди в смущении скрываются среди цветов, в изобилии растущих на увлажненном поле. Лишь маленькие зеленые попугайчики великодушны к тебе: восхитенные твоими сладкими звуками, перед которыми меркнет музыка вины и флейты и даже сама амброзия, они будут жить неразлучно с тобой, не покидая твоих рук, что подобны цветам, о красавица со скромной походкой! О украшенная благоухающими цветами! Смогут ли сравниться с тобой женщины, хотя бы у них и были твои приносящие счастье драгоценности? Пусть даже твои пышные черные волосы не будут украшены цветами, — разве сравнились бы с тобой другие женщины, украсившись гирляндой, блеск которой меркнет? Даже если бы ты не благоухала ароматом душистой аквиларии, разве смогли бы они соперничать с тобой, прибегнув к помощи мускусной пудры? И пусть не будет на твоей дивной груди никакого узора, неужели они сумеют сравниться с тобой, украсивши себя нитью жемчуга? Для чего ты украсила себя этими драгоценностями — ведь теперь от их тяжести на твоём луноподобном лице появляются, словно жемчужины, росинки пота и нежнейшая талия вот-вот переломится*. Золото, лишенное изъяна! Жемчужина, рожденная раковиной с линиями, идущими вправо*. О чистое благоухание! О сахар! О мед! Статуя, которую едва ли можно обрести! О напиток, дарующий полную жизнь! Я назову тебя изумрудом, что не рождается в горах! Назову амброзией, что не рождается во вспененном океане! Назову сладкой музыкой, что не рождается в звуках вины! О красавица с черными ниспадающими локонами! — Так говорил ей Ковалан, украшенный гирляндой сверкающих сплетенных цветов, в один из тех дней, когда радость охватывала его при

мысли об объятиях с возлюбленной неопишущей красоты.

Старая хозяйка дома, обладающая великой добродетелью, вместе с досточтимыми родичами пожелала поселить Ковалана и Каннахи отдельно со множеством слуг, дабы Каннахи могла постигнуть семейную дхарму, обрести величие добродетелей и усвоить искусство заботы о гостях.

Минуло несколько лет, в течение которых Каннахи, наделенная редким величием, постигала достойную хвалы дхарму семейной жизни.

* * *

Как рассерженных змей, свившихся в один клубок, нельзя разъединить возлюбленных: слившись в любви, как Кама со своей супругой, они испытывали нескончаемые наслаждения и спешили вновь предаться любви, словно уже убедились в непостоянстве радостей на земле.

Глава III

НАЧАЛО ДРАМЫ

Великий мунн Агастья, обитавший на горе Поди, однажды предал проклятию младшего сына Индры* и одну небесную деву за их недозволенное поведение. Позднее они показывали свое искусство с театральных подмостков и получили прощение. От этой божественной четы и вел свое начало род широкоплечей танцовщицы Мадави, вьющиеся локоны которой были украшены распутившимися цветами; ее искусство танца было столь прекрасно, что она не знала соперниц в мире танцовщиц. Ее обучали этому искусству с пяти лет, и в течение семи лет под руководством наставника она постигала тайны танца, пения и умения быть привлекательной; ни одно из этих трех ее искусств не знало изъяна.

И в двенадцать лет она пожелала выступить перед царем, ноги которого украшены браслетами воина.

Ее учитель танцев в совершенстве знал правила всех разновидностей танца. Ему было известно, какие движения должны соответствовать той или иной мелодии. Он знал одиннадцать положений фигуры и правила, которым подчинялись движения рук и ног танцовщицы. Он наизусть помнил каждую мелодию. Он без труда отличал звук любого инструмента, и его владение искусством жеста, композиции и ритма было безупречно. Объясняя элементы танца, он знал, где нужен жест одной руки, а где — движение спаренных рук. Знал он, какие движения соответствовали пантомиме и какие — самому танцу. Наставник учил различать простой жест и сложный, объяснял, какой жест требует ослабления руки. Он научил ее различиям между чистым танцем и танцем любви. В движении ног учитель отличал движения чистого ритма от тех, что выражали чувства.

Ее учитель музыки прекрасно играл на лютне и флейте, в совершенстве схватывал ритм и успешно проводил упражнения для голоса. Он умел выделить барабаны с глубоким и густым звуком. Он знал, какая музыка подходит к жесту рук и какая — к движению ног. Он постиг содержание трактатов о музыке, написанных на чужеземных языках. Он умел искусно сочинять новые вариации и сочетать стиль танца и музыки, не нарушая замысла ее творца.

Сочинитель песен всесторонне овладел звучным тамильским языком, и его ученость была известна всей стране тамильской, огражденной бурными морскими волнами. Его суждения о драматическом искусстве были безупречны; в своих творениях он проник в тайны создания танцев для царского двора и для толпы. В стихах его слышался неподражаемый ритм: зная ошибки в сочинениях своих соперников, он создавал собственные произведения на безукоризненном языке.

Учитель игры на барабанах изучил стили танца, все виды пения и музыки. Он постиг различные наречия страны, мелодии и ритмы; умел оттенить звучание паузой. Он знал множество народных мелодий. Ударяя в барабан, он добивался точного ритма и двойными ударами

создавал мелодичный аккомпанемент лютне, флейте и низкому голосу. Редкий знаток искусства игры на барабане, он умел создать фон для звучания других инструментов — и он же знал, когда можно заглушить барабаном все остальные звуки.

Флейтист постиг все древние тайны своего искусства. Он умел придать сладкий тембр звукам. Он знал четыре формы виртуозной игры, умел сочетать музыку флейты с цимбалами и заботился о том, чтобы пятая нота флейты звучала одновременно с барабаном. Оставаясь в пределах одной и той же вариации, он умело импровизировал. Он так воспроизводил мелодию, что слышалась каждая нота.

Затем шел учитель лютни с четырнадцатью струнами. Чтобы воспроизвести семь тонов, нужно было настроить две струны, дающие тоник и высокую ноту, находящуюся в центре. По ним можно было настроить терцию. Затем, настраивая струну с низким тоном и две высокие струны в части тоник, настраивали сексту. Он перебирал четырнадцать струн от низкой кварты до высокой терции, воспроизводя мелодию во всей полноте. Последовательность тонов была такова: начиная с терции, воспроизводилась гамма Падумалей. Начиная с секунды — мелодия Чевважи, с септимы — Коди, с сексты — Вилари, с квинты — Мерчемпалей. Нужно было понимать смысл пауз. На лютне звуки шли справа налево от высоких к низким, на флейте была иная последовательность. Учитель умел так сочетать низкие и высокие звуки с другими, что это было приятно слуху.

Устройство театра производилось согласно предписаниям древних. Предварительно проверялась земля. Сцена измерялась бамбуковой тростью со священной горы. Эта бамбуковая трость была шириной с фалангу пальца и длиной в двадцать четыре больших пальца. Сцена должна была иметь восемь тростей в длину, семь в ширину и одну в высоту. Сцену покрывал деревянный настил в четыре трости, на сцене возвышались изваяния бхут, которым следовало поклоняться. Над сценой висела изящная лампа, от света которой отбрасывали тень колонны. С помощью веревок опускали занавес сцены

и входной занавес. Фасад театра был ярко разрисован, и сверху свисали гирлянды жемчуга и цветов.

У знаменитых царей Чолы был бамбук, который служил древком для величественного белого зонта; он возвышался на многих полях битв над головой знаменитых и могущественных царей: бамбук покрывало чистое золото, а его сочленения были инкрустированы девятью драгоценными камнями. Этот бамбук — символ победоносного сына Индры, Джаянты, стоял в царском храме и был предметом почитания в царстве Чолы. На нем поддерживался серебристый зонт, охраняющий землю.

В тот день, когда ганика должна была впервые выступить на сцене, она омыла бамбук священной водой из золотой вазы и украсила его гирляндой цветов. После своего посвящения она села на царского слона, грудь которого была украшена золотом и гирляндами. Под громкие звуки барабанов и музыки царь в сопровождении советников пяти разрядов* обошел вокруг колесницы и передал бамбук поэту, восседающему на колеснице. Затем он объехал на колеснице весь город, подъехал к театру, сел в кресло и положил бамбук перед собой.

Музыканты заняли свои места. Танцовщица показала на сцене, выставив вперед правую ногу и облокотившись на колонну справа от себя, — таково было неизменное древнее правило. Ее старшие подруги, следуя столь же древнему обычаю, собрались за колоннами слева. Женщины, выстроившиеся в два ряда; запели, прославляя торжество добродетели и заклиная исчезнуть все злое и недоброе. В конце каждого гимна музыканты потрясали воздух звучанием всех инструментов. Лютня была созвучна флейте, барабан — лютне. Гобой звучал в унисон с барабаном. Все инструменты были созвучны. Два интервала образовывали такт, и каждые одиннадцать тактов, согласно обычаю, сопровождались особым знаком.

Четыре партии «песнопения благого прорицателя» последовали в принятой манере. Оно было начато с трехдольного ритма и закончено простым ритмом. И в этом удивительном ритме окончился «светский танец».

Затем Мадави исполнила танец северной страны. И обворожительная танцовщица при пятидольном рит-

ме, казалось, сумела два разных танца сделать едиными. Ее движения были исполнены такой грации, что, казалось, это была ожившая лиана. Царь, покровитель мира, был настолько очарован ее танцем, что подарил гирлянду зеленых листьев и назначил цену в тысячу восемь кажанджу золота. Такую награду получили липы, танцоры с бамбуком, продемонстрировав свое искусство впервые.

И вот гирлянду дали в руки горбунье с пугливым, как у оленя, взглядом и сказали:

— Эта гирлянда стоит десять раз по сто и еще восемь кажанджу. Кто купит эту гирлянду, будет возлюбленным нашей красавицы, украшенной ожерельем!

Когда горбунья стояла среди торгующих на большой улице, по которой ходили молодые богачи города, — Ковалан решил купить гирлянду Мадави, глаза которой были подобны большим цветам. Вместе с горбуньей он вошел в дом Мадави и тотчас бросился в ее объятия, от вожделения потеряв рассудок. Сжигаемый неутолимым желанием, он забыл про свой дом и непорочную жену.

* * *

Родившаяся в дивном Пукаре танцовщица Мадави, украшенная золотыми резными браслетами, появилась на сцене и пленила всех своим знанием науки чисел и букв: она показала свое знание пяти жанров поэтического тамилия, четырех видов мелодии и одиннадцати жанров драматического тамилия. И слава ее пошла по земле.

Глава IV

БЛАЖЕНСТВО СУМЕРЕК

В час грусти, когда приходит печаль и теряет своего повелителя великая красавица-земля, одетая в наряд волнующегося моря, тускнеет горизонт ее лица, наполняются слезами ее глаза, подобные цветам, озноб сотрясает ее и она восклицает:

— Я не вижу более моего владыку, что едет на одноколесной повозке*, посылает всепроникающие лучи и управляет всем миром! Где же его красивый сын — месяц, озаряющий светом чарующий небосвод? Как враждующий царь, объединившийся с непокорными племенами к горести для послушных, платящих дань племен, вторгается в пределы страны, чтобы истребить ее богатства, в тот момент, когда в ней нет власти с всепобеждающим войском, подкрадывается вечер в древний и богатый город, в минуты, когда безутешно тоскуют женщины в разлуке со своими мужьями, когда безмерно ликование жен, слившихся в объятиях со своими любимыми, в тот час, когда пастух рождает своей бамбуковой свирелью волшебную, как цветы, мелодию, когда на городских улицах дует тихий южный ветер, провожая домой пчел и неся с собой скрытый в бутонах аромат, когда женщины, украшенные блестящими стеклянными браслетами, зажигают красивые лампы.

Серебряный месяц появляется на окутанном сумерками небе, прогоняя страдания грустного вечера. Он словно первый воин в войске молодого пандийского царя, одержавшего победу над повелителем врагов и снижавшего славу в сражении. При серебристом свете месяца, который, не отклоняясь от установленного пути, повелевает звездами и озаряет мир своими молочно-белыми лучами, Ковалан и Мадави возлежат на постели, по которой разбросаны цветы жасмина. Затрепетал, падая, пояс, облегающий бедра, украшенные нитью красных кораллов. Они лежат на высокой террасе, озаренной лунным светом, и увенчанная гирляндой красавица, что в неистовстве любви словно уже и не Мадави, то обнимет, то изобразит притворное негодование, то снова бросится в объятия Ковалану с сердцем, от которого исходит жар любви.

От таких счастливых женщин исходит аромат черной аквиларии южных стран, смешанный с запахом белого пальмового сахара из западных стран. Они покрывают свое тело сандаловой пастой с южной горы Поди, приготовленной на излучающем свет круглом камне, доведенном с северных Гималаев. Свою шею они укра-

пашут ожерельями крупного жемчуга и гирляндами цветов, в которые вплетены и нежные ростки водяной лилии, и полные нектара цветы, и лотос, доставляющий радость глазам, и алые лилии.

Покрыв себя ароматным кунгумовым порошком, они лежат в постели, по которой разбросаны пышные цветы, и теплый южный ветер возбуждает их любовный пыл. Эти красавицы с дивными глазами цвета темной лилии прижимаются к своим возлюбленным, в которых пребывает их жизнь, и, утолив страсть, погружаются в сладостное оцепенение.

А на прекрасных маленьких ножках Каннахи не видно красивых браслетов. Нет роскошного пояса на ее нежном одеянии, киноварь не красит ее груди, и нет у нее желания украсить себя драгоценностью; лишь природной красотой блещет она. Сняты крупные серьги, украшавшие ее красивые, теперь поблекшие, уши. На ее лунном лице не выступают от страстных объятий крохотные капельки испарины, ее большие глаза, покрасневшие в уголках, словно чешуя карпа, забыли про сурьму. Ее покрасневшее, точно коралл, блестящее чело потеряло свой тилак. Ее улыбка, сверкавшая белизной зубов, потеряла Ковалана. Длинные черные волосы забыли о благовонном масле. С тяжелым сердцем Каннахи страдала лунной ночью в разлуке с мужем.

Такие несчастные женщины, разлученные со своими мужьями, знают лишь страдания сердца, раскаляемого огнем разлуки, точно пламя, раздуваемое кузнечными мехами. Жаркую пору они проводят на террасе, не зная любви. Прохладное время они страдают, закрыв небольшие решетчатые окна на среднем этаже дворца, не уместившись сандаловой пастой с горы Поди, не украсив своей опустившейся груди ожерельем из драгоценных жемчужин. Они не ложатся на пышную постель, по которой томится холодная красная лилия вместе с лотосом, растущим в вазе. К ним не идет сон, когда они опускаются на нежное ложе из пуха лебедки, вкусившей сладость любви со своим неразлучным лебедем. Во времена размолвки с их бесценными возлюбленными и наигранного негодования они всхлипывали и срывали с ушей серьги. И большие глаза, в то время беспо-

койные, покрасневшие у век, сузившиеся, чтобы разжалобить безжалостное сердце любимого, теперь наполнены непритворными слезами тоски.

Женщины с легкой походкой лебеда — водоем с чистой водой, благоухание водяной лилии; их дивный рот подобен ароматному лотосу, полному нектара. Их волосы подобны дремучим прохладным джунглям, и рой пчел выводит над ними свою мелодию, когда они раскрывают свои чудесные лотосоподобные глаза. Стая острокрылых пятнистых петухов оглашает город пронзительной птичьей музыкой. И когда сон объемлет обширный, словно море, Пукар, Кама не спит. Он не спит и на исходе ночи, и на рассвете, и в глубокую полночь, и днем. Обладатель победного знамени с изображением рыбы, он поднимает свой тростниковый лук со стрелой — благоухающим цветком и, шествуя всю ночь, обращает город в рабство.

* * *

Месяц сияет на небе, словно серебряный зонт покровителя, прикрывающий тенью слившихся в объятиях и жгущий огнем разлученных. Глубокой ночью, когда цветы раскрывают свои лепестки, проходящий по небу и озаряющий его своим светом месяц плет прохладу слившейся в объятии с Каваланом Мадави и жгучую боль разлученной с ним Каннахи.

Глава V

ПРАЗДНИК ИНДРЫ В ПУКАРЕ

Солнце восходит над вершиной, посылая свои лучи, что играют, как цветы, и несут свет, озаряющий мир. Солнце срывает покрывало ночи с тела красавицы-земли, раскинувшейся далеко вширь: моря с волнующими водами как бы служат ей одеянием, горы — ее выступающие груди, прорезающие горы реки — словно сверкающие жемчужные ожерелья, а темные застилающие

небо тучи — точно волосы красавицы. Террасы с навесами, сквозь которые не проникает солнце, жилища с пышными украшениями, дворцы с решетчатыми окнами, на которых нарисованы глаза оленя, дома яванов, не знающих убытка в своих торговых предприятиях, — увидевшие Пукар замирают в удивлении. Многие чужеземцы, что покинули свои страны в надежде добыть богатство товарами, привозимыми на больших судах, смешались между собой, поселившись в передней части города на побережье, омываемом сверкающими водами. Здесь расположены улицы торговцев краской, ароматной пудрой, освежающим благоуханным сандалом, цветами, благовониями, душистыми семенами, здесь лавки ремесленников, ткающих из шелковой, волосной и хлопковой нити; здесь широкие улицы, где выставлены в обилии шелка, кораллы, сандал, аквилария, лишенный изъема жемчуг, драгоценности, золото. Тут улица, которая ломится от зерна самых разных видов, здесь лавки пирожников, пекарей, торговцев тодди, а также продавцов рыбы, белой соли, бетеля, соусов, мясные лавки, лавки торговцев бараниной, лавки торговцев жирами. Тут жестянщики и медники, плотники и кузнецы с большими руками, граверы, чьи глаза подведены сурьмой, лепщики глиняных фигурок, золотых дел мастера, гранильщики драгоценных камней, портные, кожевники и безупречные мастера, владеющие искусством шитья.

В той же части древнего города среди людей самых различных ремесел восседают музыканты, что овладели трудным искусством. Вся улица — свидетель их мастерства, когда их вины, флейты и голоса рождают несравненные мелодии. На другой половине города протекает широкая царская улица, по которой движутся колесницы, украшенные гирляндами. Здесь же базарная улица, квартал богатых торговцев из старинных родов, квартал брахманов, кварталы, где господствуют обычаи и любящих свой род землепашцев, и целителей — знатоков сверкающей мудростью Аюрведы, и астрологов, угадывающих будущее. Здесь и большая широкая улица, где живут ремесленники, нанизывающие жемчуг в ожерелье и выковыливающие браслеты с мудрыми изречениями. Вместе с придворными певцами и панегиристами

здесь живут астрологи, танцоры, глаза которых постигли тайны изящества формы и движений, прекрасные наложницы и танцовщицы, ганики, получившие в награду тирлянду цветов, служанки, декламаторы, глосаторы, скоморохи-канатоходцы и прочие. Здесь в приморской части города, о величии которого сложено много песен, в прекрасных дворцах живут богатые люди, наделяемые достоинством и величием. Здесь же объездчики дорогих лошадей, погонщики слонов, возницы просторных колесниц и военачальники с жестокими глазами.

Обе половины города разделены пространством, что напоминает поле сражения между лагерями двух могучих властелинов. Это базарная площадь, на которой продают связанные вместе деревья и где с самого утра стоит непрерывный грохот. На этой площади стоит жертвенник, у которого в месяц читра в день полнолуния приносят дары бхуте, некогда отбратившему беду от властелина с победоносным копьем. С тех пор по повелению Царя богов* туда кладут вареный рис, сладкое мясо с изюмом, жирный плов, цветы, льют кипящий рисовый отвар. Там женщины, одержимые духом Анангу, танцуют танец демона и танец любви; там бесстыдные девушки и жены марабаров поклоняются бхуте и совершают приношения, крича во всю силу голоса, чтобы голод, болезни и вражда покинули всю великую землю их могучего повелителя, прося дождей и урожая.

Жители прибрежной части города, воины из внутреннего города и отважные марабары, теснясь, проталкиваются к жертвеннику и возлагают на великий алтарь все приношения с возгласами:

— Да отвратятся несчастья от нашего владыки! Да не оставь принесших тебе свои жертвы!

Вооруженные пращей воины, метатели копья со щитами, обтянутыми кожей с оставшимся на ней мясом, — те воины, что одерживали победы во многих битвах и наводили страх на врага в кровавых сражениях, — испускают торжествующий вопль. Отважные воины громовым голосом восклицают:

— Да возрастет могущество победоносного черноволосого царя с горящими как угли глазами! Прими же в жертву наши жизни!

И во исполнение сурового обета, отрубив себе голову, бросают ее в предсмертное мгновение на жертвенник.

Некогда мудрый и великий властелин Карикалан, питая страсть к сражениям и не видя вокруг себя достойных врагов, стал искать знамений: он перевернул меч, зонт и барабан, обтянутый кожей с оставленными на ней волосами, и воскликнул:

— Наши могучие руки сразятся с врагом в северной стороне!

И в тот же день он выступил на север при благоприятном знамении. Преисполненный непоколебимой отваги и умиротворяющей свою страсть, он сотрясал величественные горы, словно своих врагов.

На той же стороне гор, за которой обитают боги, он велел высечь на скале свирепого тигра. Оставившему свой знак Карикалану, когда он возвратился в свою страну, повелитель государства Ваджры, окруженной великим морем, подарил пандар — шатер, расшитый жемчугом. Участвовавший во многих сражениях царь страны Магадхи, отбросив свою вражду, подарил ему мандапу для собрания певцов и поэтов. Царь Аванти, испытывая радость, преподнес ему торапу — триумфальную арку, сделанную с невиданным искусством.

Все эти сооружения были выполнены так искусно, так богато украшены золотом и драгоценными камнями, что создание их приписывалось самому Майяну, постаравшемуся отблагодарить предков этих трех царей за их помощь в древние времена. Он же поместил пандар, мандапу и торапу вместе в одну обширную открытую мандапу, которой восхищаются небожители. В этой мандапе есть еще пять обширных маандр — помещений.

В первой из маандр были собраны товары с ярлыками, на которых были обозначены имена торговцев и цены. И хотя там не видно было стражи и не было ни стен, ни засовов, но само это место своей волшебной силой заставляло дрожать всем телом каждого, кто хотя бы подумал о краже.

Во второй маandre есть водоем, где совершают омоения горбуны, карлики, немые, глухие и калеки с изъеденным язвой телом. Исцелившись, они обходят маандру еще раз и покидают ее.

В третьей маandre лежит громадный сияющий рубин; сюда приходят несчастные, опоенные дурными снадобьями и оттого впавшие в безумие; сюда приходят страдающие трясучей болезнью от проглоченного яда, а также укушенные острым зубом змеи, наполненным огненным ядом, или пораженные жестокой болезнью от прикосновения языка злого духа Кули. Все эти недужные обходят маандру, совершают поклонение, и их недуг исчезает.

В четвертой маandre взору предстает перекресток четырех дорог, где обитает бхута. Всех лицемеров, набрасывающих на себя личину отшельников, забывших о тапасе, всех неверных жен, тайно идущих по грешному пути, всех поддавшихся подкупу советников властелина, всех горящих возжеланием к чужим женам, всех обманщиков-торговцев, лжесвидетелей, клеветников — всех их захватывает в свои тенета бхута и, вопя пронзительным голосом, так что слышно на четыре кадама вокруг, убивает и пожирает их.

В последней маandre стоит статуя. И стоит лишь чуть погнуться жезлу справедливости в руках властителя, достаточно отклониться хотя бы на йоту в сторону от закона, возглашаемого в собрании умудренных в дхарме, как эта статуя, не издавая ни единого звука, обливается горестными слезами.

Во всех этих пяти маandraх совершаются богатые жертвоприношения. Затем из храма ваджры выносят дарующий счастье барабан и ставят на шею слону с разукрашенной подпругой. В сверкающем храме могучего царя слонов возвещают об окончании празднеств. В храме дерева калпака, дающего исполнение желаний и посылающего справедливость на землю, поднимают до самого неба огромное знамя, приносящее счастье.

На главной улице у входа в величественный дворец был воздвигнут жертвенник из чистого золота, инкрустированный изумрудами, рубинами и алмазами, с подставкой, украшенной кораллами. Праздничные арки сверкали жемчугом из пасти крокодила, свисавшим на длинных нитях.

Повсюду были выставлены украшенные чистым золотом сосуды с землей, и на них было вырезано восемь

благословений. Везде стояли идолы со светильниками, знаменами, с украшениями из чистого золота, веерами из белых перьев — всем этим была заполнена великая улица, благоухающая сандаловой пудрой. Здесь собрались принцы, пять разрядов царских советников, восемь разрядов придворных, наследники знатных купцов, всадники на стремительных конях, погонщики слонов, колесничие, правящие быстрыми конями. Все они прославляли властелина, восклицая: «Пусть одержит победу доблестный царь!» Они черпали золотыми ковшами священную воду из устья Кавери, несущей прохладу и охраняющей жизни людей в обширном мире. Тысяча восемь мелких властителей черпали эту воду и поливали ею ваджру главы небожителей, изумляя жителей земли и вызывая похвалу небожителей.

В храме Великого, чье тело не было рождено*, в сверкающем украшениями храме Шестиликого алокопейного бога*, в храме Баладевы с телом, подобным белой раковине, в храме Гиганта с синим телом* и в храме Властителя*, украшенного гирляндой и белым зонтом, — во всех этих храмах совершаются воссоздания по установлениям великого древнего Праотца*, предписанные четырьмя ведами. Это великое торжество празднуют и боги четырех ступеней, и демоны восемнадцати родов* — все божества и духи, имеющие множество разных отличий. В обителях джайнских отшельников, в школах, где поучают дхарме, в других храмах и священных местах отшельники рассказывают древние предания. Получают милостивое прощение и сбрасывают со своих ног цепи раджи, враждовавшие с повелителем, колесница которого украшена ожерельем. Воздух наполнен чарующими звуками лютен, голосами певцов и поэтов. Узкие и широкие улицы города напоены праздничным ликованием и неумолчным боем барабана.

В цветущем саду с нежным ароматом, где растут жасмин и лотос, а красные кувшинки с кружащими вокруг них пчелами сплелись в цветущую гирлянду, обуреваемый возжеланием Ковалан, выпивший вино страсти, вновь жаждал чувственной игры с украшенной прекрасными серьгами Мадави, не знающей мук разлуки с любимым мужем. По просторной улице вместе с

темной мягкой жарой гуляет мягкий ветер с горы Поди, издают насмешливую музыку колесницы. Ветер гуляет подобно Ковалану, в ком возобладала природа гуляки, подобно Ковалану, бродящему с громкоголосыми городскими поэтами и городскими блудницами, в то время как в цветочные лавки на полной веселья базарной площади входит свежий аромат цветов и площадь наполняется благовопиями, сандаловой пудрой и повсюду слышатся игривые речи возлюбленных.

Один пел своей возлюбленной: «Кажется, что луна, боясь Змея*, оставила небо. Она украсилась темными облаками волос, приняла твой облик, нарисовала нос и подвела два глаза, похожих на больших рыб».

Другой пел: «Не стрела ли ты, пущенная с небес богом любви Камой, который несет на своем знамени дельфина? Не явился ли сюда бестелесный Кама, чтобы вновь обрести свой облик?»

Слышался новый голос: «Неужели полный нектара лотос отправился разыскивать свою подругу, богиню Лакшми, что решила украситьсь большим темным лотосом и кумижом? Возможно, богиня Лакшми вошла в этот изобилующий богатством город, желая показать повелителю обширных земель свои сокровища, и украсилась огненной гвоздикой и жасмином».

Слышалась также песня: «Неужели в образе пленительной женщины, исторгающей из вины мелодичную музыку, явился сам Яма с отверстой пастью, пожирающий живых людей? В страхе, что его отвергнет справедливый жезл властелина, Яма отказался от своего мужского облика и принял женский облик с улыбающимся лицом при стыдливой внешности, но он не отрекся от своего редкого ремесла убийства».

Составляющие великое воинство бестелесного Камы куртизанки, восхваляя отвагу страстных любовников, наслаждаются, прижавшись всем телом к своим возлюбленным. Жены, живущие в чистоте, достойной Арундхати, соединились со своими широкоплечими мужьями, — на их лицах сияет красота, и их глаза с красными уголками заставляют отвернуться в смущении лотос с жемчужными лепестками. И если пир не окончится любовью, то найдется ли какое-нибудь лекарство от любов-

ного томления в этом огромном мире в этот день великого празднества?

Подобно красной лилии, роняющей свою ароматную пыльцу и губящей свой сладкий нектар и красоту, трепещет одинокая Каннахи. В праздник властелина небожителей * наполняются слезами черные глаза Каннахи и покрасневшие глаза Мадави: только слезы Каннахи скрывают сердечное горе, а слезы Мадави говорят о ее радости.

Глава VI

НА БЕРЕГУ МОРЯ

Один видьядхара, который ежегодно вместе со своей возлюбленной с большими, как черные цветы, глазами устраивает празднество в честь бога Камы в цветущем саду, где жужжат пчелы, в необозримом великом Чеди, среди сверкающих белизной гор, решил увидеть сам великолепие торжества в честь Индры в Пукаре, славящемся богатством городе южной стороны. Он сказал:

— Увидим самое место, где, прося помощи властелину с неотразимым копьём, приносят жертвы великому бхуте. Этот поедающий жертву бхута по велению бога снял злые чары рати стремительных асур, собравшихся, дабы навести тьму на сердце Мучукунды, царя со звенящим браслетом, охранявшим со смелостью тигра град Властителя. Мы увидим величие пяти мандр Пукара на безгрешной земле, обретенной властителями Чолы, которые всегда охраняли врата Амаравати. Увидим там и змеоподобные извивы бедер юной красавицы Мадави, являющейся земным воплощением небесной девы — Урваши. Эта дева некогда возжелала предстать перед Тысячеглазым Индрой, дабы усладить его слух чудным пением и игрой на вине самого Нарады и прельстить его зрение своими танцами. Но заклатьем Агастьи ее вина потеряла свое дивное звучание, а сама она была обречена родиться на земле.

И он сказал своей возлюбленной:

— Вместе с тобою, чьи губы красны, как алые лестки, и талия столь хрупка, мы поклонимся Главе бессмертных*.

Видьядхара показал величественные Гималаи, богатый водами Ганг, город Удджайини, окруженный горами, гору Тирупати, страну Кавери с ее несметным урожаем и наконец показал Пукар, лежащий среди пышно цветущих садов, и ликующее празднество в честь Индры в этом богатом древнем городе. Видьядхара сказал, что они услышат песнопения в честь Вишну, песнопения в честь четырех бхут, которым поклоняются четыре варны, затем песнопения во славу луны, катящейся по небу и дарующей свой свет жителям земли.

— Ты увидишь танец жестокости — кодукотти, исполненный Обладателем Чудесных Век*, с одной стороны у которого находится Ума. На погребальной поляне Бхàрати, где плясала Бхàрати*, он исполнял этот танец, когда, вняв мольбам богов, безжалостно спалил своей огненной стрелой три града асур.

Ты увидишь великий пандарангам — «белый танец», который Шива в облике богини Бхàрати танцует перед Четырехглавым Брахмой, стоящим на колеснице.

Ты увидишь и танец аллиятокуди, которым чернойлицый Кришна поразил слона, разоблачив низкий обман Кансы, и танец маль, который Кришна танцует, поразив асуру Бану.

Будет исполнен и танец туди, который на сцене волн бурлящего океана танцует Тот, кто сокрушил могущество асуры*, и кудей — «танец зонта», который он, выставив впереди себя зонт, танцует перед поверженными асурами: танец кудааль, который танцует тот, кто, измерив громадную землю своими прыжками, достигает и побеждает асуру Бану* в его великом граде. Там будет и педи — танец гермафродита, который пляшет Кама, и танец мараккаль, исполненный богиней Майи, когда жестокие поступки коварных асур истощили ее терпение, и павей — танец прекрасной Шри*, принявшей облик статуи и околдовавшей асур в жаркой битве, и, наконец, танец Айравани на поле близ северных ворот столицы асуры Баны.

Исполненный великих достоинств видьядхара, радуясь при виде Мадави, сказал своей возлюбленной:

— Узри Мадави, происходящую от того рода Мадави, о котором я тебе говорил в том цветущем саду с осыпающейся пылью, — ты увидишь, как она исполнит все одиннадцать божественных чарующих танцев, и услышишь их чудное песенное сопровождение.

По мере того как приближались к концу танцы, мелькали наряды, подготовленные к празднеству в честь Небожителя Индры, и незримые обитатели среднего неба являлись туда, Ковалан впал в грусть. Чтобы радость снова объяла его, Мадави умастила свои пышные черные волосы благоухающим маслом и окропила их прекрасной водой, в которую было брошено десять кораллов, добавлено пять разновидностей духов и тридцать два благовонных вещества. Затем свои волосы, украшенные душистым цветком, Мадави смочила густым мускусным раствором; нежные пальчики красивых маленьких ножек украсила драгоценностями и искусно убрала свои ножки браслетами и цепочкой из золотых колокольчиков. Она навесила драгоценности на свои округлые бедра, украсила тридцатью двумя нитями сверкающего жемчуга свое сари из голубого разрисованного шелка, шею — красивым ожерельем, руки выше локтя — браслетами из жемчуга и коралла, запястья рук с редким пушком — браслетом из блестящих ракушек и коралловыми колечками, а пальчики рук, нежные, словно малабарские лилии, — изогнутым перстнем с раскрытой пастью дельфина, кольцом с излучающим красный свет рубином, перстнем с изумрудом и испускающим волнообразное сияние бриллиантом. Свою красивую шею Мадави убрала золотыми нитями, драгоценными ожерельями и жемчужными бусами; она искусно закрыла шею изящными жемчужными бусами с застежкой; на прекрасные уши она повесила красивые серьги с большими синими алмазами, а черные пышные волосы украсила тройным украшением с жемчугом.

Предавшись любви с Коваланом на роскошном ложе, а затем разыграв притворную сердитость, Мадави пожелала отправиться на берег моря, где раскинулась благоухающая пальмовая роща. Многие покидали этот

древний город, предвкушая забавы у моря. И в тот час, когда птицы с пением оставляют свой ночлег на цветущем ложе лотоса в пруду, когда пронзительные раковины и петухи возвещают рассвет, когда прозрачный свет рассекает густую тьму, — тогда, подобно повелителю, обладающему мощью небожителей, украсившись великим рубином, восходит на колесницу Ковалан. Мадави со взором пугливого оленя села в колесницу вместе с Коваланом, на груди которого красовалась гирлянда.

По базарной площади, от которой расходились улицы, изобилующие дворцами, где в нагромождении хранилось великое множество сокровищ, шествовали девадаси, держа убранные цветами и драгоценностями светильники, звеня своими украшениями, разбрасывая вокруг себя цветы, травы и рисовые зерна. Они шествовали мимо тех мест в обеих частях города, где словно восседает сама богиня Шри.

Ковалан и Мадави проезжали посередине городской улицы, которая приобрела свое величие благодаря богатствам моря, по улице зерноотроговцев, протянувшейся на белом морском песке, где богатства привезены морскими судами и где живут люди, покинувшие свои родные страны. Здесь горели светильники на лавках торговцев румянами, сандаловой пастой, цветами, благовониями и разными сладостями. Дальше шли лавки искусных ремесленников; еще дальше — ряды пирожников, торговцев отварами, лавки, где женщины торговали разными безделушками; повсюду встречались лавки, где рыбаки продавали свежую рыбу.

Уже видны были огни на реке, указывающие судам путь в порт. Мерцали огни в лодках рыбаков, уходивших бросать сети в открытое море. Не угасая, горели огни светильников на домах, где жили приезжие, говорившие на странных наречиях. Светились огни ламп сторожей, охранявших кладовые, где хранились дорогие товары. При свете огней бесчисленных ламп можно было разглядеть на песке даже горчичное семя, похожее на крупичку муки. Сверкающая река, усеянная лотосами, была много краше широких рисовых полей. Наконец показалась приморская роща. Мадави, подобная цветущей лиане, въехала в рощу вместе со своими подругами, лю-

бывшими разделять ее увеселения. Они расположились на берегу моря, видя перед собою суда, груженные богатыми дарами океана и гор.

На морском пляже отдыхали юные принцы; развлекались со своими возлюбленными купеческие сынки. В легких палатках гетеры стремились очаровать возлюбленных своими танцами или томными песнями. Нарядные разноцветные одежды и шумное разноголосье — все напоминало о пышном празднестве, которое устроили властелин Карикалан, слава которого дошла до самых небес.

Искреннему веселью поддались все, принадлежащие к четырем варнам и пришедшие на пляж, что раскинулось там, где великая река Кавери сливается с морем.

Под тенью цветущего красолеста в окружении цветущих панданов, благоухание которых заглушал запах моря, там, где песок был совершенно свеж, расположилась Мадави, чьи глаза подобны большим цветам. За большим разукрашенным занавесом она возлегла на ложе с ножками из слоновьих бивней, взяла из рук своей служанки Васантамалей звучную вину с изогнутым грифом и вместе с Коваланом предалась утехам сладкой музыки и любви.

* * *

Жемчужная колесница* вечером укладывается спать в белых лепестках пальм на берегу моря, а утром ослепительно белая солнечная колесница с теплыми лучами поднимается, чтобы разнести благоухание пыльцы и пьянящего нектара.

Глава VII

ПЕСНИ В РОЩЕ

Мадави надела роскошные одежды, украсила себя пышным букетом цветов, очарование ее расплелось, словно она была невестой с черными большими глазами. Великолепная вина была подобна красавице* с подведенными сурьмой глазами.

Мадави стремилась к тому, чтобы музыка была совершенной в ее восьми элементах, чтобы вина была отлично настроена. Она стремилась к точному воспроизведению каждого звука, выразительности пауз, грации без торопливости. Музыка сопровождалась легким потоком слов, она достигала нужной экспрессии и непринужденности вокализа.

Ее нежные пальчики, на которых сверкали изумрудные кольца, перебирали струны, и музыка вины напоминала звуки пчелиного роя, когда она касалась струн восемью различными способами: захватом струны, мягким прикосновением, резким ударом, сведением двух струн, перебором струн, движением вдоль струны, одновременным щипком и арпеджио.

Мадави передала лютию Ковалану и сказала:

— Я не властна над тобой. Но скажи, какой музыкой должна я сопровождать твоё пение?

И Ковалан, смотря на волны Кавери, записал мелодии приморской рощи, доставляя своим пением великое удовольствие Мадави:

«Славься, Кавери! Пусть даже повелитель Чолы, чей серебряный зонт похож на украшенную гирляндой луну, поднимет свой справедливый скипетр и заключит в объятия саму реку Ганг, ты останешься невозмутима. Пусть заключит в объятия саму реку Ганг, не вспыхнет ревностью ты, что обладаешь глазами лотоса. О славься, Кавери: я всегда знал в тебе величественное целомудрие красавиц.

«О славься, Кавери! Даже если поднимет свой постигающий справедливый скипетр величественный властелин с белым зонтом, украшенный гирляндой, и заключит в объятия девственную реку мыса Коморин*, ты останешься невозмутима, Кавери. Пусть властелин заключит в объятия эту девственницу, ты не вспыхнешь злобой. О живи, Кавери: я всегда видел в тебе, обладающей лотосоподобными очами, редкое целомудрие величественных женщин.

«Будь славна, Кавери! Ты величественно несешь воды при ликовании землепашцев, при плеске воды, идущей по каналам на поля, при шуме волн, бьющихся о берег, при торжестве людей, справляющих праздник.

Будь славна, Кавери! Твое величественное течение подликующие возгласы празднующих — это плодородие страны властелина Чолы, громкие клики воинов которого наводят страх на врагов.

«О глупые мы, как могли мы все это знать? Красавице с большими, как черные цветы, глазами он все время указывал на бога моря, якобы освящающего их союз, а теперь он, чуждый дхармы, отступил от своего обета. О наш город Пукар, где распускает свои лепестки амбаль, ведь мы принимаем извивающиеся раковины со сверкающей белизной и жемчужины за серебристую луну и яркие созвездия.

«Будучи влюблен и захватив с собой богатые подарки, он пришел за нами в приморскую рощу; о глупые, как могли мы знать, что он охладет к нам, станет чужим и теперь уже мы будем упрашивать его быть с нами: о наш город Пукар, где жужжат рой пчел и где голубые лилии, распускающиеся в воде, не могут отличить отражения луны от лица красавицы.

«Раковина с отверстием, способным порождать пронзительный звук, вертящаяся от удара шумной могучей волны, рушит игрушечные домики, построенные красавицами на прибрежной полоске песка, и тотчас начинают грустить красавицы. Грустят они, видя лепесток лотоса, выпавшего из гирлянды и поднятого нежными пальчиками, о наш город Пукар, откуда не уходят искать глаза ушедших красавиц.

«В рощице ложится на землю нежная пыльца, падающая с цветов крепкого красолиста, закрывая на песке царяпины, рожденные появившимися в устье раковинами.

«Живую неизлечимую боль, порожденную подобными карнам глазами на светлом лице, похожем на полную луну, исцеляют нежные груди с рассеянными на них пятнышками.

«Целомудренная красавица стоит под сохнувшей рыбьей, отгоняя прочь птиц; она держит в руке душистый жасмин, вокруг которого жужжит множество пчел.

«Я не знал, что в эту рощу с благоухающими цветами пришла наводящая чары богиня, — увы, если бы я знал, я не пришел бы сюда.

«Жестокий бог смерти с большими глазами, подобными смертоносной пике, принял облик рыбацки неотразимой красоты. Посреди рыбацкого селения она стоит во дворе, где сушится рыба, и держит в руке цветок. Я не знал, что бог смерти живет в этой прохладной рощице, омываемой волнами: если бы я знал, я не пришел бы сюда.

«Вы не видите луну-красавицу с лицом, на котором нарисованы цветы — глаза, лук, словно брови, черное облако, словно волосы, и другие черты Камы, вызывающего терзания любви. Вы не видите луны — так она же живет в этом небольшом рыбацком селении. Она сошла с небес, боясь быть проглоченной демоном Раху.

«Не видите жестокого Бога смерти с глазами, подобными смертоносному копью с кровавыми пятнами, когда шумят раковины, приносимые морем?

«Вы не видите жестокого Бога смерти — так вот же он в образе нежной и полной естественности девушки живущей в небольшом селении рыбаков.

«Вы не видите наводящую чары богиню, отгоняющую прочь птиц от побелевших высохших рыб и вызывающую страдания в тех, кто лишь взглянул на нее? Вы не видите богиню? Так она же приняла облик красавицы с мягкими густыми волосами в этой рощице, наполненной благоухающими цветами.

«Стоит в песке, испускающем благоухание ароматных цветов, красавица с безупречной кроткой речью, красивой упругой юной грудью, с лицом, подобным полной луне, парой бровей, подобных луку, талией, подобной стремительной молнии, и другими прелестями, рождающими страдание.

«В дивном благоухающем песке в прелестной бухте, по которой катятся волны, в рощице, покрытой кустами с красивыми ароматными цветами, стоит красавица с вьющимися благоухающими локонами, с прекрасным луноподобным ликом, с парой карповидных глаз и другими прелестями, рождающими страдание.

«В благоухающем саду в бухте, где рождаются раковины, в уединенном уголке, полном цветущих душистых цветов, стоит юная красавица с девственными зубками, напоминающими молодые побеги, с лицом, подоб-

ным полной луне, с грудями девушки и другими прелестями, вызывающими страдание.

«Твой отец и старшие братья живут тем, что отправляются в море и губят жизнь рыб, которых ловят, а ты живешь тем, что входишь в тело и убиваешь душу. Смотри же, как бы тяжесть твоих горячих грудей, обладающих непобедимой силой, не сломила хрупкой твоей талии.

«Твой отец убивает живую рыбу сетью с растягивающимися отверстиями — и ты убиваешь живые души сетями своих больших глаз; смотри же, своими грудями, утяжеленными гирляндой сверкающего жемчуга, не сокруши свою хрупкую и нежную талию.

«Твой отец и старшие братья живут тем, что выходят в море на стремительных лодках и убивают живую рыбу, — и ты также убиваешь живые души своими изогнутыми бровями; узи же свое величие и несчастье других и смотри, как бы под тяжестью твоих грудей не переломилась слабая, нежная малюпкая талия.

«Красноватые глаза красавицы, толкущей белые жемчужины коралловым пестом, — не лотосы; красноватые глаза красавицы, толкущей белые жемчужины, — жестоки, жестоки.

«О, слишком жестоки красноватые глаза красавицы, статная походка которой заставляет лебедей, плавающих по волнам, полным рыбою, с завистью укрыться в тени красолиста*; красноватые глаза красавицы, походка которой заставляет лебедей укрыться от зависти, — это сам бог смерти, сам бог смерти.

«Красноватые глаза красавицы, что держит в руке полный сладкого нектара голубой цветок, отгоняя птиц от сохнущей рыбы, не цветы белой акации; красноватые глаза красавицы, прогоняющей птиц от рыбы, — жгут, жгут.

«Грациозные лебеди не смогут воспроизвести твою статную походку; грациозные лебеди не смогут воспроизвести твою статную походку и, завидуя, держатся позади и вдалеке от красавицы, своей походкой победившей жителей этого мира».

Ланеглазая Мадави, слушая эти лесные напевы, решила, что в груди Ковалана родилось влечение к другим

женщинам. С притворной досадой, что бывает после сладостных объятий, она взяла вину и начала петь лесные напевы, делая вид, что в груди у нее родилось желание любить другого. Она пела с грустью под музыку лютни, и сама богиня земли с наслаждением внимала ей:

«О слався, Кавери! Ты течешь, открыв свои большие карповидные глаза, надев наряд из жемчужных цветов, и по обоим твоим берегам взволнованно жужжат пчелы. О слався, Кавери! Я всегда знала, что твои живые, словно карпы, глаза вздыхают по твоему возлюбленному с нестигаемым справедливым скипетром*.

«О слався, Кавери! Ты течешь близ пробуждающих желание бутонов, в то время как по твоим цветущим роцам, наполненным песнями птиц, важно выступают павлины.

«О живи, Кавери; то, что ты течешь близ пробуждающих желание бутонов, — я знала всегда, — объясняется добродетелями твоего возлюбленного с его пугающей недоступностью.

«О слався, Кавери: страна твоего возлюбленного — дитя, которое ты возвращаешь, как мать. Твоя великая нестоимая помощь не прекратится.

«О живи, Кавери: твоя великая нестоимая помощь объясняется милостью справедливого солнца, возвращающего оберегающую все живое чакру.

«Напрасно ты приходишь сюда, словно бог любви, и предлагаешь в дар жемчуг, который не столь бел, как жемчужные зубы нашей луноликой красавицы.

«Наш город Пукар, словно торговец, продает белый сверкающий жемчуг, даруемый бурлящим морем, и получает цветущие гирлянды в наполненных ароматом приморских роцах.

«О мы, наивные женщины! Как могли мы знать, покаясь в сладких объятиях богатого возлюбленного, что роскошные браслеты на красивых руках наивных красавиц будут спадать* от тоски по возлюбленному, ушедшему от нас и уже тайно женившемуся.

«О наш город Пукар, где вокруг амбаля жужжат пчелы, приняв за полную луну и звезды лебеди и распустившиеся пышные цветы красолиста!

«О как мы могли знать, покоясь в объятиях возлюбленного, угощение которого пронзает того, кто его принимает, что моей госпоже* будет оставлена неизлечимая сердечная боль? О наш город Пукар, по морскому берегу которого бродят красавицы; морские волны смыли их игрушечные домики. Они загребают рукой песок, и из глаз, взгляд которых некогда пронзал, словно копье, по луноподобию лицу катятся грустные слезы.

«Увидев краба, играющего со своей любимой подругой, увидев и меня в наполненном цветами саду, принц прибрежных мест охладил ко мне и умчался от меня на колеснице. О красавица с выюющимися локонами, я не понимаю, почему это произошло?

«Неужели он уехал на своей стремительной колеснице, не увезя с собой даже жалости к нам? Пусть покинул он нас, о красивые пежные лианы, о лебеди, но мы не можем забыть забывших нас.

«О полный сладкого меда нейдаль. Ты не знаешь страданий с наступлением сумерек, которые несут моим глазам ужасные муки разлуки. Тебе дарован сон: не видишь ли ты в своих снах, не возвращается ли в рощу мой жестокий возлюбленный?

«О море с прозрачными водами! Ты уничтожило все следы стремительной, словно птица, колесницы, на которой умчался мой возлюбленный. Что мне делать? Стирая эти следы, о море с прозрачными водами, ты заодно с теми, кто распускает слухи, будто мой возлюбленный все еще со мной. Ты не понимаешь моего горя — что я могу сделать?

«О море, вздымающееся, чтобы уничтожить след от стремительной колесницы моего возлюбленного, который клялся, что не оставит меня! О прохладная цветущая роща! О лебедь, играющий с любимой подругой! Почему вы не скажете моему возлюбленному, что ему не следует так поступать?

«Прощай, о море! Ты вздымаешься, дабы смыть следы огромной стремительной колесницы, в которой умчался мой возлюбленный, клявшийся не оставлять меня. О море, вздымающееся, чтобы смыть следы его колесницы, — ты лишь делаешь вид, что предано мне; прощай, ты не друг мне.

«О повелитель моря! Ты устремляешь свои волны, украшенные лучшим жемчугом и одетые в платье из отменных кораллов, на каждое рисовое поле. Как скрыть эти свежие раны, что вызваны стрелами бога любви, который сделал мою госпожу неузнаваемой? Если ее увидит мать, что мне делать?

«О повелитель моря, улыбка которого обнажает жемчужные зубы, губы которого похожи на красивый алый коралл! Волны твоего моря проникают во дворы рыбацкого селения, где сушатся сети. А что, если мать, увидев изменившееся лицо красавицы, похожее на альбицию, цветущую в пору дождей, обратится к богу, желая узнать, кто учинил эту жестокость! Если она узнает, что мне делать?

«О властелин моря, волны которого приходят в прохладную прибрежную рощу, удаляя запах рыбы и распространяя аромат дивных благоухающих цветов. Моя красавица-госпожа страдает необыкновенной, неизлечимой болью; что если до ее матери дойдет слух и она узнает, откуда идет эта непостижимая боль?

«Скрывается дарующее день солнце, расстилается тьма. Мои глаза наполняются слезами скорбного одиночества, от которого невозможно освободиться. Скажи мне, о ты, чьи локоны украшены распустившимся лотосом: в этот темный вечер, когда гаснет огонь и с моих похудевших рук спадают браслеты, не видно ли в селении моего любимого, что оставил меня?

«Скрылось лучезарное солнце, расстилается черная тьма. Сурьменные глаза, похожие на цветок, проливают от горя слезы. О ты, луноликая, скажи мне: неужели в этот темный вечер, проглатывающий солнце и извергающий из себя луну, возлюбленный, ушедший от нас, не возвратился в селение?

«Смолкли птицы, и скрылось дарующее день светило. От боли, разрастающейся, как луна, большие глаза проливают слезы. Неужели в эти пугающие сумерки, в злобе посягающие на мою жизнь, о красавица, чьи локоны украшены цветами, мой любимый, что отрекся от нас, не вернулся в селение?

«Он пришел на берег, огражденный соснами, нарушил наши забавы и покинул меня. Он нарушил наши

забавы и покинул меня, но он не ушел из моего сердца, охваченного тревогой. Он пришел на берег, огражденный рощей, и умолял меня быть с ним добрее, он просил меня о милости, а теперь он уехал, но он не должен забыть наших боязливых, как у лани, глаз. Еще вчера он стоял и наблюдал, как наслаждается любовью лебедь вместе со своей подругой. Тот, что еще вчера стоял и смотрел, не покидает нашего тела, покрытого золотыми пятнами.

Не приближайся, о цапля, не приближайся к моей роще.

Не приближайся, о цапля, не приближайся к моей роще.

Ты ведь не расскажешь о моей боли моему возлюбленному, принцу этих губительных волн!

Потому не приближайся, о цапля, не приближайся к моей роще».

Затем украшенная редчайшим ожерельем Мадави, певшая до того на мотивы Ковалана, коснувшись своими нежными, как малабарские лилии, пальчиками струны лютни и запела другие песни.

«О вечер, в рыбачьих песнях ты смешал звуки разных струн на лютне. Если ты смог взять эти несовместимые ноты, то возьми и мою собственную жизнь».

«О вечер, ты отнимаешь жизнь* у живущих в страдальческом одиночестве под сенью обещаний, данных возлюбленными перед разлукой. Если ты способен отнимать жизнь, ты, осаждающий крепость, скажи, с кем ты в союзе: с тем, что внутри крепости, или с властелином, осаждающим ее?»

«Ты, о вечер, приходишь, когда боль в несчастье разлуки обостряется, когда солнце, создающее день, уходит и падает за море, когда жители земли закрывают глаза. Если ты, вечер, таков, если таков он, обещавший на нас жениться, то поистине земля — обитель страданий; о, будь славен, вечер!»

«О великий бог моря, мы припадаем к твоим ногам-лотосам, моля простить нашего возлюбленного, давшего ложный обет* в благоухающей роще. Он покинул нас с ласковым словом, стремясь уменьшить боль разлуки, не

думая об этом тревожащем вечере, приносящем страдания».

Слушая ее напевы, Ковалан подумал: «Пока я пел лесные напевы, ее мысли были с другим: вероломная обманщица пела, приплетая живые выдумки». Его сердце исполнилось гнева, поводом к чему была мелодия лютни, а истинной причиной — время созревания плодов кармы. Ковалан перестал обнимать Мадави, лицо которой было похоже на полную луну, и сказал, что пришло время отправляться. Мадави оставалась на своем ложе, и лишь после того как Ковалан уехал в сопровождении своих слуг, когда стих рев коровьего стада в благоухающей и покрытой пылью роще, с расслабленным сердцем она села в колесницу и поехала домой одна, без возлюбленного. Она пела:

«Пусть простирается серебряный зонт, покрытый гирляндами, и пусть до самых высоких гор вращается чakra владыки Чолы, сидящего на слоне с драгоценным сукки, перед сверкающим мечом которого склоняются властелины великой земли».

Глава VIII

ПРИХОД ЛЕТА

Прекрасна страна тамплов. Она дарует прокладу своими водами, огражденная с севера горами Венката и с юга, у Обладательницы браслетов*, — океаном. В эту страну, где простираются богатая дворцами Мадур, величественный Урандей, шумный Ванджи и стоящий на плещущих водах реки Пукар, пришла несущая наслаждения юная весна, ликующая спутница могущественного бога любви Камы, возвышающегося над царями. Первым вестником весны был теплый ветер, поднявшийся с известной своим богатством горы Поди, на которой жил великий мун; а индийская кукушка в удивительной чаше словно возглашала своими высокими нотами: «Вы, о воинство Юноши*, несущего на своем

победном знамени дельфина, одевайтесь в свои лучшие наряды!»

После того как Ковалан в разгар забав в приморской цветущей роще почувствовал обиду, Мадави с большими, как цветы, глазами возвратилась и, пожелав уединения, поднялась в летние покои своего касающегося неба дворца. Украшенная ожерельем красавица покрыла свою пышную грудь южноморским жемчугом, припудрила сандалом с горы Поди и украсилась цветком кунгумы, обычным подарком дождливого сезона. Мадави взяла в руки ви́ну с непогрешимыми струнами и запела сладкую песню; затем, чтобы рассеяться в мыслях, она припала позу падмасаны. Ее правая рука грациозно прикасалась к выпуклому корпусу, а четыре пальца левой руки обнимали шейку ви́ны. Прибегая к диссонансам, она постигла искусство мелодий сильных, тихих и трогательных. Она перебрала четырнадцать нот безупречной гаммы, начиная с кварты и кончая терцией. Она умело воспроизводила любую мелодию, сводя в один аккорд секунду с квинтой, сексту с терцией. Когда она пела, то извлекала низкие ноты из пятой струны. Затем она начинала с квинты и септимы, заканчивая квартой, после чего начинала и заканчивала основным тоном. Она пробовала четыре лада: аханилей, пуранилей, арухияль и перухияль. Зная, где расположены высокие, средние и низкие ноты, она начала играть грустные мелодии, но увидела, что гирлянда из цветущих лиан стала увядать. Тогда она сплела гирлянду из чампака, мадави, тамала, карумухей, жасмина с белыми цветами, красивых красных кувшинок и лилий с нежными лепестками. И, желая увидеть Ковалана, возбуждаемая богом, что единовластно простирает свой жезл над миром, посылая из лука благоухающие цветы-стрелы, Мадави выбрала тонкий стебель тростника и, обмакнув его в красную краску, написала послание своему возлюбленному на благоухающем пальмовом листе.

«Вселенной повелевает теперь юное сладостное лето, которое заставляет все живые создания соединиться в объятиях со своими возлюбленными, жаждущими ласк. Повелительница-луна, появляющаяся в сумерки, останется недовольна, когда увидит разлученных воз-

любленных и забывающих своих подруг. И не диво, если она пронзит их своими благоухающими цветами-стрелами. Знай же это», — писала Мадави.

И когда Мадави писала эти слова, она, постигшая шестьдесят четыре искусства*, теми устами, которые вызывали восторг мелодиями и мастерством, лепетала вполголоса, словно дитя, в порыве не подвластной ей страсти. И в сумерки, приносящие страдание Мадави, покрывающейся мертвенной желтизной от терзающей ее разлуки, она позвала Васантамалей и наказала ей пойти к Ковалану и передать ему все, что написала она на гирлянде благоухающих лепестков. Васантамалей, чьи большие глаза поражали, как пик, взяла гирлянду и хотела вручить письмо Ковалану на торговой улице. Однако Ковалан отказался принять гирлянду и сказал:

— В самом начале, когда любовь появилась в ее сердце, она соблазняла взглядом своих лотосоподобных глаз: тогда на ее луноподобном лице сверкал тилак и локоны были украшены цветами; ее тонкие черные брови были подобны стрелометному луку; ее носик был точь-в-точь, как бутон кумижа, а губы нежны, как алый цветок. Затем эта черноокая красавица, являющаяся на сцену и уходящая по прихоти публики, показала ряд искусных вариаций, подобных ее разнообразным танцам. Ее луноподобное лицо томилось от тяжести волос, напоминающих налитые дождем тучи. Ее глаза напоминали трепещущих карпов, и чарующая улыбка открывала множество сверкающих белизной кораллов. Увидев, как с приближением сумерек мое сердце начало терзаться глубокой болью разлуки, она появилась в другом облике, в сопровождении служанки с разящими, как копья, глазами, и утешала меня сладкими словами, какие бывают у попугая; ее грациозная походка напоминала плавный ход лебедя.

Затем, бросая на меня исполненные страсти взгляды, красавица, чья талия вот-вот готова переломиться под тяжестью украшений, исполнила танец желания под бряцание ножных браслетов и легкий звон пояса, намеренно оставаясь вдали от меня. Эта красавица с дивным лицом и тонкой, гибкой, словно молния, талией, готовый переломиться под тяжестью гирлянд, локонов, украше-

ний, нитей жемчуга и красивых грудей, исполняет танец возмущения: она намеренно превратно истолковывает смысл моих слов, которые я передал ей через служанку. Она исполнила танец страдания, поведав о боли, которую причинила ей наша разлука. Она исполнила танец печали с наступлением сумерек, украшенная гирляндой, вокруг которой выются пчелы, и рассказала о своей грусти всем видевшим ее. После этого она исполнила танец, в котором изобразила обморок после стольких страданий и медленное возвращение сознания. Она истинная танцовщица, и только танцы создают величие этой красавицы, украшенной дивными браслетами. Она проводит дни в игре.

Пронзены эти слова, Ковалан отказался принять гирлянду лепестков, на которой написала свое послание украшенная драгоценностями Мадави, а принеся это послание Васантамалей, пораженная печалью в самое сердце, поспешила к своей госпоже, украшенной цветами, чтобы сообщить ей эту весть.

Мадави, глаза которой напоминали два больших лотоса, произнесла:

— О красавица с драгоценными браслетами! Если даже он и не придет сегодня вечером, мы увидим его завтра утром.

С тяжелым сердцем она легла на свое ложе, покрытое цветами, но не смогла сомкнуть глаз.

Пришло лето, полное душистых цветов: распустился красный лотос, покрылись сплошной листвой манговые деревья, распустились цветы густой ашоки, — неужели же будет страдать сердце госпожи, красивые глаза которой подобны острой игле?!

* * *

Кукушка возвестила: «По повелению бестелесного Камы, все те, кто поссорились со своими возлюбленными, должны слиться вновь с ними в объятиях. Взгляни же ты, который был опечален песней на берегу моря, на послание, написанное на гирлянде лепестков красавицей, сердце которой изнывает в любовной истоке с наступлением весны».

Глава IX СОН КАННАХИ

С наступлением вечера, прячущего дневной свет, женщины с талией, подобной лиане, разбрасывают в своих домах распустившиеся цветы жасмина вместе с зернами риса, зажигают светильники, украшенные жемчугом, и надевают свои ночные наряды.

Однажды жена одного брахмана, по имени Малади, кормила своим молоком ребенка второй жены ее мужа, но мальчик поперхнулся молоком и внезапно умер от удушья. Дрожа от мысли, что муж и вторая жена обвинят ее в смерти мальчика, не пожелав узнать истинной причины, она взяла мертвого ребенка и пошла с ним в храм Древа Бессмертных, дающего исполнение желаний*. Затем она обошла храм Белого Слона*, храм Белого Наги*, храм Восходящего Солнца, храм Града Шивы, храм Держащего Копье*, храм Ваджры, храм, где обитает бог, владеющий холмами*, джайнский храм и храм луны.

Она молила:

— О боги, уймите боль, терзающую меня.

Наконец она явилась в храм чародея Чаттапа. В этот миг перед ней появилась женщина, талия которой была тонка, как лиана; перед ее красотой тускнели все другие женщины. Она воскликнула:

— О лишенная порока! Боги не даруют своей милости тем, кто не совершил тапаса. Это не ложь, но сущая правда. Дай мне труп этого дитяти! — И с этими словами она вырвала мертвого ребенка из рук ошеломленной женщины и умчалась в крошечной тьме к храму на Полях сожжения трупов, где обитает Идакни, набивающая свое брюхо зарытыми в землю трупами; Идакни тут же пожрала труп этого ребенка. Перед Малади, рыдавшей, словно павлин от удара грома, появился Чаттап и утешил ее:

— О женщина с грацией лебедя! Не страдай и не плачь! Узри перед собой ожившее дитя и возьми его в тени рожд, полной птиц! — И он сам принял образ умершего мальчика.

Малади прижала к сердцу ребенка, который был как две капли воды похож на прежнего, и бросилась домой, чтобы отдать его матери. Когда мальчик подрос, он стал учеником непогрешимого брахмана, постигшего священные веды, и проник в глубины древнего знания. После смерти родителей этот бог соблюдал все обряды по умершим отцу и матери и решал все споры между родственниками. Когда пришла пора зрелости, он женился на красивой девушке по имени Теванди, сказав ей:

— Пусть оберегают меня твои подведенные сурьмой глаза, прекрасные, как цветы.

Они жили счастливо, но однажды он вновь принял свой вечно юный, нестареющий облик и исчез, наказав жене приходить в его храм. Она ежедневно совершала поклонение перед святыней в его храме, и, когда спрашивали о муже, она отвечала, что ее возлюбленный сумел, наказав ей исполнять различные обеты, отправился паломником по священным местам, и пусть тот, кто повстречает его, приведет его к ней обратно.

Когда Теванди увидела, в какое страдание погружена прекрасная и лишенная изъяна Каннахи, она опечалилась, явилась в храм и возложила перед богом аругу и зерна риса, прося его, чтобы он помог Каннахи вновь обрести мужа. После этого она пришла к Каннахи со словами утешения, говоря, что та вновь познает любовь мужа.

Каннахи отвечала:

— Возможно, что я и обрету вновь его любовь. Но мое сердце сжимается от жуткого сна. Мне снилось, как мой муж взял меня за руку и мы отправились в огромный город. Незнакомые нам люди в том городе обвинили Ковалана в страшном преступлении, и я почувствовала себя так, словно меня укусил скорпион. Когда я услышала о той беде, которая стряслась с моим супругом, я обратилась к самому царю, ница у него защиты для мужа. На царя и на город обрушилось большое несчастье. Я не могу рассказать всего этого ужасного сна, о красавица с тонкими браслетами; все же ты засмеешься, когда услышишь, что сон предвещал счастливое будущее и мужу, и мне после страшных бедствий.

— О ты, украшенная золотыми браслетами, ты не отвергнута своим мужем! — воскликнула Теванди. — Надвигающееся неотвратимо потому, что в прежнем рождении ты нарушила один обет, данный твоему мужу. Чтобы избежать несчастья, тебе нужно пойти к устью Кавери, к той роще, где распускаются красивые белые лилии. Там есть два водоема, посвященных Луне и Солнцу. Совершившие омовение в воде этих водоемов и преклонение в храме Камы будут блаженствовать в этом мире, не ведая мук разлуки со своими любимыми мужьями. И в другом мире в новом рождении они будут наслаждаться счастьем, не разлучаясь с мужьями. В один из дней и ты должна совершить там омовение.

И только украшенная изысканными ожерельями Каннахи успела ответить Теванди, что она не заслужила такого счастья, как вошла молодая служанка и сказала, что к воротам дома подошел их повелитель Ковалан.

Когда он вошел в богато убранную спальню и увидел, как исхудала в страданиях его любимая жена, он промолвил:

— Я промотал все мое огромное богатство, доставшееся мне в наследство, с танцовщицей, которая постигла искусство обмана. Меня обуревают стыд при мысли о той нищете, на какую я обрек тебя.

При этом горестном признании лицо Каннахи озабрилось мягкой улыбкой и она сказала:

— У меня есть еще пара золотых браслетов. Возьмите их!

— О послушай, моя возлюбленная, украшенная дивным ожерельем! Я приму эти браслеты, и они помогут мне вернуть то богатство, что я промотал. Пойдем, о возлюбленная, чьи локоны украшены редкими цветами, в величественную и славную своими дворцами Мадур.

И навстречу созревшим плодам кармы они отправились из города, прежде чем яркий свет дня начал изгонять тьму.

Сон, приснившийся Капнахи, лишил смысла слова Мадави с большими черными глазами. И плод кармы начал созревать еще прежде, чем ночная тьма была рассеяна дневным светом.

Глава X

В ПУТИ

В предрассветной тьме, когда серебристая луна исчезает с неба, на котором мерцают звезды, но еще нет солнца — глаза вселенной, Ковалан, с сердцем, угнетенным предчувствием кармы, выступил в путь вместе со своей женой. Они подошли к громадным воротам, у которых козел, як и лебедь предавались отдыху вместе со своими подругами, открыли запор и вышли из города. Они обошли кругом храм Сапфироцветного Вишну, почитающего сном Знания на змее Ананте. Затем они прошли мимо семи вихар, возведенных Индрой, где спустившиеся со среднего неба существа объясняли священные слова, возведенные Обладателем Дхармы*, которые он соизволил произнести в благоухающей тени зеленолиственного древа бодхи с пятью развесистыми ветвями.

Затем они обошли мандру, поставленную джайнами-мирянками для страстующих аскетов. Джайны собираются там в день первого паводка на празднество священной колесницы. Там были устроены особые места для йогов пяти разновидностей* в тени дерева ашоки с золотыми цветами. Туда собирались отшельники, давшие обет невкушения мяса, нежливости, нестяжания, обретшие истинный путь. Они прошли через узкий проход в воротах, сквозь который течет людской поток, подобный большой реке, что пробивает себе путь сквозь горные скалы. Они шли вдоль ограды царского сада с тенью от деревьев, дарующей прохладу. Сад был полон дивных цветов; бестелесный Кама послал в дар

царю вместе с весною горный ветерок. И, миновав устье прошедшей великий путь и несущей прохладу Кавери, берега которой одеты в цветущие рощи, они направились к западу среди тех цветущих садов, что растут по северному берегу этой полноводной реки. Они прошли около кадама и пришли в рощу с душистыми цветами, что служили обителью отшельнице Кавунди. Капнахи едва переводила дыхание: от усталости готова была переломиться тонкая, как ожерелье, талия, натружены были ноги, не привыкшие к долгой ходьбе; на усталость, казалось, жаловались и ее пышные благоухающие волосы. Обнажив свои острые ровные зубы, срывающимся голосом она спросила Ковалана, далеко ли еще этот старинный город Мадур. Ковалан, поглажив ее прекрасные пышные волосы, сказал в шутку:

— От нашего великого города она находится в пяти-шести кадамах.

Вместе с медоустой Капнахи Ковалан вошел в пещеру отшельницы Кавунди, и оба молитвенно простерлись у ее ног.

При виде их отшельница сказала:

— Вы наделены красивой внешностью, обладаете благородными манерами и принадлежите к знатному роду. Видимо, вы похожи на тех, кто следует предписаниям священных книг Великого Существа — архата. Что заставило вас, словно совершивших дурные деяния, покинуть ваш дом и прийти сюда в такой печали?

Ковалан отвечал:

— О исполняющая великий танас, мне нечего сказать. Мы идем в древний город Мадур — меня обуревают желание нажить там богатство.

— Увешанные браслетами ножки этой женщины не могут выдержать такой трудной дороги. Для вас невыносимо тяжело идти дремучим лесом. Кто знает? Ведь если я скажу, что вам не следует туда идти, вы все равно не откажетесь от своего намерения. Что же, и я также пойду вместе с вами в незапятнанную Мадур на юге прекрасной страны тамплов, дабы поклониться Мудрецу*, выслушать слова дхармы, проповедуемые непорочными отшельниками, отринувшими все греховное.

Ковалан молитвенно сложил руки перед Кавунди, произнесшей эти слова, и воскликнул:

— Если вы, о сама святость, окажете нам такую милость, исчезнут все страдания моей супруги, руки которой украшены этими изогнутыми браслетами.

— Знай же, Ковалан, — сказала Кавунди, — на избранном тобой пути будет немало страданий. Послушай же меня! Если мы вместе с твоей женой, не переносящей солнечной жары, пойдем усыпанной цветами рощей, нас всюду будет подстерегать опасность. Неосторожные путники рискуют попасть в серьезную беду, оказавшись в одной из бесчисленных глубоких ям в земле, невидимых под засыпавшими их сверху лепестками чампаки. Пробираясь по кучам опавших листьев, можно получить болезненный ушиб от тяжелых спелых и налитых соком плодов на деревьях, а пытаясь пройти сквозь заросли переплетенного шафрана и зеленого имбиря, — можно глубоко порезаться. О возлюбленный красавицы с большими, словно карпы, глазами! Если мы пойдем полем, то твоя супруга будет устрешена рыбой-мечом, которая гоняется за ссорящимися в воде карпами и прыгает в болоте, кишащем угрями. Рой пчел, насытившись медом сахарного тростника, от сильных порывов ветра падает в пруды, наполняя их медом. Твоя супруга, почувствовав острую жажду, возможно, зачерпнет обеими руками эту воду, кишащую насекомыми, и причинит себе страдание. А переходя каналы на краю поля, куда бросают вырванные сорняки, можно подавить ногами, не ведая того, множество насекомых*, насытившихся нектаром цветов. Если вы пойдете берегом наполненного водой канала, то рискуете наступить на мириады крабов и улиток и причинить им такие страдания, которые, вернувшись к вам, принесут нестерпимую боль. У вас нет иного пути, кроме дороги через поля и джунгли. Стремись же избежать всех опасностей пути в путешествии с любящей тебя красавицей, о ты, украшенный густыми волосами.

Взяв чашу для подаяния, котомку, всею из павлиньих перьев, непорочная Кавунди обратилась к небу, произнесла заклинание божеству, что ограждало бы их от опасностей в пути, и вместе с ним отправилась в путь.

Когда зловеще пылает на небе Сатурн, появляется комета и на южной стороне излучает свой свет Венера, ничто не волнует Каверн, что рождается от грома на вершине горы, где соперничают разные ветры, и бурно несет свои воды через все преграды в море. Не слышно было звука ведер, скрипа колодцев, шума кижаров из пальмовых листьев. В зарослях цветущих лотосов, по обе стороны которых простираются поля риса и сахарного тростника, раздавались крики водяной курицы, зычного журавля, краснолапого лебедя, цапли с зелеными ногами, тетерева, водяной вороны, бекасов и других птиц. Стоял такой шум, словно происходило сражение между двумя воинственными царями.

Буйволы со слипшейся шерстью и красными глазами увязали глубоко в грязи неспаханых полей; своей спиной они терлись о рассыпающиеся рисовые снопы; из колосьев, похожих на опахало, сыпалось зерно. На полях уже сгибались над плутом пахари с сильными руками.

Вырывая благоухающие водяные лилии и сажая на их место ростки риса, к земле склонялись женщины: их руки и грудь были испачканы землей, но это, казалось, лишь украшало их. Их большие глаза, похожие на красноватых карпов, осматривали проходивших; они бросали им вслед дерзкие шутки. Эти женщины низших каст пели песни, в мелодиях которых чувствовался хмельной восторг.

Дальше они слышали, как пахари пели благословение плугу: они так низко припадали к плугу, что, казалось, раскалывали им землю; борозды они украшали цветами аругу и белыми лилиями.

Слышны были песни крестьян, отделявших на ветру рис от шелухи. Раздавались бодрые удары в барабаны, покрытые марчаной, и радостные возгласы слушавших.

Путники шли вдоль берега реки с бурными волнами, слушали эти песни и музыку и не замечали своей усталости. Повсюду чувствовался мир, принесенный победой повелителя, на колеснице которого красуется свирепый тигр. Из храмов, где горел жертвенный огонь, дающий рождение благословенному дождю, шел аро-

матный дым от приношений, совершаемых брахманами. Эти храмы прилепились к величественным дворцам с высокими крышами — обителям благословенных брахманов, возвышавшимся словно горы с нависшим над ними дождевыми облаками.

Дальше они могли видеть славные древние селения, где жили вельялы, все богатства которых идут от плуга, — сыновья жепоподобной полноводной Кавери; благодаря этим труженикам могли жить просящие подавание, благодаря им мог одерживать победы их властелин. Здесь была разбросана рисовая шелуха, в воздухе стоял густой дым, идущий от сахарных прессов.

Так они увидели целую страну между двумя городами; иногда они несколько дней подряд отдыхали; в день они проходили не более одного кадама.

По прошествии нескольких дней они пришли в город Тируварангам, в котором река будто затерялась. В роще, окруженной оградой бамбуковых деревьев, среди благоухающих цветов, — в месте, достойном самих небожителей, — жил обладающий великой славой странствующий аскет, презревший городскую жизнь. Здесь в пещорах сверкающей светом скалы Великое Существо*, являясь, открывало ему неумирающую истину чудесной дхармы.

Кавунди, почувствовав его приближение, вместе со своими спутниками простерлась у его ног со словами:

— Да исчезнут греховные деяния прошлого!

Святой муж мог видеть прошлое и наступающее в ярком озарении своей мысли; он не предавался скорби, ибо отрешился от земной жизни, полной любви и ненависти. Он ответил ей:

— О наделенная великой славой Кавунди! Смотри же, никто не может избежать сбора плодов доброй или дурной кармы. Подобно тому как семя в плодородной земле в должное время даст урожай таких же семян, так добрые и дурные деяния приносят нам в будущем радость или страдания. Жизнь в телах подобна пламени светильника, которое гасится сильным ветром в голой пустыне. Он — Знающий, Обладающий дхармой, Превзошедший пределы знания, он — Обладающий полнотой благодати, он — Сиддха, он — Джинендра, он —

Бхагават, он — Воплощение начала, он — Глава, он — Дхарма, он — Воплощенная сущность, он — Чистейший, он — Предводитель рая Шивы, он — Высший, он — Владыка гун, он — Сияющий в Высшем. Он — Истина, он — Сиддха, он — Великий, он — Превосходный, он — Сияющий свет, он — Высший Бог, он — Гуру, он — Гуны природы, он — Наш царь, он — Обладающий незапятнанной славой, он — Великий Владыка гун, он — Создающий благо, он — Иша, он — Самосущий, он — Четырехликий, он — Создавший священные книги, он — Архат, он — Муни, дарующий милость. Он — Сверхсущество, он — Владыка гун, он — Неразделимая извечная сущность, он — Небожитель, он — Начало вед, он — Сияющий светоч. Никому не выбраться из темницы рождения, не узрев света священного писания, которое я славлю возвышенными словами.

Слушая исполненные истины речи странствующего аскета, предававшаяся тяжкому тапасу Кавунди возложила руки себе на голову и воскликнула:

— Отныне уши мои не будут слушать ничего другого, кроме священных слов знания этого мудреца, который победил в себе трех врагов*. И мой язык не будет произносить иного, кроме тысячи восьми эпитетов победившего Каму*. И мои глаза не будут видеть ничего другого, кроме благих ног смиренного пяти чувств, даже если это другое будет перед самыми глазами. И мое лишнее пользы тело не коснется земли иначе, как в священном присутствии того, кто облачен лишь в милость и дхарму. Мои руки не будут сложены вместе иначе, как для почитания Архата, Обладателя дхармы, Воплощения знания. И моя голова не будет украшена иными цветами, кроме лотосов того, который идет по ним*. Мой разум не будет воспринимать других слов, кроме тех, что произнесены самим богом, дарующим бескопечную радость.

В то время как текли достохвальные речи его богу, святой отшельник поднялся над кумиршей на высоту локтя и благословил Кавунди словами:

— Пусть порвутся пути, которые вызывают новые рождения*.

При этом зрелище все они простерлись на земле перед отшельником, парящим в воздухе, и воскликнули:

— Да будет даровано нам освобождение от всяких привязанностей!

Затем Каннахи, Ковалан и непорочная Кавунди переправились на лодке через великую реку Кавери, на берегах которой раскинуты избыточные дивными цветами рощи, и оказались на южном берегу реки, где расположен несравненный храм. Здесь они остановились на некоторое время в цветущем лесу. Вскоре в эту цветущую рощу пришел юноша, поддерживавший пустую беседу с одной наглой блудницей. Увидев молодую чету, напоминавшую бога любви и его спутницу, пришельцы решили узнать, кто они такие, и обратились к Кавунди со словами:

— О отшельница с иссушенным от постов телом, исполнившая многотрудный тапас; кто те, что идут с тобой одной дорогой?

Кавунди на это отвечала:

— Это мои дети. Вы видите — у них обыкновенное человеческое тело. Было бы хорошо, если бы вы отошли в сторону, чтобы не беспокоить их, ибо они вконец утомлены долгим путешествием.

На это подошедшие сказали:

— Ты прочла много ученых книг: возможно ли, чтобы вышедшие из утробы одной матери были мужем и женой?

Услышав эти грубые слова, Каннахи закрыла свои уши и затрепетала от стыда на глазах своего супруга. Тогда Кавунди наложила на пришельцев проклятие:

— Пусть оскорбившие мою красавицу, украшенную гирляндой цветов, примут отныне обличье дряхлых шакалов и бродят в дремучих джунглях, наполненных терновником!

Ковалан и Каннахи не видели, как эти несчастные превратились в шакалов по проклятию, произнесенному Кавунди, но, услышав отдаленный вой шакалов, Ковалан и его супруга, украшенная гирляндой ароматных цветов, ужаснулись и обратились к Кавунди:

— Даже если эти несчастные, сошедшие со стези добра, произнесли лишние благи слова, — они

сделали это по своему незнанию. О, скажите нам, вы, совершившая столь трудный тапас, когда с согревших будет снято ваше проклятие?

— Из-за своего незнания они перешли в низкое рождение; двенадцать лун они будут бродить в лесу терновника под стенами Урайюра. И после того как они испытают за этот год положенные им страдания, лежащее на них проклятие утратит свою силу и они снова обретут прежний облик, — отвечала Кавунди.

Вскоре Кавунди, совершившая столь трудный тапас и добившаяся такой славы, Каннахи и Ковалан вошли в Урайюр, где некогда курица с пышными перьями победила в битве слона, уши которого были похожи на опухавшие.

* * *

Будь вечен Пукар, о город, который заливают лучами восходящее утром солнце, где вечером поднимается растущая луна, где защитным рвом служит само море!

Конец первой книги

Закончена книга о Пукаре, рассказ о котором собрал все достойное внимания. Речь шла о тех, что родились в Чоле, которой правит царь, сжимающий своей сильной рукой сверкающий меч. Этот царь — один из трех коронованных властителей Юга — возвеличил древний град своей верностью дхарме, храбростью и могуществом. Рассказ коснулся пышного праздника Индры и появления небожителей; повествовалось о богатстве урожая и обилии яств в стране, где наслаждаются безграничным счастьем, о непорочном величии божественной Кавери и благом дожде, ниспосылаемом небом, чуждым вероломства. Шла речь о сцене, танцах, музыке и песне, о славных одиннадцати танцах и о лесных напевах. О сладких звуках вины, об искусстве игры на ее четырнадцати струнах, об устройстве театра, о богатстве нот и прелести мелодий. И в этой же книге было поведано о великолепии города и песнях женщин, затмевающих музыку пчелиного роя.

КНИГА 2 МАДУРА

Глава XI

ЛЕСНЫЕ КАРТИНКИ

В густой тени развесистой ашоки под священным тройным зонтом, словно бы отражающим три луны, находился храм Изначально сущего, Знающего, перед сиянием которого бледнеет само восходящее солнце. Непорочная Кавунди простерлась ниц перед Архатом и произнесла те исполненные благости слова, которые в Арангаме были прежде произнесены странствующим аскетом для всех бывших там богов.

Путники провели день в святой обители. Обуреваемые желанием продолжить свой путь, они покинули Варанам на рассвете и, когда солнце озарило своим

светом восток, вошли в молодую рощу, окруженную плодородными полями и полноводными прудами. Высокохотимый престарелый брахман встретил их и воздал хвалу непорочному властителю:

— Да живет наш повелитель, обладающий величайшим достоинством, да хранит он во веки вечные нашу землю! Да живет повелитель южной земли, да распространится его могущество на Ганг и Гималаи! В стремлении показать свое могущество другим царям он бросил вызов великому врагу с могучим оружием — самому океану, который поглотил реку Пахрули, реку Коморин с окружающими горами*. Пусть живет властитель Панды, династия которого восходит к Луне и который украсил свою грудь блестящей гирляндой Тысячсокого. Пусть живет наш царь, повелевающий дождем; ибо, когда громадные грозовые тучи отказались пролить на землю дождь и великое богатство урожая начало убывать, он разбил браслет на короне первого среди богов, и дождь пролился.

Ковалан спросил брахмана:

— Из какой вы страны и почему вы пришли сюда? Достославный знаток священных вед рассказал:

— Я пришел сюда из Манкада, что лежит среди западных гор. Я хочу утолить жажду сердца и увидеть своими глазами почитаемый многими храм, расположенный высоко в горах, среди темных туч, на острове, окруженном бурными водами Кавери. Увидеть храм, где покоится на тысячеголовом змее бог, на груди которого возлежит богиня Шри. Я пришел сюда, чтобы увидеть храм Красноокого Длинного*, расположенный на высокой горе Венката, откуда берут начало потоки с прозрачными водами, оба склона которой освещаются лучами солнца и луны. Пришел, чтобы увидеть бога Вишну с украшенной гирляндой грудью, одетого в излучающие молнии одежды, что отражают лазурные облака; бога, что держит в руках, подобных красивым лотосам, сверкающий лук, поражающую врагов чакру, черно-белую раковину. Глаза мои возликовали от величия красот страны и великодушных дел правителя Панды, и оттого я остался здесь и возношу ему хвалу. И почему я здесь, — так ответил брахман, совершав-

пний жертвенные возжигания. В ответ на просьбу Ковалапа показать самую прямую дорогу на Мадuru этот первый среди постигших великие веды сказал:

«Вы прибыли сюда со своей супругой в то время, когда властелин горячих лучей — солнце отступило от своей доброй природы и перестало расточать свои блага. Жасмин и терновник оно сделало похожими, оно лишило землю влаги, неся страдания и горести жителям; земля стала походить на обширную страну, пришедшую в запустение из-за того, что ее повелитель по вине своих советников погнул скипетр справедливости и перестал совершать благодеяния. Вы пойдете сначала долгой выжженной тропой через скалы и холмы, будете пересекать опасные марева, перебираться через ямы и выбоины. Когда же вы дойдете до большого бассейна в Кодумбалуре, дорога пойдет в трех направлениях, разветвляясь подобно трезубцу Великого, несущего на лбу полумесяц луны *. Если вы решитесь пойти направо, вас ожидают в пути трескающиеся от жары белые кадамбы и раскаленные от пекла манговые деревья, мимозы с высохшими бутонами и бамбук, подобный выжженной траве, аллея потрескавшихся от безводья мараловых деревьев. Затем встретится роща, по которой бродят изнывающие от жажды олени; это безлюдные места, где обитают беспокойные племена эйинаров. Но, пройдя эту часть пути, вы увидите возвышенность с полями, засеянными рисом и сахарным тростником, с плантациями проса и мыльного дерева, посадками чеснока, шафрана, кавалей с красивым вьющимся стеблем, с рощами банановых, арековых и кокосовых пальм. И когда горы Чпрумалей останутся справа от вас, вы окажетесь в самой Мадуре.

Если вы пойдете налево, то увидите пруды, поля, дающие прохладу, джунгли, где пчелиные рои своим жужжаньем словно исполняют чевважи. Когда же вы дойдете до горы Тирумал, то окажетесь на тропе, ведущей через одну пещеру, которая устраивает великое затмение *. Там лежат три волшебных озера, почитаемых самими небожителями: «Священный тростник», «Причина бытия», «Сиддхи-свершение». Если вы совершите омовение в «Священном тростнике», то обре-

тите знание книги, созданной Владыкой Небожителей *. Если вы искупаетесь в «Причине бытия», то познаете свое прежнее рождение, обуславливающее нынешнее рождение. Кто искупается в «Сиддхи», получает тотчас чего бы ни пожелал.

Если вы пожелаете войти в пещеру, то выйдете к очень высокой горе, которой владеет Высочайший. Поклоняясь мысленно его благим стопам, нужно с молитвою три раза обойти храм.

На берегу реки Чиламбу, которая в своем падении пересекает землю, в тени дерева конгу, цветы которого так красивы, словно сделаны искуснейшим мастером, появляется одна женщина. Ее пышные черные локоны подобны темным облакам, ее руки украшены тонкими раслетами.

К каждому проходящему она обращается со словами:

— Мое имя — Вароттама, я живу на склоне этой горы; скажи мне, что есть удовольствие этой жизни и что есть удовольствие иной жизни? Скажи мне, что есть освобождение, не являющееся ни этой жизнью, ни той? Тому, кто ответит на эти три вопроса, я буду служить и открою дверь в эту пещеру.

Когда она откроет одну дверь, вы увидите много разных дорог, что ведут к новым дверцам. Среди них есть одна двойная дверь, и над ней сидит украшенная ожерельем из цветов прекрасная, будто нарисованная, девушка. Она задает вопрос:

— Скажи мне, не сходя с этого места, в чем состоит бесконечное удовольствие, и сбудется одно из твоих сокровенных желаний. Но даже если ты не ответишь, я не пошлю на тебя несчастья. Я провожу тебя в твоём дальнем пути.

Тех, кто ответит на ее вопросы, она ведет к тем трем озерам и возвращается назад. Тот, кто пожелает искупаться в одном из этих озер, дабы сбылось желаемое, должен во время купания погрузиться в медитацию и повторять из непостижимо мудрых вед две мантры по пяти и восьми слогов; тогда он обретет блага, которыми не обладают даже свершившие трудный тапас.

Не думая ни о чем другом, созерцай в своем сердце лишь благие лотосоподобные стопы Пребывающего на горѣ. И если так сосредоточиться в созерцании, то перед тобой появится Вишну с птицей на знамени. И тот, кто удостоится этого видения, получит поддержку от благих лотосоподобных стоп Вишну; у такого страдания навсегда исчезают. Обретши радость и наслаждение, вы отправитесь в величественную славную Мадуру. Таково будет видение в этой пещере.

Если же вы не пойдете и этой дорогой, то самое лучшее для вас — идти средним путем. Эта дорога пойдет через густые леса и селения, утопающие в ароматных садах, но по дороге вам может встретиться одно устрашающее божество. Оно останавливает путников, не причиняя, однако, им несчастий. Уклонившись от встречи с ним, вы окажетесь вскоре в Мадуре, где сходятся все три дороги, о которых я говорил. Так что идите; я же поспешу припасть к благим ногам Прекрасного, украшенного короной, покрывающего тремя шагами всю огромную Вселенную *»

Выслушав подробный рассказ великого знатока вед, Кавунди промолвила:

— О щедрый на благие деяния брахман, постигший глубины четырех вед! Мы не испытываем желания входить в подземные пещеры. Истина, дарованная живущим целую вечность Индрой, озаряет наши священные книги. А разве в нынешнем рождении нельзя увидеть плодов деяний, совершенных в прошлом рождении? Мы не будем кунаться в «Причине бытия». И разве есть что-либо недостижимое для тех, кто, не отступая от истины, проявляет сострадание к живым существам? Иди же и припади к благим ногам бога, к которому ты стремишься с таким рвением, и мы также скоро троемся длинным средним путем.

Они сказали высокочтимому брахману слова благодарности, которые он заслужил, дошли до одного селения и оставшийся день провели в отдыхе, опекаемые поминувшим свой долг благородным Коваланом.

На следующий день они снова двинулись в путь, но вскоре черноокая Каннахи и многочтимая Кавунди признались в своей усталости. Они остановились на

берегу лесного озера, и Ковалан решил принести им воды. Вдруг перед ним появилось устрашающее божество, о котором упоминал в своем рассказе постигший веды мудрый брахман. Приняв облик Васантамалей, служанки Мадави, божество, сгорая от похоти, приблизилось к Ковалану, желая уязвить его сердце страстной любовью покинутой им Мадави. Тренеща, как лиана, воинуемая ветром, божество пало перед ним на колени и простерлось нпц, проливая слезы, со словами:

— Когда я вернулась, моя госпожа Мадави сказала, что я, должно быть, искажила смысл ее слов, иначе Ковалан не мог бы отнестись к ней так жестоко. Выслушав мой ответ, Мадави была так подавлена горем, что в ее глазах потеряла сознание. О, как безмерно тяжела жизнь ганики! Превосходные и постигшие смысл священных книг * смотрят на нее, как на тяжелую ношу, а познавшие многое стараются не смотреть на ее лицо и уходят прочь.

Из холодных с красными белками глаз мнимой Васантамалей катились слезы, похожие на белые жемчужины, которые она смахивала рукой, украшенной ожерельем из жемчужин, спявших серебряным лунным светом.

— Она прогнала меня, а повстречавшись дорогой люди советовали мне идти в древний город Мадуру; я шла с торговым караваном, но горе мое было беспредельно. О наделенный беспримерными добродетелями! Что скажешь ты, чтобы избавить меня от страданий?

Вдруг Ковалан вспомнил предупреждение престарелого брахмана о том, что по этой дороге в глухих джунглях обитает одурманивающее божество. Он знал мантру, вскрывающую обман, и решил при ее помощи узнать, что это за женщина с пьющими прядями волос. Сказав лишь Ковалану произнести эту мантру, как дух, имеющий образ женщины, скачущей на олене, взмолился:

— Да, я дух, скитающийся в лесу. На многих я навела чары, но не говори о том, что я совершила, ни своим супруге, красота которой подобна нарядной лесной птице, ни Кавунди, этой чистейшей праведнице, и продолжай свой путь. — С этими словами дух исчез.

В листе лотоса Ковалан принес прохладную воду, от которой жажда и усталость Каннахи исчезли в одно мгновение, так что они снова могли продолжать свой путь. Когда же солнце достигло зенита и стало опалять землю своими огненными лучами, идти дальше не было сил. Ковалан с украшенной изогнутыми серьгами Каннахи и исполнившей великий тапас Кавунди остановились в цветущей роще, где смешались веберия, белая кадамба, каучуковое дерево конгу и венгай. Здесь они обнаружили храм богини — обительницы небес Айяй, девы с лобным глазом, почитаемой небожителями.

В этом лесу обитали люди, которым лук со стрелами вполне заменял плуг, вместо урожая они довольствовались добром путников, идущих самыми глухими тропами. От своей богини они всегда получали покровительство, и победа ниспосылалась им каждый раз, когда они, ведомые богом подземного царства*, совершали нападение; их безрассудную жестокость и дерзость она считала жертвоприношениями, совершаемыми во славу ее.

Глава XII

ГИМНЫ МАРАВАРОВ

Когда жаркие солнечные лучи чрезмерно нагрели землю, Каннахи, густые локоны которой источали благоухание, изнемогла от усталости в долгом пути и едва переводила дыхание; ее маленькие ножки были покрыты ссадинами. Спутники решили отдохнуть в одном из тихих уголков храма Айяй, так что никто не знал об их пребывании там.

В племени мараваров, славном искусством метать из лука стрелы сильной рукой и жившем в тех местах, выросла громогласная Чалини, которая совершала жертвоприношения. Однажды посреди селения в окруженной оградой из чертополоха мандре, куда маравары сходятся есть и пить, к их величайшему изумлению Чалини с взлохмаченными космами и воздетыми ввысь

руками, словно одержимая самим божеством, забилась в неудержимом танце и громко возопила:

— Тучными стали стада наших хвастливых недругов; опустели мандры охотников, столь искусных в стрельбе из лука. Потомки воинственных мараваров, не увеличивая своих богатств за счет путников, умерили свою злость, подавили в себе гордость и ведут себя так, будто они и вправду люди из родов, следующих дхарме. Если восседающая на олене богиня не будет вкушать наших жертвоприношений, она не даст победы, достойной ваших стрелометных луков. О племя мараваров, живущее грабежом на дорогах, если вы хотите жить достойно и пить тодди, вам должно совершить приношение, достойные нашей богини!

В древнем племени мараваров, всегда предпочитавших смерть от руки врага пламени погребального костра, и жила та дева, в которую воплотилась богиня. Короткие вьющиеся волосы Чалини были подобраны сверху узлом, украшенным маленькой серебряной змеи и полумесяцем из белого кривого бивня дикого кабана, разрушавшего посадки в огражденном и оберегаемом саду. Ожерельем служили ей нанизанные на крепкую нить белые зубы свиреного тигра, а сари ей заменяли шкуры пятнистого и полосатого леопарда. Она сидела верхом на криворогом олене, крепко сжимая в своих руках лук. Женщины из племени мараваров с почтением приносили ей различные жертвенные дары, статуэтки, попугаев, красивых фазанов с мягким пухом, голубых павлинов, бобы, краски, ароматный порошок, освежающий благовонный сандал, вареные семена, сладости из сезама, вареный рис с жиром, цветы, курения, ароматные семена. Все это складывалось перед жертвенником Анангу под барабанный бой, пронзительные звуки разбойничьих рожков, гнутых лютен. Они молились перед алтарем, совершали приношения ради обещанных им побед, благоговейно складывали руки и восхваляли богиню, восседающую на олене.

Увидев остановившуюся с мужем обессиленную трудной дорогой Каннахи, маленькие ножки которой были подобны лотосам, а волосы выпускали благоухание, заговорила Чалини, одержимая божеством:

— Эта женщина — владычица северной страны Конгу, она — повелительница западных гор, богиня южных тамиллов, венец исполненного тапаса, редчайший рубин, сверкающий перед всем миром.

Услышав эти слова, Каннахи решила, что умудренная провинца изрекла их вследствие внезапного умопомрачения, и, укрывшись за широкой спиной своего мужа, с таким трудом ею вновь обретенного, она скромно улыбнулась. Чалини была украшена полумесяцем молодой луны. Когда она открыла свой лоб, то сверкнул ее немигающий третий глаз. Она была белозуба, с устами, подобными кораллам, и с шеей, почерневшей от выпитого яда*. Поясом ей служил исходящий злобой змей. Вместо лука она сгибала великую гору. Грудь ее была закрыта кожей ядовитой змеи. Рукой, украшенной браслетом, она приготвилась метнуть трезубец. Плечи ее прикрывала слоновая кожа, бедра и ноги завернуты в шкуру кровожадного льва. Ее левая нога была украшена браслетом, а правая — звонкими колокольчиками, и каждый ее шаг как бы возвещал победу, даруемую богиней. Котравей стояла на голове могучего асуры о двух головах и туловищах. Она — Дева, она — Бессмертная, она — Гаури, она — Чамарп*. Многие поклонялись ей, вооруженной трезубцем Сипней, юной сестре Маля*. Айяй была всемогуща в сражении. Дочь оленя, она, сжимая сильной рукой острый меч, стремительно мчалась на олене, украшенная редкими драгоценными камнями. Все — и люди, и боги — почитали образ Юной Девы благоволящей. Все изумлялись ее чудному лицу.

Песни

Густо растут благоухающие померанцевые деревья, высоко вознеслись ача и сандал. Непроходима роща из манго и сз перед жертвенником Той, что владеет одной стороной тела бога, обладающего лобным глазом*.

С венгаев падают золотые цветы; красивые лепестки, упав с тутовых деревьев, образуют холмы, с лесных мурунгов осыпаются белые цветы перед святилищем Той, что украсила свои волосы серпом луны*.

Ярко расцвели белая кадамба, падири, красолест, конгу и душистая веберия. Близ их ветвей жужжат, словно играя на вине, шумливые пчелы перед святилищем юной сестры Священного Маля.

Песнопения в честь Чалини

О, какой же великий тапас исполнила эта женщина с золотыми браслетами, украсившаяся нарядами самой Котравей! Племя искусных в стрельбе из лука охотников, в котором родилась эта женщина, украшенная золотыми браслетами, — это племя лучше всех племен!

О, какой же великий тапас исполнила она, принявшая облик самой Айяй, она, чье лоно подобно кашпошну кобры! Племя эйнарров, искусных в метании стрел, где родилась она, чье лоно подобно кашпошну кобры, — это племя лучше всех племен!

О, какой же великий тапас совершила владычица, украшенная редчайшими жапастями, сидящая на скачущем олене! Племя эйнарров, искусно владеющих самбуковым луком, в котором родилась украшенная редчайшими браслетами владычица, это племя — лучшее из всех племен!

Песнопения в честь богини Котравей

Плечи твои покрыты шкурой слона, бедра твои закрыты тигровой шкурой, ты стоишь на черной голове дикого быка, небожители поклоняются тебе. Ты сама высшая мудрость вед, юная дева, обладающая знанием!

Украшенной браслетами рукой ты подняла меч и поразила могучего асуру Махншу, ты сидишь на олене с черными крутыми рогами, ты восседаешь на лотосе вместе с Вишну, Шивой и Брахмой, ты словно прекрасный светильник, светильник, испускающий яркие лучи!

Ты держишь в своих лотосоподобных руках раковину и чакру; ты сидишь верхом на быке, свирепом, как лев, глаза которого налиты кровью! Тебя восхваляют древние веды, о принявшая облик женщины, появившейся сбоку у того, кто обладает лобным глазом и волосы которого украшает Ганг*.

Украшив свои руки густой гирляндой дурмана и базилика, ты, о принявшая облик Девы, исполняешь танец на радость Бессмертным* и на страх и погибель асурам!

Звенят на ногах и руках золотые браслеты — это Госпожа владычица исполняет танец меча на ходулях в устрашение коварных асур, искусно владеющих мечом.

Стоит Госпоже исполнить танец меча на ходулях и сразить коварных асур, искусно владеющих мечом, как небожители, восхвалив ее гибкое тело, подобное неувядающему лотосу, своими руками станут осыпать ее нескончаемым дождем цветов.

Когда не имеющий равных герой из небольшого селения, наводящего страх на врагов, начинает забирать их стада, ему посылает помощь Та, что владеет сверкающим мечом, украшенным гирляндой ветчи. И стоит лишь появиться Той, что владеет сверкающим мечом, украшенным гирляндой ветчи, как черные вороны своими каркающими голосами в джунглях вокруг селений врагов предрекают приближающуюся к ним гибель.

Если задолжавшему маравару торговка тодди отказывается продать опьяняющий пальмовый сок, маравар, будучи не в силах перенести такой позор, берет в свои руки лук, отправляется за вражескими стадами, и птицы летят вслед за ним. Когда герой отправляется за чужими стадами и птицы летят за ним вслед, богиня Котравей идет перед его метким луком, поднимая знамя с изображением льва.

О юная дева с прекрасными зубами! Взгляни на эти стада, захваченные вчера нашими отцами и старшими братьями. Сегодня они уже заполнили дворы наших кузнецов, барабанщиков, наших мараваров, искусных в песнопениях и снискавших славу игрой на вине.

О юная дева с улыбкой, обнажающей юные зубы, белые, как ствол павлиньего пера. Взгляни! Наши старшие отбили стада коров, так что охранявшие их рыдают. Захваченные нами коровы заполнили сегодня дворы торговков тодди, горцев-соглядатаев и жрецов, предсказывающих по полету птиц.

О наша владычица, чьи большие лотосоподобные глаза подведены сурьмой! Взгляни на эти прекрасные стада коров, захваченные старшими из твоего племени, что вызвали вопли и рыдания в соседней деревне! Сегодня эти стада уже заполнили дворы чуждых кроткой ласковой речи седобородых эйинаров и их жен.

Мы молитвенно припали к твоим благодатным стопам, дабы исчезли препятствия для идущих с солнцем мун и бессмертных, совершающих свой трудный путь. Прими же в жертву кровь, потоком льющуюся из израненного горла могучих и непобедимых эйинаров, как плату за победу, дарованную им тобою, когда они коснулись твоих благодатных ног.

Мы обожаем твои благодатные лотосоподобные стопы, почитаемые венценосными бессмертными вместе с их царем. О сапфиropодобная! Прими же в жертву эту кровь, струящуюся обильно из наших ран, как долг, возмещаемый эйинарами за победу, дарованную тобой и принесшую нам такие обширные стада коров!

О Дева, прими эту льющуюся из наших израненных годов кровь как приношение на твой жертвенник за победу, дарованную припавшим к твоим ногам эйинарам: подобно тиграм в глухую полночь они устремились на врага под пронзительные трубные звуки и под ужасающий бой больших и малых барабанов.

О разрушительница! О богиня среднего неба! О Сяняя, чьи локоны украшены змеей с налитыми кровью глазами и молодым полумесяцем! Съешь же приношения эйинаров с тугими стрелометными луками и наведи эти дороги богатыми путниками, дабы росло наше богатство.

О богиня! Если ты выпьешь напиток бессмертия небожителей, ты должна умереть, но выпив яд, который смертелен для любого другого, ты будешь жить. Вкус же приношения эйинаров — дань за победу, дарованную тобой тем, кто не знает жалости и под бой барабанов нападает на спящие селения, повергая в ужас их жителей.

О, ниспосли нам свою милость, богиня, разрушающая два дерева маруда, проходя меж ними! Своей маленькой ножкой ты опрокинула повозку смерти, кото-

рую хитростью сдвинул с места твой дядя *. Съешь же приношения эйнараров, живущих грабежом и не знающих жалости к людям, всюду сеющим смерть и беды.

Да возобладает в битве Властитель Горной страны — Поди, на которой обитал Агастья, уступающий в мудрости лишь изначальному Богу, даровавшему великие веды *. О, пусть властитель Пандьи украсится гирляндой ветви, дабы одержать победу в сражении с соседней страной и помешать врагу угнать домой у него же захваченные стада.

Глава XIII

ПРИБЛИЖЕНИЕ К МАДУРЕ

После того как скрылся из глаз образ этой женщины и путники прошли еще часть пути, Ковалан припал к священным стопам достойнейшей отшельницы и сказал:

— Моя супруга не в силах более переносить это ужасное пекло: ее маленькие ножки покрыты ссадинами и царапинами от этой каменистой дороги, идущей через тернистый лес. Вокруг нас простирается страна, которую оберегает правитель со справедливым скипетром. Здесь ни всемогущий медведь не разроет лапой муравьиной кучи, ни пробирющийся сквозь заросшие джунгли полосатый тигр не нападет на ланей; ни злые женские духи, ни удар грома не причинят страданий прохожим. Я не вижу никакой беды, если мы пойдем не по дневной жаре, а будем продолжать свой путь под покровом ночи, при свете луны, оберегающей многие живые существа.

II мудрая отшельница охотно согласилась. Подобно подданным, с нетерпением ждущим ухода правителя с несправедливым скипетром, они ожидали времени, когда зайдет палящее солнце. Наконец вззошел месяц, прародитель Пандьи, рассеивая свои серебристые лучи вместе с бесчисленным войском звезд. Земля уклады-

валась спать, издавая усталый вздох и жалуясь самой себе:

— О красавица! Твои юные обращенные к небу груди еще не покрыты ожерельем жемчужных звезд и не покрыты сандаловой пастой. Твои пышные волосы с жасмином еще не украшены лилией, рассыпающей пыльцу. Твое юное цветущее тело еще не покрыто гирляндами из нежных бутонов. Разве вместе с ветром, ронявшимся на горе Поди, окрепшим в Мадуре и своим желестом украшающим язык поэтов, тебе еще пужна несения луна, которая проливалась бы на тебя свой мощный свет?

Ковалан положил себе на плечо украшенную браслетами прекрасную руку своей супруги, которую трудный путь лишил последних сил, и сказал:

— Этой ночью нам может встретиться на пути тигр, будут завывать совы и реветь медведи, но ты не бойся и продолжай свой путь.

Они шли трудной дорогой, внимая мудрым словам дхармы, изрекаемым отшельницей с просветленным и незапятнанным знанием, пока лесные птицы, скрывавшиеся в опаленной бамбуковой роще, не возвестили о приближении восхода. В это время они подошли к селению брахманов, хотя и носивших на груди тройной шнур, но утративших свою касту из-за занятий музыкой и танцами. Оставив свою любимую жену в утробном и надежном месте вместе с исполнившей великий тапас Кавунди, Ковалан пробрался сквозь густые заросли терновника и, пройдя еще большое расстояние, увидел лесной родник и наклонился над ним. В поисках родника он сокрушался о том, как много пришлось выстрадать его любимой супруге в их долгой дороге, и его тяжелые вздохи напоминали движение мехов в кузнице. Ковалан настолько изменился лицом, что подошедший к нему брахман Каушика усомнился в том, что перед ним действительно Ковалан, и, скрываясь в тени нежно-зеленого куруха, пропнес слова, сделав вид, что обращается к ползучему цветку с названием мадави:

— О, твоя головка пощипала, мадави. Ты не в силах перенести эту небывалую жару, подобно той Мадави

с большими, как цветы, красивыми глазами, которая поникла в жестоком горе оттого, что ее оставил Ковалан!

Услышав это, изумленный Ковалан спросил неprochenного Каушику:

— Что значат твои слова? Как ты здесь оказался?

Брахман же отвечал:

— Твой отец, глава великого рода, и твоя мать испытывают такую же печаль, как змеи, потерявшие драгоценный алмаз. Твои родные, потеряв тебя, погрузились в пучину печали и страдают так, словно их тело покинула драгоценная жизнь. Старик разослал во все стороны слуг, наказав отыскать своего сына. Весь великий древний город объят смущением подобно Айодхье, покинутой великим героем*, ушедшим в лес со словами: «Все царство — ничто в сравнении с приказом отца». После того как Васантамалей принесла Мадави безутешную весть, та впала в безысходное отчаяние, и все ее тело сделалось мертвенно желтым. Она поднялась на верх своего огромного дворца и в одной из уединенных комнат упала на постель без чувств. Услышав о горе, постигшем Мадави, я сам почувствовал глубокую боль в сердце и пошел к ней с надеждой утешить ее. Но убитая несчастьем Мадави припала к моим ногам и умоляла избавить ее от горя. Она написала своей прелестной рукой письмо на пальмовом листе и просила меня вручить его возлюбленному, дорогому ей, словно зеница ока.

С этим письмом брахман, совершающий обряды Агни*, исходил все дороги в своей стране, и вот теперь у дороги, безыскусно рассказав обо всем, он отдал в руки Ковалана письмо сокрушенной горем прекрасной Мадави, выющиеся волосы которой украшает распустившаяся лилия. Благовонный аромат, шедший от печати пальмового листа, на котором было написано послание, напомнил Ковалану запах масла, что втирала в свои густые волосы его прежняя возлюбленная. После короткого колебания он открыл письмо и прочитал: «Я припадаю к твоим ногам, мой господин! Прости мои глупые и беззлые слова. Я не знаю за собой никакой вины, которая побудила бы тебя глубокой ночью

уйти из дому вместе со своей высокородившейся супругой, не известив о том своих благородных родителей. Умоляю тебя исцелить мое разрывающееся от горя сердце. Прости меня, о ты, обладающий совершенным умом!»

Ковалан проникся музыкой написанных слов. Он почувствовал облегчение от того, что его подозрения были беспочвенны, и воскликнул, что Мадави не в чем себя винить и единственно, на ком лежит вина, так это на нем самом. Затем он попросил Каушику отнести его драгоценному отцу это письмо, из которого он поймет, что произошло с его сыном, и передать, что он припадает к лотосоподобным ногам своих беспорочных родителей. Он попрощался с Каушикой, наказав ему поспешить к его родителям, с тем чтобы положить конец их тревогам и отвратить несчастья от них, достойных блаженствия.

Он снова вернулся к незапятнанной ревнительнице гармы, которая отдыхала вместе с его целомудренной женой, и скоро они оказались среди встретившихся им панаров — странствующих музыкантов, певших гимны в честь устрашающего lika могущественной Антари. Закрепив прежде всего струны на грифе лютни, Ковалан начал перебирать струны, начав с четвертой и кончив первой. Вместе с бродячими певцами он искусно исполнил в трех классических вариациях гимн, прославляющий образ той, что скачет на олене. Кончив играть, он спросил, как далеко осталось идти до Мадур. Панары отвечали:

— Дующий здесь ветерок доносит до нас аромат благоухающего ахила, душистого сандала, цветущего шафрана, благовоний мускуса и сандаловой пасты. В нем запахи покрытой пылью лилии, гирлянд чампаки, цветов мадави, жасмина и садовых цветов муллей. Этот ветер вообрал в себя запах, идущий из кухонь и с базаров, где бесчисленные торговцы выпекают сладкие пирожки; он впитал в себя дивный аромат дорогих благовоний, которыми умастили себя красавицы и их возлюбленные, собравшиеся на террасе высокого дворца. В нем можно уловить аромат приношений богам. Он начинается свой путь из храма властелина Пандьи, грудь которого украшена прекрасной гирляндой Победите-

ля*, и несет бесчисленное разнообразие запахов, от которых начинаст щемить сердце. Он во всем отличен от ветра, дующего с горы Поди, хвалу которой воспели великие поэты в своих изумительных стихах. Это и есть ветер Мадур. Этот древний город уже совсем недалеко. Даже если ты пойдешь один, тебе никто не помешает добраться до города.

Как и накануне, они шли вместе с отшельницей, наполнявшей трудный тапас. К утру они слышали бой барабанов, напоминавший далекие раскаты грома и доносившийся из величественного храма бога, Обладающего великой силой*, из знаменитого храма достославного повелителя Панды, а также из многих храмов других богов. Слышались молитвы брахманов четырех вед, можно было слышать, как отшельники бормотали свои мантры. До их слуха доносился барабанный бой в честь возвращающихся воинов властелина, мечи которых приносят их обладателям неизменную победу. Воздух оглашался ревом боевых слонов, одержавших в сражении победу над врагами, оглушительным криком диких слонов, схваченных в джунглях, ржанием лошадей в конюшнях. Доносилась утренняя музыка, в сопровождении которой танцоры показывали свое искусство. Какие только звуки ни слышались из Мадур, создавая впечатление рева моря. От всей этой пестроты звуков, доносящихся из Мадур и создающих впечатление гула и рева потемневшего моря, усталость трех путников мгновенно прошла, и они словно забыли обо всех невзгодах в пути.

Перед ними предстала священная река Вайхей, воспеваемая лучшими поэтами за свою красоту, и те богатые дары, которые она несет стране. Драгоценнейшая среди наследственных владений властелинов Панды, она похожа на непорочную благородную красавицу, одетую которой сотканы из цветов финиковой пальмы, вахулы, конгу, белой кадамбы, кунгумы, лавра, тилаки, жасмина, чедала, черунду, чампаки и шафрана. Берег, словно пояс вокруг ее бедер, украшен красивейшими цветами куруха, позолоченного жасмина, мусундея с густыми лианами, дикого жасмина, белого вьюна, бамбука, лианы. Сверкающие белым песком островки, лежащие близ

берегов и изобилующие цветами, упавшими с деревьев, напоминают упругие груди молодой красавицы. Ее рот — это дерево около берега с алыми цветами, падающими в воду. Ее чудесные зубы — это лепестки белого жасмина, упавшие в воду и плывущие по течению. Большие карш, показывающиеся из воды и снова исчезающие, — это ее большие глаза. Темные струи воды, несущие лепестки, — ее волосы. Слово зная, что будущее готовит прекрасной Кавунди, река, завернувшись свое священное, сотканное из благоухающих цветов покрывало, подавила поток слез, подступивших к глазам.

Изумленные зрелищем, Ковалан и его красавица-друга с лебединой походкой воскликнули:

— Это не поток вод, но поток цветов.

Они обошли стороною большую гавань, где у причала стояли суда, нос у которых был вырезан в виде льва, либо коня, либо слона, либо льва. Затем вместе со святой Кавунди они сели в лодку и переплыли на южный берег, что являл собой сплошной благоухающий сад красивейшими цветами.

Решив, что великая милость ждет того, кто справа обойдет кругом город Мадур, в котором обитают нежители, они пошли вдоль рва, окруженного непроходимой стеной леса. Словно предчувствуя ожидающие друг друга страдания, большие черные лилии, белые водяные кувшинки и нежные лотосы трепетали на своих тонких стеблях, роняя слезы, в то время как пчелы своим жужжанием выводили грустные, надрывающие сердце мелодии. Большие знамена на высокой крепостной стене, поднятые в честь победы в сражении, словно давали знак, упрашивая не входить в город. Они отлежались под тенью бамбука в саду, который оживляло движение птиц и где росли кокосовые деревья со спелыми плодами, банановые и арековые пальмы. Кругом простирались рисовые плантации и сверкали полноводные реки. Затем они вступили в предместье древней Мадур, где жили люди, знаменитые приверженностью к карме.

Глава XIV

РАССКАЗ О ДРЕВНЕМ ГОРОДЕ

В тот самый час, когда три путника вступили в предместья древнего города, цветущие благоухающие сады, сверкающие влагой и освещенные косыми лучами поля наполнились щебетанием пробудившихся птиц. Поднималось солнце, перед которым совершали поклонение живущие в этом мире и, приветствуя которое, распускались лепестки белых лилий, растущих в пруду. Вместе с восходящим солнцем пробуждалась ото сна и древняя столица властелина Панды, чей меч наводил страх на врагов. Громкий бой барабанов вместе с пронзительным свистом белых чанг раздавался в священных храмах и Высшего, лоб которого украшен оком*, и Поднимающего знамя, на котором изображена птица Гаруда*, и Белого, крепко держащего поднятый лемех*, и Несущего знамя, украшенное петухом*. Эти же звуки шли из обителей дхармы, где жили отшельники, сведущие в дхарме, и из храма прославленного своей отвагой властелина.

Ковалан молитвенно простерся ниц пред обретающейся в знании Кавунди, коснувшись руками ее благих ног, и воскликнул:

— Оттого что я оступился и отошел от доброй стези, глубоко страдает моя супруга, чье тело подобно благоухающему лотосу, из-за меня — ее мучительные блуждания в этой неведомой нам доселе стране. О свершающая тапас, могу ли я просить вас окружить заботой мою супругу, украшенную тонкими браслетами, пока я буду обходить богатых торговцев этого древнего города? О высокочтимая матрона, я знаю, что с нею не может случиться никакой беды, пока ваше око оберегает ее.

Кавунди отвечала ему на это:

— Ты претерпел большие страдания вместе со своей любимой женой оттого, что сейчас уже исчерпался тапас твоих прежних рождений и настало время возмездия. Укрепившиеся на пути дхармы люди провозгласили громким, словно барабанные удары, голосом слово дхармы: «Оставьте путь, где нет дхармы, ведь уже начина-

ет действовать сильная карма!» Разорвавшие узы не сойдут с пути дхармы. Глупцы лишь от глупости сокрушаются духом, когда наступает время страшного кармического возмездия за дурные поступки*. Не погружаются в отчаяние знающие и мудрые люди, когда наступает время вкушать плод неизбежной кармы! Страдание от соединения, страдание от разлуки, страдания, которыми терзает Бестелесный, существуют только для тех, кто упивается объятиями пышноволосяных красавиц. Этих страданий нет для могучих, пребывающих в уединении. Поняв, что наслаждения от женщин и яств в этом мире несут страдания, что чувственное желание, отринутое богами, есть безумие, многие прежде отрекались от желаний плоти. Теперь таких немного. Разве не знаешь ты древнюю историю о том, кто, повинувшись воле отца, вместе с женой ушел в лес и, потеряв свою возлюбленную, испытывал жестокие мучения? * Ведь он был тем, кто породил создателя четырех вед *. Разве не знаешь ты и другой истории — о царе, который проиграл в кости и свою землю, и корону и вместе со своей нежной супругой * ушел в джунгли с намерением никогда не расставаться с нею впредь? Его возлюбленная супруга не проявляла никакой тревоги в унижении, и все же в кромешной полуночной тьме в глухой чаще он потерял свою возлюбленную супругу, украшенную тонкими браслетами. Скажи, была в чем-нибудь виновна эта женщина? Скажи лучше, что это было следствием его кармы! Ты много счастливее их, ибо на твою долю не выпало мучений разлуки со своей возлюбленной. Отбрось же свои тревоги, отправляйся в царскую столицу Мадuru и разыщи место, где ты мог бы остановиться со своей супругой.

Ковалан пошел вдоль рва, защищенного густой чащей леса, и мимо озер со сверкающими водами, пошел по узкой улочке, предназначенной для прохода царских слонов с длинными хоботами.

Он прошел через ворота крепостной стены, не обратив на себя внимания яванов, стоявших на страже с обнаженными мечами. Перед ним в изумительной красоте предстал город, словно бы неожиданно открылась

сокровищница Тысячеокого*. Вдоль улицы, где на западном ветру трепетали флаги, шествовали блудницы, переступившие границы дозволенного другим женщинам, направляясь в сопровождении своих богатых и красивых поклонников в густые увеселительные рощи, на которые роняли тень высокие маруды, росшие вдоль белопесчаных дюн на берегу полноводного Вайхея. По реке плыли лодки и легкие суденышки с высоко поднятыми над водой кабинами; купающиеся барахтались в воде, держась за плоты.

По благоухающим рощам древней Мадуры кокетливо проходили выраженные блудницы, умащенные ароматной сандаловой пастой с горы Поди; в их व्यоющихся локонах красовались и душистый, несущий прохладу жасмин, и выросший в глубокой воде алый лотос, и распустившая белая лилия. Гирлянды белого распустившегося жасмина и благоухающих белых лилий придавали особую красоту жемчугам из великого порта Коркей. Когда заходило палящее солнце, при нежном свете молодого месяца они наслаждались в своих домах на ложе из ароматных опавших цветов, и украшенный их усердием храм любви вызывал восторг тех, кто делил с ними ложе.

Когда властелин дождей является в Мадuru с севера вместе с ветром, шумная богатая столица открывает свою красоту перед Царем богов*, ваджрой срезающим вершины гор. Тогда женщины закрывают свои талии пурпурным шелковым сари, украшают волосы оливой, красным цветком лпаны со склонов горы Чирумалей, благоухающим куринджии. Свои нежные груди они умащивают сандаловой пастой шафранового цвета, а тело — красным благовонным маслом.

Когда же приходит осень, красавицы укрываются в своих дворцах, построенных лучшими зодчими и настолько высоких, что проплывающие по небу облака обмывают их своей влагой. Разведя огонь из углей ароматного орлиного дерева, они закрывают решетчатые окна и сливаются в объятиях со своими благородными возлюбленными. С наступлением сезона холодной росы красавицы и их воздыхатели покидают террасы своих богатых дворцов и стремятся согреться под нежными

учами солища, поднимающегося в южной части неба, лишь изредка застилаемого облаками. Они вопрошают:

— Где пребывает повелитель росы, теряющий самобладание в месяце нангуни? Неужели он не может стронуть в столице нашего царя праздник стрелометного лука в честь бога с красными от обуревающего его ождедения прожилками глаз? Разве не собирается он вместе с восточным ветром войти сюда со множеством удод, везущих по безбрежному морю благовония, шелк, индал, духи и камфару, — дань жителей города Топи? Где же пребывает властелин юной и сладостной росы, которая приносит с собою густые гирлянды душистого куруха, наполняет рощи и леса благоуханием распустившихся цветов? Весна подступает вместе с южным ветром, что возникает на священной горе Поди, бросает в объятия влюбленных, обуреваемых сладостным влечением. Это время, когда соединяются все возлюбленные, — пора исчезнувших горестей.

Затем наступает жаркое лето, и в последние его дни повелевающее вселенной раскаленное светило устанавливает свою жестокую власть над Мадурой; оно иссекает своим огнем плодородные холмистые земли, леса и джунгли, повергая в трепет многие стада слонов и заставляя слонят пугливо прижиматься к своим матерям. В эту пору богатый властелин страны дарит своей возлюбленной, с которой он наслаждается в уединенном саду, колесницу и паланкин, ложе с коралловыми ножками, веер из волоса яка, золотую коробку для метеля и острый меч; богатые дары не приносят охлаждения страсти для украшенной золотыми ожерельями, она дарует новые наслаждения своему повелителю. После страстных объятий она изнывает от томной грусти и пьет чудесное сладкое вино, которое приносят ей служанки в красивых золотых чашах. Захмелев от вина, она неосторожно бьет себя, желая прилечь к пчел, жужжащих в ее гирляндах из душистых цветов. Улыбка обнажает ее жемчужно-белые зубы между губами, похожими на алые шелковые лепестки. Когда же такая красавица с глазами, подобными дивным лотосам, заводит восемь мелодий, которых никогда не поют во время размолвки с любимым, ее голос срывается,

вызывая смех у слушающих. Когда же на нее находят гнев, то ее большие глаза делаются похожими на распустившиеся бутоны красной кувшинки, а уголки глаз — на подвижных красных рыб; ее брови изгибаются подобно несущему смерть луку; ее лобик с тилаком покрывается каплями росы.

Ковалан шел по великолепной улице, где в довольстве и радости жил властелин, призванный заботиться о своей стране. На этой же улице жили и знатные богачи, пользующиеся любой возможностью для умножения своих богатств. Дальше шли дворцы, куда коронованный властелин тайно приезжал для развлечений. Здесь жили известные куртизанки, постигшие две разновидности танца: одну — для царского двора и другую — для простолудингов. Они совершенствовались в танцах и пении, в тонкости знали мелодии и свойства музыкальных инструментов. Они знали четыре разновидности пантомимы и фаллический танец, обладавший редкой силой магнетизма. За танцем с песнопением первой танцовщицы следовали танцы с песнями других танцовщиц. Когда голос первой танцовщицы поднимался до восьмой ноты, она получала подарки вплоть до тысячи восьми кажанджу золота. Многие запутываются в сетях, расстилаемых с помощью коварных взглядов красавиц, в которых словно перевоплощается женский дух Апангу, и уже неотступно каждый день следуют за ними. Даже предающиеся тапасу и обретшие редкое знание поддаются соблазну; что же касается молодых и неопытных, то под лукавыми женскими взглядами они порхают, словно пчелы, перелетающие с одного душистого цветка на другой; не проходит и дня, чтобы они не наслаждались сладостными объятиями блудниц, владеющих тайнами шестидесяти четырех искусств, нежный голос которых — сама музыка и звуки лютни.

Ковалан шел базарной улицей. Еще ни одному врагу не доставалось столько богатств. Здесь были выставлены роскошные кареты и стремительные колесницы. Тут можно было купить воинские доспехи и латные рукавицы, унизанный жемчугом шест для слонов и редкие свадебья, изогнутую палицу и белый веер из хвоста яка. Продавались копьеметалки, кожаные щиты; на од-

них щитах торчала морда кабана, на других были нарисованы джунгли. Взгляд ловил поделки из меди и бронзы, плетеные изделия, гирлянды, железные пилы и напильники, украшения из слоновой кости, благовопия и душистые притирания. Великое множество роскошных вещей и редких украшений было выставлено на этой базарной площади, и любой царь пожелал бы такого богатства.

Затем Ковалан оказался на улице, где продавались драгоценные камни. Здесь были изумительные алмазы четырех цветов, в которых даже искусные ювелиры не могли бы найти полос, воздушных пузырей, пятен и иного изъяна. Испускали зеленоватые лучи изумруды лучшей воды; нельзя было увидеть ни малейшего дефекта в рубинах «алый лотос», синих сапфирах, белом жемчуге. «Кошачий глазок», оправленный золотом, казалось, в самом деле бросал взгляд; словно капля меда, играл сардоникс, и ляпис-лазурь отливала темными прожилками; двумя оттенками блеснул опал; лучи заходящего солнца отражались пятно другими драгоценными камнями, добытыми в одних и тех же горах. Здесь было множество белых и розовых жемчужин, блеск которых не погасил ни шторм, ни пески, ни камни, ни морские воды, и груды дивных ровных кораллов без малейших трещинок.

На улице золотых дел мастеров на каждой лавке был вывешен флажок, по которому можно было судить, какое золото здесь продавалось: обычное ли, или цвета крыла попугая, или тонкое золото Джамбунада*. Идя дальше, Ковалан оказался в квартале, где продавались сотни тканей из хлопковых, шерстяных и шелковых нитей. На следующей улице расположились лабазники, которые сновали взад и вперед со своими мерами. В любое время там стояли мешки с зерном и кули с черным перцем. Ковалан увидел улицы, на каждой из которых жила одна из четырех каст. Уже к вечеру он побывал на перекрестке дорог, в квартале храма, на площадях. Затем он оказался в аллее с густой листвой, сквозь которую никогда не проникают жаркие солнечные лучи. Он увидел огромный город великого властелина Пандьи и, удовлетворенный, пошел назад в Мадирпурам.

Глава XV

ПРИСТАНИЩЕ

Ковалан вернулся в цветущие сады на окраине Мадуры, где жили наделенные благородным сердцем приверженцы дхармы. Он рассказал исполнившей великий тапас отшельнице о величии увиденного им древнего града, прославленного справедливостью своих властителей. Правители Пандьи приняли на себя бремя вращать колесо, дарующее милости оберегаемой земле. Скипетр справедливости в их руках никогда не покрывался, зонт их правления даровал подданным успокоение и прохладу, и отвага всегда сопровождала их меч.

В то время как непорочная Кавунди внимала рассказу, отдыхая в тени цветущей рощи от усталости долгого пути, к ней приблизился Мадалан, мудрый брахман великих вед родом из Талейченганама, постигший сокровенные тайны четырех вед, исполненный милости и доброжелательности к людям. Он возвращался с юга, где обошел вокруг горы исполнившего великий тапас муньи и совершил омовение в прекрасных водах устья Кумари. Теперь он посетил джайнскую обитель, где пребывала Кавунди, дабы устранить страдание. Ковалан подошел и благоговейно простерся у благих ног Мадалана. Искусный в слове брахман воскликнул, обращаясь к Ковалану:

— Ты ведь знаешь, что прекрасная Мадави, с дивным телом, получившая славный царский дар, родила девочку, обладающую дивными приметами. И старые ганики, давно оставившие из-за своего возраста прежнее ремесло, пожелали, чтобы дочери Мадави было дано достойное имя. Ты рассказал им, что в давние времена один из твоих предков в полночь в бушующем океане потерпел крушение. Но благодаря совершенным им ранее пунье и дхане он несколько дней держался на воде, не видя берега нигде вокруг. Внезапно перед ним явилось ваше родовое божество и молвило: «Я здесь по велению Индры. Я пришла к тебе: ты ничего не бойся, я — Манимехалей. Последствия твоей великой дханы

никогда не прекратятся. Ими будет прекращено страдание, с их помощью да будет пересечен океан горестей!» И, произнеся заклинания, она вывела его на берег. И ты сказал: «Пусть девочке дадут имя Манимехалей». И в день, когда девочке было дано имя Манимехалей, собралась тысяча украшенных красивыми поясами танцовщиц. И когда вместе с дивной Мадави ты разбрасывал своими красивыми руками вокруг себя золото, которое лилось дождем, к тебе подошел следующий по благовому пути знания брахман, известный своей праведностью. Согбенный старик медленно шел, опираясь на палку, чтобы принять дар из твоих рук. В этот момент при грохоте барабанов разъяренный слон, вырвавшись из рук своих надсмотрщиков, с диким ревом устремился на ветхого старика. В тот же миг ты бросился к свирепому слону, забрался слону на шею, усмирив животное и тем самым спас этого человека высокого рождения. О герой, чье сердце исполнено сострадания, верхом на разъяренном слоне ты был подобен видьядхаре, восседающему на громадной Черной Горе.

В другой раз жена одного мудрого брахмана великих вед* убила маленькую мангусту, и святой муж отправился на север, чтобы принести покаяние. Жене, пожелавшей следовать за ним, он сказал, что отныне не может вкушать пищу, приготовленную ее руками. Он покинул ее, дав составленное на санскрите письмо и повелев показать его людям, знающим религиозный долг. Мучимая раскаянием женщина бродила по базарной улице в той части города, где были расположены дома знатных купцов, моля: «Снимите с меня илод постулка!» И ты, Ковалан, подошел к ней и спросил, какое несчастье обрушилось на нее и что за письмо в ее руках. Жена брахмана рассказала тебе о своем великом горе, протянула тебе пальмовый лист с санскритским стихом, умоляя тебя снять с нее ее жестокий грех. И ты сказал: «Не бойся, я снимаю с тебя твое великое горе! Пусть оставит тебя печаль, угнетающая сердце!» И после того, как возжаждавшая прощения освободилась от терзавшего ее горя, ты, обладающий неувывным богатством и следующий благим путем в согласии со священным писанием брахманов, вывел из джунглей удалившегося

туда мужа прощенной брахманки и принес им в дар большую часть своего богатства.

Мадалан напомнил Ковалану еще один случай, когда один пронаций человек оклеветал перед мужем его исполненную добродетелей жену. Перед ним внезапно вырос дух — бхута, пожирающий приносящих гнусное лжесвидетельство. Когда бхута уже готов был проглотить несчастного, Ковалан увидел убитую горем мать бедняка и, не раздумывая, шагнул навстречу демону со словами: «Возьми мою жизнь, но оставь его в живых!» Но справедливый бхута ответил, что если он погубит жизнь благого человека, то сам потеряет высокое рождение в следующей жизни, и потому он повелевал Ковалану оставить его желание. И когда бхута набросился на свою жертву, Ковалан увел женщину, сердце которой вот-вот могло разорваться от горя.

— О щедросердечный Ковалан, в течение многих лет ты, словно близкий родич, спасал от голода мать того несчастного и всех его близких. Я знаю, что в этом рождении ты совершал поступки благой кармы, но если тем не менее суждено испытать редкие страдания тебе, Ковалан, наделенному мудростью, и твоей прекрасной, как редкий алмаз, супруге, которую можно сравнить лишь с одной Шри — богиней счастья, то это лишь благодаря дурным деяниям в том рождении.

Ковалан признался брахману, что в самую полночь увидел сон; но у него было такое чувство, словно это произошло с ним наяву:

— Мне приснилось, будто из-за темных проделок одного негодяя моя супруга с такими густыми благоухающими локонами оказалась в жестокой беде в этом городе, охраняемом царем. Мою одежду похитили, и я забрался верхом на дикого остророгого буйвола. Затем случилось так, что с моей любимой супругой, украшенной драгоценными браслетами, я обрел освобождение, которого удостоиваются лишь разорвавшие путы привязанностей. Бог Кама был встревожен и грустен, оттого что ему пришлось пускать свои стрелы-цветы на голую землю. Мне снилось, что Мадави отдала нашу дочь Манимехалей тем, кто привержен архату, обрет-

шему просветление под дивным деревом бодхи. Я предчувствую приближение страшных событий.

Исполнившая великий тапас и брахман великих вед при приближении вечера сказали Ковалану:

— Пойди в город, здесь обитель лишь для отшельников. Войди вместе со своей супругой в этот великий город и постарайся еще до захода солнца найти ночлег: богатые купцы, слышанные о твоих достоинствах, радостно встретят тебя.

К Кавунди приблизилась старая женщина из пастушеского племени и простерлась у ног праведницы. Мадари — так звали эту женщину — незадолго перед тем совершила приношение из густого молока лотосовой Якшини в святилище у внешних стен старого города, где обитает множество щедросердечных отшельников. Кавунди подумала, что жизнь этих пастухов полна малейшего зла: они ходят за коровами и своим когом устраивают приношения из молока. Старая Мадари, думала она, непорочна, щедра и богобоязлива, и было бы хорошо оставить Каннахи у нее.

— Послушай, Мадари, — обратилась она, — муж этой добродетельной красавицы отправился в Мадуру, и когда знатные богачи города услышат имя его отца, то встретят его, как самого достойного гостя. Вместе с женой, черные глаза которой так красивы, ему отдадут покой в одном из охраняемых стражей дворцов. Но пока не вернется назад ее супруг, я хотела бы, пастушка, препоручить эту женщину твоим заботам. Дай возможность этой благой женщине совершить омовение в чистой воде. Подведи сурьмой ее большие и быстрые, словно рыбы, глаза, укрась цветами ее мягкие благоухающие волосы. Будь и подругой, и стражем, и матерью этой красавице с редкими браслетами. Позаботься о ней — знойная земля не щадила пежных ног моей юной спутницы. Она изнывала от жажды под жестокими лучами солнца, но, забывая свои страдания, помнила лишь об усталости своего супруга. Поистине, и среди богинь, перенесших суровые страдания, мы не видели божества, подобного этой верной жене, украшенной добродетелью непорочности. Знаешь ли то давнее мудрое слово: «В стране, где женщины славятся своей вер-

ностью, небеса даруют дождь, земля — урожай, и победа никогда не изменит властелину». Когда даешь приют предающимся тапасу, то, сколь бы скромным он ни был, за него даровано великое вознаграждение. Выслушай мой рассказ!

«В городе, что лежит на берегу Кавери, в густой тени пышно цветущей ашоки, на отливающей блеском каменной глыбе, установленной преданными джайнскими мирянами, восседал странствующий аскет, проповедовавший дхарму. Перед ним можно было видеть сошедшего с небес великого небожителя, наделенного прекрасным телом, сверкающим, словно радуга, цветного, обвитого гирляндами цветов и украшенного рубинами; многие небожители, невидимые для земных, поклоняются ему, обладающему чудным обликом. У него на одной руке был черный палец, как у обезьяны. Все правани — джайнские паломники — в благоговении склонялись перед странствующим аскетом и спрашивали, что это за существо здесь рядом с ним, и Высший поведал им о нем: «В свое время жил благочестивой семейной жизнью один знатный купец, этти, по имени Чаялан. В его доме находили пристанище многие джайнские аскеты, принявшие обет воздержания. Однажды его достойная супруга с большим радужным приемом принимала одного основателя великого тапаса. Внезапно в комнату прискакала, дрожа от страха, крохотная обезьянка, жившая в том же селении. Она почтительно склонилась у ног Великого аскета и, терзаемая голодом и жаждой, принялась за остатки еды и воды. Вылизав все, что там было, обезьянка застыла, уставившись в лицо Мудрого, который все это время пребывал в невозмутимом созерцании. Затем он обратился к женщине с просьбой заботиться впредь об этой обезьяне, как о своем ребенке. Жена Чаялана чистосердечно выполнила веление Высокого * и, когда ее любимая обезьянка умерла, принесла щедрые приношения ради искупления дурных деяний умершей. И оттого-то в новом рождении обезьянка появилась как единственный сын царя Уттаратауты в самом Бенаресе, в богатом царстве Мадхьядеша. Мальчику было дано все: дивная красота, богатство, редкий разум; он прославился сво-

ей необыкновенной щедростью. Он умер в тридцать два года и после того получил облик небожителя. Он-то и явился сюда с рукой обезьяны из прошлого рождения, как бы говоря всем джайнам-шравакам: „Мое счастливое состояние — это плод щедрости благочестивой женщины, соблюдавшей завет мудрого аскета. Ведайте же, что благодаря этой женщине я принял этот облик“. — Так появился перед джайнами этот принц среди богов“.

Услышав эти мудрые слова странствующего аскета, многие достигли конечного мпра, вечного блаженства: и преданные учению вед, и люди, исполнившие редкий тапас, и джайны, живущие обычной жизнью, и прославленные своей щедростью Чаялан и его супруга. Теперь же, когда ты услышала мой рассказ, возьми с собою эту непорочную жену, волосы которой украшены цветами, и иди к себе!» — так закончила свой рассказ Кавунди.

Возрадовавшись, Мадари снова припала к ногам Кавунди. Гасли лучи заходящего в море солнца, когда Мадари вела к себе Каннахи, восхитившая ее красотой — дивной юной грудью, изящными руками, подобными изгибающемуся бамбуку, сверкающими белизной зубами. Доносилось мычанье коров, звавших своих телят; по дороге шли пастушки со сверкающими ожерельями, несая на своих плечах ягнят, топорки и ведра, полные молока.

Вместе с Каннахи пастушка Мадари прошла ворота, за которыми начиналась ее деревня и над которыми всегда висел флаг, возвещающий о победе над врагами. Селение со всех сторон защищали ров и глухой лес. Здесь можно было увидеть стрелометную машину в форме изогнутого лука, громадный капкан с черными клешнями, пращи для метания камней, кипящие котлы для устрашения врагов, огромные чаны, где плавилась медь, наполненные камнями корзины, железные крюки, цепи, западни в виде птицы андалей. Повсюду были натканы железные столбы, торчали острые мечи, лежали связки стрел и гвоздей, тиски для сжимания вражеских голов, станки для прокалывания пальцев врагов, пытающихся преодолеть стену, приспособления

для вырывания глаз, покрытые шипами шары, тараны, тяжелые гири, огромные железные балки, лежащие поперек хода, дубины, метательные машины и многие другие страшные снаряды.

Глава XVI

УБИЙСТВО КОВАЛАНА

С радостью привела пастушка Мадари в свою хижищу Ковалана и хрупкую Каннахи. Ограда из терновника отделяла глиняный домик Мадари, укрытый в прохладной тени, от остальных хижин, в которых жили пастушки, занимавшиеся продажей кислого молока. Вместе с другими пастушками, украшенными браслетами, Мадари приготовила Каннахи, благоухающей, словно лотос, свежую воду для омовения. После того как Каннахи освежилась, Мадари с почтительным поклоном сказала ей:

— Вы пришли сюда и своей безыскусной красотой заставили померкнуть искусственную красоту наших женщин, украшенных золотом. Вот моя дочь Айяй, она будет прислуживать вам. Я буду заботиться о вас, словно о самой большой драгоценности. Оставайтесь здесь со мной! Великая отшельница оберегала вас от невзгод пути и повелела сопроводить в это спокойное место. Ваш супруг будет спокоен за вас.

Затем Мадари обратилась к девушкам:

— Ее супруг исполняет трудный обет воздержания правaków, поэтому принесите теперь же нашей гостье лучшие чаши, в которых она вместе с моей дочерью могла бы приготовить достойный завтрак своему мужу.

Девушки-пастушки скоро вернулись, неся изящные чаши, плоды хлебного дерева, которое никогда не цветет, огурцы с извивающимися прожилками, зеленоватые гранаты, манговые плоды и сладкие бананы, отборный рис и молоко от своих коров. Все это они поднесли Каннахи со словами:

— Прими это, о госпожа, украшенная круглыми браслетами!

Пока Каннахи нарезала кривым ножом разные плоды, ее нежные пальцы стали красными от сока, капельки пота выступили на ее чудесном лице и покраснелись живые глаза. Каннахи отвернула свое лицо от почеревшего очага, когда помогавшая ей Айяй разжигала огонь соломой, и стала варить своему возлюбленному супругу завтрак, какой могли приготовить только ее смелые руки.

Искусной женскою рукой для Ковалана приготовили сиденье из пальмовых листьев. Когда он сел, его супруга взяла глиняный кувшин с водой, своими лотоподобными ручками омыла ноги мужу и обрызгала вокруг него землю прохладной водой, словно возвращая ее из оцепенелого состояния. Положив завтрак на расправленный лист молодой банановой пальмы, она обратилась к мужу со словами:

— Вот, мой господин, кушайте!

И после того как были выполнены все обряды, предписываемые ведами для тех, чья варна следует за варной воинов*, они приступили к еде.

Мадари и ее дочь, взврав восхищенными глазами на Ковалана, воскликнули:

— О господин, вкушающий эти дивные яства! Не в твоем ли облике явился сюда сам Сапфицветный*, который вкушал в пастушеском селении еду, приготовленную руками Ясодхи? И не в облике ли твоей красивой супруги, руки которой украшены многочисленными браслетами, явилась сюда та, что служит светочем нашего племени и некогда на берегу реки Ямуны выручила из беды Сапфицветного? Наши глаза не могут насладиться зрелищем такой редкой красоты.

После того как Ковалан поел, Каннахи дала своему обожаемому супругу лучшие листья бетеля и орехи. Ковалан подозвал ее к себе и, приласкав, сказал:

— Могли ли наши родители вообразить, что нежные ножки моей жены способны пройти через опаленный солнцем каменный пустынный край, по безлюдным местам, где путникам угрожают пики свирепых мараваров. Не наваждение ли это? Иль это сильная

карма? Не знаю ничего, но мое сердце стеснено печалью и тревогой. Суждено ли еще спастись такому, как я, что промотал свои молодые годы в кругу глупых кутил и вожделевующих сладострастниц, среди пошлого смеха сквернословящих юнцов? Не я ли предал забвению заветы древних, не я ли глумился над их мудростью? Я ослушался моих родителей. Я был не в силах даже увидеть многие свои пороки. А сколько страданий причинил я тебе, о ставшая мудрой в столь юные годы! Но стоило мне позвать тебя в этот огромный далекий город, и ты без колебания последовала за мной. Какие только жертвы не приносила ты ради меня!

— Мне не дозволялось в отсутствие моего супруга, — сказала Каннахи, — делать приношения приверженцам дхармы, заботиться о брахманах, радушно принимать отшельников, встречать гостей, достойных нашей семьи. Как могла, я пыталась скрыть мою печаль и тяжесть одиночества от вашей высокочтимой матери и мудрого отца, паделенного царским величием. Но они чувствовали мое горе и одаривали меня нежными, ласковыми словами, шедшими из полного сострадания сердца. Когда я заставляла себя улыбаться, их сердца сжимались от горя, словно они чувствовали мою боль и отчаяние, сокрытые глубоко в моем сердце. Вы желали пойти путем, который не восхваляете, но что бы ни случилось, мой супружеский долг неизменен, и потому я оставила наш дом и пошла за вами.

— Ты покинула, — говорил Ковалап, — не только родителей и близких, но и ласковых подруг и милых своих служанок. С собой в тяжелый путь ты взяла лишь скромность, естественную простоту и бесконечную преданность, столь восхваляемую непорочными мудрецами. Отправившись со мной, ты помогла мне забыть мои горести. Ты золото, ты драгоценное ожерелье! Ты словно гирлянда благоухающих цветов! О мое божество, олицетворяющее стыдливость, о светоч обширного мира! Нежный бутон супружеской верности, ты поистине богиня красоты, исполненная смирения! Теперь я должен уйти и возьму с собой один браслет с твоей маленькой ножки. Не предавайся печали, я скоро вернусь к тебе.

Снова и снова обнимал он свою любимую жену, ласковоподобные глаза которой были полны печали, и видя, что Каннахи остается здесь совершенно одна, без единой своей подруги, Ковалап почувствовал, как тоскливо сжалось его сердце. Глаза его застилала слеза, когда он простился с женой и пошел неуверенным шагом из пастушеской хижины. Дорогой навстречу ему шел бык с горбом — то было зловещей приметой, хотя он и не ведал этого, как многие из людей его касты *.

Ковалап миновал засыпанную пылью и пометом мучайку, где собирались танцевать пастушки, прошел улицу, где жили блудницы, и оказался на базарной площади. Так случилось, что прямо по дороге навстречу ему шла большая процессия из ста ювелиров, искусных во всех тонкостях своего мастерства. Во главе их шел важный походкой золотых дел мастер, одетый в хорошее платье, держа в руке пинцет. Ковалап решил, что это не кто иной, как искусный ювелир самого пандитского царя. К нему и обратился Ковалап с просьбой оценить браслет, вполне достойный того, чтобы украсить лодыжку величественной царицы. Мастер с лицом посланца бога смерти, сложив подобострастно руки, сказал:

— Покорный ваш раб, я готов вам служить, хотя и плохо разбираюсь в этих украшениях. Я выделяю драгоценные камни для короны нашего владыки.

Ковалап раскрыл свой сверток, в котором был заключен бесценный браслет, и этот человек, искусный во всем не меньше, чем в своем деле, увидел браслет редчайшей выделки из лучшего золота, с рубином и чистейшими бриллиантами, и исполнился злого умысла.

— Этот ножной браслет не может принадлежать никому, кроме великой владычествующей над нами царицы. Я пойду и доложу об этом браслете нашему могущественному повелителю, а вы подождите меня пока вот здесь, возле моей ветхой хижины.

Ковалап решил подождать под сводами божьего храма, рядом с которым стоял дом этого коварного человека, который, дождавшись, когда Ковалап вошел внутрь храма, устремился во дворец, подстерегаемый низким и дерзким замыслом. Незадолго до того этот не-

годяй похитил у царицы точно такой же браслет, и, поскольку его козни еще не были обнаружены, он решил объявить вором перед самим царем Ковалана, бывшего здесь чужестранцем.

В это время царица сердилась на своего мужа, позревая, что его сердце пленили блудницы-ганики с их возбуждающими танцами, ласкающими слух напевами и чарующей музыкой лютен. При последнем свидании с царем его благородная супруга, скрывая вызванный ревностью гнев, притворно пожаловалась на острую головную боль и отказала царю в любовных ласках. Плавающий от вожделения царь, отпустив своих ближайших советников, устремился в покои царицы, оберегаемые множеством служанок с огромными блуждающими по сторонам глазами, и в это время у самых дверей половины царицы, там, где стояла стража, перед ним простерся ниц ювелир, с превеликим самоуничижением возвеличивая повелителя:

— О великий царь! Вор, похитивший браслет из царского дворца, не подбирает ключей к замкам и не взламывал запоры; он прибег к мантрам, с помощью которых навел чары на стражников и нагнал на них дремоту. Ему удалось скрыться от глаз стражей, оберегающих этот славный и величественный город, но сейчас он находится возле моей убогой лачуги.

Для Ковалана наступило время свершения его кармы, и царь, украшенный гирляндой только что распустившихся маргозовых бутонов, не обременяя себя необходимым расследованием, позвал стражу и повелел:

— Пойдите вы с ним. И если в руках вора обнаружите браслет, похищенный у моей возлюбленной супруги, украшенной ожерельем раскрывшихся цветов, казните его на месте, а браслет принесите сюда!

Ковалан, запутавшийся в тенетах последствий своих дурных деяний, совершенных в прошлом, с нетерпением пошел навстречу показавшемуся со стражей коварному ювелиру, который был доволен в душе тем, что царский приказ принес успех его темным замыслам.

— По повелению царя, войско которого знает лишь одни победы, эти люди явились сюда, чтобы посмотреть браслет, — произнес этот лживых дел мастер и указал

страже на Ковалана, в руках которого был тот редчайшей выделки браслет.

Когда стражники увидели Ковалана, они сказали, что человек с такой благородной внешностью и правдивым взглядом никак не может быть тем, кого им велено убить. Темных дел мастер, жаждущий крови, начал намахаться над стражниками и, снова указав на браслет, разразился бранью:

— Глупцы, да известно ли вам, что у презренных людей, зарабатывающих себе на жизнь кражей, есть восемь верных помощников: мантры, помогающие им обожества, верные приметы, дурманные снадобья, ловкость рук, нужное место, благоприятный момент и надежные отмычки. И если его одуряющее снадобье уже действовало на вас, то это значит, что вы уже навлекли на себя жестокий гнев нашего величественного царя. И если воры изрекут свои мантры, сможем ли мы их увидеть или они станут невидимыми для нашего взора подобно сыну Индры? Коль им удастся вызвать благоприятное им божество, они смогут ускользнуть из-под нашего носа, даже с краденным в руках. А если их злые одурманит нас, так мы застынем на месте, хотя бы и было видно, в какую сторону они от нас бегут. Когда они узнают нужную примету, то какой бы недосужимой и бесценной ни была вещь, она сама плывет им в руки. И ловкость их такова, что они могут похитить жемчужное ожерелье с груди самого Индры. А уж если нашли они надежное место, куда спрятаться с награбленным добром, то кто их сможет там заметить? Коль скоро они улучили благоприятный для себя момент и приложили руку к добру, то сами Вышние боги не смогут им помешать в их наглом замысле. И уж если отбавились они на кражу с помощью своих отмычек, никто во всем этом бескрайнем мире не сможет их обнаружить. День или ночь — для вора все равно. Изучите трактаты о воровском искусстве: от воров нигде нельзя укрыться. Ловкий вор может одеться посланником и пробыть целый день в царском дворце, а с наступлением ночи переодеться женщиной, неосвещенными комнатами спокойно пробраться в царскую опочивальню и с быстротой молнии схватить сверкающее и уни-

занное алмазами ожерелье спящего принца. Пусть даже принц, почувствовав исчезновение ожерелья, схватит меч и попытается сразить вора; тот ножнами отобьет удар за ударом. И если принц захочет помериться с ним силами, хитрый вор с помощью чар заставит его бороться с колонной, украшенной драгоценными камнями, а сам исчезнет. Вот он — именно такой неуловимый вор, и в мире нет ему равного. И если кто-нибудь сказал, что видел такого вора, покажите мне увидевшего.

Когда черных дел мастер произнес свои ужасные слова, один из стражников, юнец с длинным копьём, сказал:

— Я вспомнил, как однажды в дождливую глухую ночь, когда весь город спал, он, словно хищный тигр, пробрался во дворец, чтобы похитить драгоценности. Завернутый в синий плащ, он держал наготове короткий меч. Я выхватил из ножен свой, но он вырвал его из моих рук и исчез, а как и куда, я даже не видел. Он знает тайны колдовства. Отважные воины, скажите, должны ли мы выполнить свой долг, дабы на наши головы не обрушился справедливый гнев царя?

И тут другой солдат, захмелевший невежда, обнажил сверкающий меч и вонзил его в грудь Ковалана так, что острие прошло насквозь. Грянул оземь Ковалан, и кровь его смертельной раны обогрела все кругом: вздрогнула от страшного горя богиня-земля, погнулся дотоле справедливый скипетр пандийского царя, — и, созрев, упал кармический плод прошлых деяний Ковалана.

* * *

Плод прошлых деяний, благих и дурных, созрел. Неотвратима была гибель Ковалана, но справедливый до той поры скипетр царя погнулся, оттого что он полюбил возлюбленного супруга Каннахи. Совершайте благие деяния!

Глава XVII

ТАНЦЫ ПАСТУШЕК

— Вот уже слышится утренний бой барабанов во дворце царя Панды. Под его серебристым зонтом, украшенным гирляндами, наслаждается миром обширная земля. На гималайских склонах вырезал он знак своего могущества — рыбу*, и его повелениям внимают и властитель Чолы, высекший изображение тигра* на склонах в Гималаях, и властелин Черы, вырезавший на тех же склонах лук*, и многие другие царя, живущие в прохладных и дивных садах обширной вселенной. Сегодня мы будем сбивать масло, — сказала Мадари, взяв веревочку с мутовкой и позвав с собой дочь Айяй.

Подойдя к коровам, Айяй похолодела:

— Молоко в моих крынках не густеет. Из красивых глаз буйвола с большим горбом потоком льются слезы. Что-то надвигается! Ароматное белое масло в горшке застыло. Притаились ягнята, присмирели. Что-то надвигается! Дрожат и жалобно мычат коровы с четырьмя сосками, попадали на землю колокольчики с их шей. Что-то надвигается! Все эти приметы предвещают жуткое несчастье: и не густеющее в крынках молоко, и потоки слез из красивых глаз горбатого буйвола, и загустевшее, не тающее белое масло в горшках, и то, что присмирели ягнята, и падение на землю тяжелых колокольчиков.

Мадари сказала своей встревоженной дочери:

— Не тревожься! Нужно, чтобы Каннахи, украшение всех женщин, посмотрела танцы пастухов: пусть на пастушеской лужайке наши девушки станцуют танец любви, который некогда исполнил сам Майяван вместе с Баларамой и его младшей сестрой Пиньей*, глаза которой подобны двум длинным копьям. Мы спляшем танец куравей, тогда у коров и телят исчезнет дрожь.

Когда все собрались на площадке, Мадари, указывая попеременно на каждую из девушек, запела:

— Эта красивая пастушка с гирляндой медоточивых цветов страстно полюбит того смельчака, который без

боязни оседлает разъяренного черного быка! Удалец, что обуздает быка с красными пятнами на лбу, приведет в любовный восторг эту красавицу, украшенную золотыми браслетами. Герою, оседлавшему молодого и неукротимого быка, подарит свою любовь эта красавица, чьи пышные волосы украшает цветок жасмина! Того отважного, кто обуздает белого быка с едва заметным нитнышком, заключит в свои объятия эта редкая красавица, что подобна тонкой лиане! Нежные груди этой красавицы с гибким, как лианы, станом вознаградят того, кто укротит белого быка с золотыми пятнами! Эта красавица с дивными локонами, украшенными цветком кондрея, будет принадлежать юноше, усмирившему молодого необузданного быка. Кто обуздает этого белого-пребелого быка, тот познает ласки этой нежной красавицы, подобной только что раскрывшемуся бутону.

Когда же были избраны семь юных и стройных красавиц, вырастивших семь могучих быков, среди которых была и ее дочь Айяй, Мадари поставила их всех в ряд и каждой дала имя одной из нот вины: До, Ре, Ми, Фа, Соль, Ля, Си. Девушка До должна была играть Майявана; Соль — Айявана. Си, ее дочь Айяй, стала пастушкой Пиньяй. Си Пиньяй она поставила рядом с До — Майяваном, Фа и Ля рядом с Белоглавым. Ми встала слева от Пиньяй, а справа от нее стояла Ля.

Пиньяй подбежала к Майявану, украсила его гирляндой цветов тулси, в которой жужжали пчелы, и начала свой безупречно красивый танец куравей. Тот же, кто некогда в три шага измерил вселенную, забыл о Шри, уснувшей на его груди, и впился глазами в Пиньяй. Мадари громко смеялась, говоря:

— Ах, как хороша наша пастушка Пиньяй, дивные руки которой украшены тонкими браслетами.

Затем они встали в круг, сложив свои пальцы жестом краба. Затем девушка До, взглянув на Ми, сказала: «Давайте споем в честь Сломавшего лимонное дерево* посреди огромного пастбища».

До начала с низкой ноты, Соль — со средней, а Ре — с более высокой. Затем Ля взяла свою ноту и присоединилась к стоявшей рядом Си:

— О подруга, если Майяван, что размахивал теленком, словно пращей, и срывал плоды в саду, явится сюда, мы услышим его дивную флейту из кондрея.

— О подруга, пусть придет к нашему стаду Майяван, который змеей, словно веревкой, пахтал океан*, мы услышим его волшебную флейту из водяной кувшинки.

— О подруга, если среди бела дня к нашему стаду подойдет Майяван, который сломал лимонное дерево посреди бескрайнего пастбища, мы услышим его волшебную флейту из жасмина.

— А теперь воспоем нежную прелесть Пиньяй, которая танцевала на берегу реки со своим властелином!

— Воспоем ли мы чудный облик Спрятавшего одежду пастушек*, чьи талии столь тонки и хрупки, что вот-вот переломятся? Воспоем ли прелестное лицо юной пастушки, трепещущей от стыда перед Спрятавшим ее одежду?

— Воспоем ли мы прелести юной пастушки, резвящейся в водах Ямуны и очаровавшей сердце Обольстителя, спрятавшего ее одежду? Воспоем ли красоту Обольстителя, прельстившегося красотой очаровавшей его сердце юной пастушки?

— Как нам воспеть прелесть юной пастушки, потешившей свою одежду с браслетами и от стыда закрывшей свое лицо руками? О, как нам воспеть красоту и стройность Трепещущего от страсти при виде пастушки, от стыда закрывшей лицо руками?

Справа от прелестной пастушки Пиньяй, чьи локоны украшены цветком, стоит Бог цвета моря*, прячущий в руках солнечный диск. Слева от нее — его старший брат с белым, как луна, телом. Пение пастушки сопровождают своей игрой музыканты; среди них и постигший древние веды Нарада, указывающий ритм перлой струной своей лютни.

Опустив вниз свою прелестную головку, Пиньяй стоит рядом с Майяваном, чье тело сверкает, как шея лавина. А слева от нее стоит его старший брат, с телом белым, как лепестки только что распустившейся лилии. Пение Пиньяй сопровождают музыканты, среди кото-

рых прославленный Нарада отбивает ритм на первой струне своей лютни.

Как чуден танец пастухов на лугу, покрытом нежной пылью. Танцует Майяван со своим старшим братом и прелестной Пиньяй, чьи руки украшены тонкими браслетами. Прославляя Ясодху, танцуют юные пастухи, в такт звенящим браслетам рассыпаются и падают им на плечи цветы, украшающие локоны. И Мадард воскликнула:

— Восславим, восславим мы все бога, восседающего на птице *. Споем во славу его песню переодевания.

На груди властелина Панды сияет жемчужное ожерелье, усыпанное сандалом с горы Поди, и ожерелье, подаренное царем богов. Говорят, что этот дар царя богов украшал некогда грудь Пасшего стада на тучном пастбище и сломавшего лимонное дерево.

В окруженном стеною Пукаре правит могущественный царь Валаван: он простер свои владения до Гималаев, на позолоченных вершинах которых им выдолблен свирепый тигр. Говорят, что могущественный царь Валаван, живущий в окруженном стеною Пукаре, и есть Тот, кто вместо оружия держит в руках золотой солнечный диск *.

В блистательном Ванджи правит царственный повелитель Черы, который пересек океанские волны и разрубил нестарющееся дерево кадамбу. Говорят, что правящий в блистательном Ванджи царственный повелитель Черы — не кто иной как Тот, кто погрузил в воды свои огромные словно горы плечи, когда пахтал океан *.

О бог с телом цвета морской воды! Ты вспахал некогда недра океана: мутовкой служила тебе гора Мандара, а вместо веревки ты обмотал ее змеем Васухи. Но пока ты взбивал океан, твои руки были Ясодхой привязаны к веревке от мутовки. Не наваждение ли это? Тайнственны деяния Бога, из пупка которого растет прекрасный лотос *.

Тебе возносят похвалы сонм бессмертных, считая тебя обладателем неизмеримых сокровищ, ты поглотил весь мир, хотя и не чувствовал голода. Неужели твой рот, поглотивший мир, — тот же самый рот, что тайком

вылизал масло из чашки? Не наваждение ли это? Тайнственны твои деяния, о украшенный жужжащей пчелами гирляндой цветов тулси.

Собравшись, бессмертные славят тебя, о ты, кто твоими лотосоподобными ногами в три шага покрыл три мира и прогнал тьму. Неужели эти же ноги служили пестнику пяти пандавов *? О ты, могучий лев, о ты, превративший в прах своих врагов. Не наваждение ли это? Тайнственны твои деяния!

Своими невообразимыми шагами он сразу покрыл три мира * — и у него же были докрасна патружены нежные ноги, когда он с младшим братом отправился в джунгли. Что пользы от ушей, если они не внимают словам о славе отважного воина, повергнувшего крепость суры и сокрушившего бастионы древней Лапки? Что пользы от ушей, которые не внимают гимнам во славу Ирумалай?

Какой прок от глаз, которые не видят Великого Майявана, Небожителя, в цветущем лотосе на пупке которого помещен весь необозримый мир, которые не видят его очей, священных стоп, благих рук, священных уст, не видят прекрасного Черного *? Какой прок от глаз, которые и будучи открыты, не видят его?

Что пользы в языке, который не возносит хвалу разрывшему коварные козни низкосердного Кансы, отправившемуся посланцем пяти пандавов к ста кауравам, сопровождаемую чтением веды, всеми чтимому? Что проку от языка, который не произносит имени Нараяны, этого прибежища всех!

Пусть божество, которое мы восхваляем в танце куравей, отвратит напасти от наших стад. Пусть громко бьют барабаны в честь пандийского царя, каждый день сокрушающего врагов; пусть враждующие правители устрашатся барабанных звуков царя Панды, чьи плечи украшены ожерельями и который поверг во прах войско могучего Небожителя с его молниемечущей ваджрой *.

Глава XVIII

ВЕНЕЦ СКОРБИ

Кончился куравей. Старшая из пастушек вместе с прелестной Айяй и другими пастушками пошла к глубоководной реке Вайхей, чтобы совершить омовение; затем они простерлись пред стопами Высокого Маля*, возложив цветы, курения, благовония, сандал и гирлянды цветов. И вот в это время прибежала девушка, услышавшая городские слухи.

Она остановилась около Каннахи, но молчала, молчала. Тогда Каннахи сама крикнула ей:

— Подруга! Почему ты молчишь? Почему ты молчишь? Я не вижу возлюбленного, он не идет — я не вижу его. От тяжелого предчувствия мое сердце сжимается в тисках страданий. Мое сердце сжимается. Боль не выходит наружу, она становится все сильнее, словно пламя раздувается от мехов раскаленного горна. Скажи мне, подруга, о чем там говорили люди, если страдания довели мое сердце до накала, словно меха пылающий горн! Живи долго, подруга!

— Весь день я дрожу в тяжелом предчувствии, и мои страдания все растут. О, как от боли рвется мое сердце, я не вижу любимого мужа! Скажи мне, о чем говорили люди, если сердце мое в таком отчаянии. Я не вижу моего любимого мужа! Живи долго, подруга!

— Подруга! Я не вижу здесь повелителя — это коварство! В помутнении мое сердце! — Это коварство! В помутнении мое сердце, о чем же тогда эти чужие люди могли там говорить, о подруга!

— Вот что говорили в городе: Там говорили, что из царского дворца незаметно похитили звенящий драгоценный ножной браслет царицы, и подозрение пало на твоего супруга. Там говорили, что городские стражники называли твоего супруга вором и его убили. Назвали его вором и убили.

Вот что услышала Каннахи.

В исступлении возопила Каннахи. Взметнувшись вверх она и грянула оземь. Струящий свои серебристые лучи месяц, закутавшись в облака, покатился на дале-

кую землю. Горестно зарыдала она, и кровью налились ее прекрасные глаза.

— О мой бесценный супруг! — прорыдала она и лилась чувств. Снова пришла она в себя и снова разразилась слезами:

— О мой супруг, о мои дорогие очи! По вине папийского царя, поверившего лживым речам, лишилась я моего любимого мужа. Как мне пережить мое вдовство, мое неописуемое горе? Должна ли я теперь умереть, как те женщины, что решились разделить несчастье своих умерших мужей, сжигая себя на их погребальном костре?

По страшной вине царя, чей скипетр погнулся от несправедливости, на меня обрушилась скала несчастий, я потеряла прекрасного супруга, на груди которого благоухала гирлянда. О ты, чуждое ведения божество дхармы*, должна ли я умереть теперь, как те изнывавшие в горе жены, которые топят горе в водах залива?

Жестоко ошибся южный царь, и жезл его погнулся в несправедливости. Что же теперь я должна буду делать в этом рождении? Горе повергло меня, рыдающую. Должна ли я теперь погибнуть, как те жены, что, потеряв своих возлюбленных супругов, сжигают свою острую боль вдовства на погребальном костре или топят ее в водах залива?

Слушайте же меня, о все вы, девушки-пастушки, что здесь исполнили тапек любви куравей, внемлите моим словам, прекрасные пастушки! О бог-солнце, обильный жаркими лучами! Ты знаешь все, что совершается в этом мире, огражденном грозными волнами! Скажи, вор ли супруг мой?

И услышали могучий голос:

— Нет, он не вор, о красавица с большими, словно черные карпы, глазами! Этот город будет поглощен огнем!

Глава XIX

ВОЛНЕНИЕ В ГОРОДЕ

Услышав эти слова пылающего бога солнца, Каннахи, руки которой всегда украшали сверкающие кольца, сняла браслет с другой ноги. Держа браслет в руке, она шла по городу и рыдала:

— Смотрите, непорочные жены, живущие в городе, где правит несправедливый царь! Вот еще такой же браслет! Сегодня на меня обрушилось непереносимое горе! Суждено ли мне перенести это нестерпимое несчастье? Вот еще один такой же браслет; мой возлюбленный супруг не вор, он пришел в этот город, чтобы продать браслет, и его убили. О непорочные женщины, любящие своих мужей, увижу ли я еще своего бесценного супруга? Вот другой браслет! Но если я и увижу его, суждено ли мне услышать из его уст, что он повинен? И коль скоро моему супругу суждено было умереть, не сказав мне на прощание, что он невиновен, люди будут укорять меня и говорить, что мне воздано по заслугам.

Все, кто видел эту рыдающую и несчастную женщину, обезумевшую от горя, плакали, сокрушенные свершившейся несправедливостью:

— Если на такую женщину обрушилось такое непоправимое бедствие, то, значит, покривился жезл справедливости, который всегда был прямым до сих пор. Что это?

— Погибло могущество властелина Панды, царя из царей, славившегося своим луноподобным зонтом и приносившим победу мечом. Что же это такое?

— Зонт царя, наделенного величием и своим отважным мечом охранявшего землю, вместо прохлады породил сжигающее пекло! Как могло это произойти?

— В наш город явилось разгневанное великое божество, поднявшее в руке золотой браслет. Оно явилось, чтобы погубить нас. Боже, что это?

— Поток льются слезы из глаз этой женщины, потемневших от сурьмы. Эта в отчаянии рыдающая

женщина ведет себя словно одержимая божеством! Что будет с нами?

За нею шла толпа; люди причитали, плакали, сокрушались и укоряли в несправедливой жестокости царя. Напуганные и встревоженные люди показали ей место, где лежал пронзенный мечом ее супруг, и украшенная золотыми браслетами Каннахи припала к телу мужа. Ковалан лежал бездыханный.

Красное лучистое светило скрылось за высокими вершинами, внезапно свет померк и бескрайняя земля оказалась во тьме. Слово лиана, обвила своего мужа Каннахи, неходя в горестных слезах. В этот жуткий вечер весь город вторил ее рыданиям и стоном.

Еще этим утром она украшала цветами его пышные черные волосы, и один цветок из его гирлянды она взяла и вплела в свои локоны; еще этим утром она ласкала своего любимого мужа, а теперь, вечером, она видит его, залитого кровью, струящейся из пронзенной груди. Его убили жестоко, и она не была с ним рядом!

— И вы не упрекаете меня, что я не разделала ваших страданий, и не можете меня утешить в моем горе? О, ваше тело благоухает, для меня оно дороже любого золота. И разве не могут люди бросить упрек мне, не дававшей угрожавшей вам гибели, что мои деяния в прошлом рождении послужили причиной вашей смерти? Справедливо ли, что в этот жуткий вечер передо мной, оставшейся одинокой в целом мире, вы прильнули к голой земле грудью, украшенной гирляндой распустившихся цветов? Видя это ужасное деяние царя Панды, породившее великий гнев мира, разве не скажут люди, что это произошло из-за моих деяний в прошлом рождении? Разве заслужили вы вот так лежать в крови, струящейся из глубокой раны, передо мной, совершившей жестокие поступки в прошлом рождении и теперь проливающей горестный поток слез? Разве не станут люди говорить, осуждая жестокость властелина, что она вызвана моими прегрешениями в прошлом рождении? Есть ли жены в этом городе? Неужели можно найти таких жен, которые стерпели бы злые козни, обрушившиеся на их мужей? Разве есть такие жены? Есть ли в этом городе достойные люди?

Неужели есть достойные люди, которые не взращивали бы, не пестовали бы своих детей? Разве могут быть такие достойные люди? Неужели есть в этом городе божество? Разве может быть божество в городе, где царь с острым мечом сходит со стези добра? Неужели есть в этом городе божество? Неужели есть божество?

Произнося эти слова, Каннахи с рыданиями обнимала своего мужа, груди которого никогда ранее не касалась беда. И вдруг Ковалан приподнялся, вытер своей рукой слезы, струившиеся из ее глаз, и промолвил:

— О, как иссохло твое лицо, от которого всегда исходило сияние полной луны!

Снова зарыдала Каннахи и упала на землю; руками, увешанными пзящными браслетами, гладила она благословенные ноги мужа. И вот на ее глазах муж покинул свое брненное тело и поднялся ввысь, воскликнув:

— О украшенная глазами, подобными дивным лотосам! Прощай!

С этими словами он скрылся в небесах, присоединившись к сонму бессмертных.

Изумленная Каннахи молвила:

— Не наваждение ли майи это? Что еще может означать это? Неужели божеству угодно навести на меня помутнение? Куда мне теперь идти и где мне искать мужа? Или все это лишено смысла? Нет, пусть мой кипящий гнев найдет выход! Лишь после этого я найду и обиму моего возлюбленного супруга. Я пойду к несправедному царю, я взыщу с него за несправедливость.

И тут вспомнила она тот страшный сон; пелена слез застила ее большие глаза, но, ощутив прилив решимости, она вытерла слезы, поднялась и направилась к царскому дворцу.

Глава XX

ПРАВЕДНОЕ СЛОВО

Когда Каннахи приближалась к дворцовым воротам, царица рассказывала своей любимице свой сон:

— О ужас! Я слышала звон большого дворцового колокола в то время, как свалился на землю зонт вла-

стелина и треснул скипетр царя. О ужас, я почувствовала, как зашаталась земля со всех восьми сторон; и увидела, как тьма поглотила свет. О ужас, моим глазам предстала ночь со сверкающей во тьме радугой; я видела, как на землю в жаркий полдень низрипнулись раскаленные огненные звезды. Треснул справедливый скипетр и вместе с серебряным зонтом упал на жесткую землю; звонит у ворот колокол, что возвещает всегда победу нашего властелина, и сердце наполняется дрожью; радуга сверкает в глубине ночи, посреди дня падают звезды, шатается земля с восьми сторон. Все эти предзнаменования возвещают надвигающееся несчастье. Пойдем и расскажем об этом царю.

Царица направилась в покои царя, сопровождаемая вереницей слуганок, которые несли вслед за нею зеркало и драгоценности, новые наряды и шелковое платье. Несли листья бетеля, румяна и благовонные притирания, мускус и сандал, гирлянды, благовония и опахало. Горбуны и карлицы, немые и юные шуты неотступно следовали за ней, и женщины с благоухающими локонами, тронутыми сединой, возглашали осанну:

— Пусть блаженствует в долголетьи великая царица властелина Панды, окруженной морями.

Вместе с другими возглашали долгие лета царице ее подруги и стражники. Пандийский царь, на груди которого всегда воздежала Шри, отдыхал на своем львином ложе, когда царица вошла в его покои, чтобы поведать ему свой страшный сон.

В это время у ворот раздался голос Каннахи:

— Стражник! Слушай мои слова, стражник! Ты, охраняющий дворец того, кто презрел царский долг справедливости, чей ум лишен мудрости, а сердце — доброты! Извести царя, что перед ним желает предстать потерявшая супруга женщина, которая держит в руке драгоценный браслет, отделенный от другого.

Стражник вошел к царю и возгласил:

— Живи, царь нашего Коркея! Живи, владыка горы Поди! Живи, Властитель южной страны! Живи ты, которого, как пандавов, никогда не касался порок! Пред тобою желает предстать женщина. Это не Котравей, что, подняв сильной рукой копьё, сидит на шее буйво-

ла, из свежих ран которого неудержимо льется кровь. Это и не Анангу, для которой Высший Бог соблаговолил исполнить танец*. Нет, она и не Кали, что живет в глухих джунглях, где бродят женские духи. Она не женщина, произившая могучую грудь Тарукк. Но, кажется, она одержима лютым гневом и из сердца ее исходит огненное пламя ненависти. Тебя, царь, желает увидеть женщина, потерявшая своего мужа. В руках ее ножной браслет редкой выделки.

Царь велел стражнику привести ее к нему. Каннахи прошла в ворота, и, когда она приблизилась к трону, царь воскликнул:

— О ты, подобная юной лиане! Отчего глаза твои наполнены слезами? Кто ты? Что привело тебя сюда?

И Каннахи вскричала:

— Ты, царь, карающий без должного расследования! Выслушай меня. Я родилась в величественном Пучаре. В том городе, где царь пожертвовал собой, чтобы спасти попавшего в беду голубя, чем вызвал восхищение горных обладателей немигающих век. В этом же городе другой царь умертвил своего единственного сына, переехав его колесницей, когда сам собой зазвонил дворцовый колокол и глаза перепуганных коров налились слезами. В этом городе родился Ковалан в семье знатного и досточтимого торговца Масаттувана. О властелин со звенящим кольцом воина! Карма подстерегала его здесь, в твоём городе, куда он пришел, чтобы продать мой ножной браслет. Ковалан был убит по твоему приказу. Я его жена, мое имя — Каннахи.

— О божественная женщина! Предать смерти врага не есть несправедливость. Это — долг царя, держащего в руках сверкающий меч.

— Владыка Коркея, ты сошел с праведной стези! Это был мой браслет, и внутри него был скрыт алмаз.

— О сладкоречивая жена! Справедливые слова изрекла ты. Внутри нашего браслета была заключена жемчужина. Пусть принесут браслет! — приказал царь.

Когда принесли браслет, Каннахи разбила его перед глазами самого царя, и тот увидел, что внутри был заключен алмаз. И тотчас увидел он, как упал на землю его царский зонт, как треснул царский скипетр.

— О, какой я царь! Я поверил лживым речам ювётира! Я сам вор. Из-за меня сошел со стези дхармы мой царский род, оберегавший справедливость южной страны. Да пусть сгинет моя жизнь! — в отчаянии воскликнул царь и пал за смертью. В предсмертном отчаянии затрепетала великая царица.

— Ничто на свете не может вознаградить женщин, потерявших своих мужей, — промолвила царица и, благоговейно припав к ногам уже бесчувственного супруга, лишилась чувств. И Каннахи изрекла:

— Разве не сбылось древнее изречение многих мудрецов, что бог дхармы явится в облике бога смерти к совершившим несправедливые поступки? О супруга победоносного царя, совершившего дурное деяние! Взирай, какое жестокое деяние совершу я!

* * *

О, грешный я! Перед моими глазами предстала наводящая страх Каннахи: ее лotosоподобные глаза были наполнены слезами, в руках она держала ножное кольцо; ее черные всклокоченные волосы напоминали джунгли, и жизнь словно бы оставила ее тело. Когда это страшное зрелище увидел властелин Мадур, сердце его пронзил ужас и он расстался с жизнью.

Обезумела от горя Каннахи, спутались ее черные волосы, все тело было запачкано землей, глаза застилали слезы. Лишь только властелин страны, где течет Вайхей, увидел ее с ножным браслетом в руках, как им овладел страх. В глазах его стояла ее страшная фигура, в ушах его гремели слова разгневанной женщины, и царь лишился жизни.

Глава XXI

МНЕНИЕ

И, обратившись к царице Пандь, Каннахи воскликнула:

— О супруга могущественного царя! Я служу осуществлению твоей жестокой кармы, хоть я по своей

природе не желаю приносить страданий. Смотри: дурное деяние, которое совершаешь ты утром, возвращается к тебе в тот же вечер. Слушай. Однажды в полдень женщина с пышными локонами повелела, чтобы была зажжена печь * и чтобы огонь пылал в меру ее супружеской преданности. Подруги этой женщины, с широкими и высокими бедрами, сказали ей, что фигура из песка на берегу реки Кавери будет ее мужем. Волны подкатывались совсем близко и, не коснувшись статуи, бежали назад, а женщина навсегда осталась возле песчаной фигуры. После того как океан поглотил ее супруга Ванджиккона, дочь исполненного славы царя Карикалана * бросилась в волны со словами: «О мой возлюбленный, чьи плечи могучи, словно горы!» Океан вынес ей мужа, и она обвила его, словно красивая золотая лиана.

Одна верная жена превратилась в каменное изваяние и в таком виде оставалась в цветущей роще на песчаном берегу моря. Она непрестанно глядела вдаль на появлявшиеся суда и, дождавшись возвращения своего возлюбленного мужа, обрела свой прежний облик.

У некоего мужа было две жены: когда у одной из них упал в колодец ребенок, то другая, глаза которой метали острые, словно пикн, взгляды, бросила в колодец своего ребенка, после чего оба дитяти были спасены.

Другая благочестивая жена однажды во время долгой разлуки с мужем поймала на себе исполненный вожделения взгляд незнакомца. «Пусть мое луноподобное лицо превратится в обезьянью морду!» — тотчас же воскликнула она. Ее желание исполнилось. Когда же из далекой поездки вернулся супруг, вновь обрела свой дивный лик его добродетельная жена, чьи чресла даруют наслаждение.

Однажды юная красавица услышала, как мать говорила отцу: «Вопистину, мудры слова святых, постигших редкие тайны и говоривших, что женский ум — это глухость. Не ведая того, еще в детстве, я, лишенная разума, сказала своей маленькой служанке, с которой играла на прибрежном песке, что если у меня родится дочь, а у нее сын, то пусть он станет мужем моей дочери. Она хранила эти слова в своей памяти и теперь напоминает

мне о них. Боль от неразумности моих слов пронзает мне, несчастной, сердце!» Услышав это, похожая на золотую статую цветущая юная красавица, надев новое сари и убрав свои волосы, приблизилась к сыну служанки, пала перед ним ниц и поставила его ногу себе на голову*.

Знай же, что я родилась в том же городе, где родились женщины с локонами, привлекавшими пчел, — об этих верных женах я говорила тебе. Если правда все, что я рассказала тебе, если я поистине верная жена, то узнай мое желание: вместе с царем я погублю саму Мадuru, и ты сама убедишься в правоте моих слов. Затем она покинула дворец и закричала на весь город:

— Слушайте меня, добродетельные женщины и ветреные блудницы четырехглавой Мадуры! Слушайте вы, юги неба, и вы, совершившие великий тапас! Я, негрешная жена, воспылила гневом к вашему городу: здесь убили моего возлюбленного неповинного мужа.

Каннахи вырвала свою левую грудь и трижды била Мадuru, повторяя свои проклятия. На одной из лагоухавших улиц она в ярости швырнула свою упругую грудь, которая, крутясь, покатилась по земле.

И тотчас же пред нею возник небожитель. Он появился в облике брахмана с белыми, как молоко, зубами, красными полыхающими на ветру длинными волосами. Тело его было голубого цвета, и весь он был окружен языками пламени.

— О великая патни! — воскликнул он. — С того мира как этот город сделал тебя столь несчастной, я готов повергнуть его в пучину огня. Но, прежде чем свершить это, я жду твоего повеления: кого пощадить в этом городе?

— Пусть останутся невредимы брахманы и все, презренные дхарме, коровы и непорочные жены, старики и дети! Но да обратится твой гнев против всех нечестивых и погрязших во зле! — Так повелела разгневанная Каннахи, и столица пандийского царя, обладавшая стремительными колесницами, Мадура, в мгновение оказалась объята огнем и дымом.

В то время как свирепое пламя поглотило и пандийского царя, и его дворец, и танцовщиц, и войско со сверкающими луками, и могучих слонов, боги и божества многогрешной Мадурь благополучно ее покинули, ибо они обладали величием непорочности.

Глава XXII

ГОРОД ОБЪЯТ ОГНЕМ

По велению Каннахи отверзся огнедышащий зев божества, и пламя охватило город со всех сторон. Оставили город, закрыв все его ворота, божества-хранители. Отдал свою жизнь царь кшатриев, победоносный Сешиян, после того как из-за несправедливого деяния погнулся его скипетр власти; так он показал священной Женишне-Земле, что его жезл вновь обрел справедливость. Вокруг трона столпились и недвижно застыли дворцовый брахман, великий астролог, брахманы, советники, министры, писцы, придворные, знатные дамы с тонкими браслетами. И никто не мог поверить, что замертво пали возле трона великий властелин и его царственная супруга с незапятнанной добродетелью. А в это самое время, завидев извергающийся пламя лик огня, бросились вон из дворца погонщики слонов, всадники, возникшие стремительных колесниц, маравары с острыми мечами. Всех их объял ужас при виде огромного пламени над воротами дворца, и они, как могли, пытались загасить огонь.

Уже собирались покинуть пылающий город четыре бхуты — покровители четырех частей города, где жили люди четырех варн.

Первый бхута, словно главенствующий бог, обладавший излучавшим бледно-зеленый свет жемчуга телом цвета луны. На шее у него сверкало ожерелье из алмазов. Голова его была украшена белыми лотосами, священной травой и изображением Нанди. На него было напы-

нуто раздувающееся на ветру тонкое шелковое одеяние, которое еще не высохло после омовения; грудь его была умащена сандаловой пастой, смешанной с ароматными духами и благоуханными пачулями. Он привкусить вдыхать терпкий запах дыма от сжигаемого во время приношений меда, молока и сахара. До полудня он пребывал на ступеньках священного водоема, в храме богов и в храмах, где покоятся веды. После полудня он возвращался домой под раскрытым зонтом, опираясь на посох. Он нес сосуд со священной водой, пучок священной травы дарбха и хворост для разжигания огня. И на устах, и в груди у него были изречения из священных книг. При нем всегда были предметы, необходимые для совершения жертвоприношения, установленного Зачинателем Вед*. Он жил, не отклоняясь от порядка жизни, заветов древних мудрецами.

Покинул город и бхута кшатриев — бог редкого могущества, обладающий телом цвета раскаленного солнца. На голове он нес изумительной красоты корону: его одежды были украшены редчайшими драгоценными камнями; его шея была увита цветами чампаки, карупулей, алой лианы и свежей душистой кувшинки. На пальцах сверкали кольца, грудь закрывали цветы кунжума, распускаящиеся на солнце. На бедра была надетая шелковая повязка. Ему приносили множество пряных яств, и среди них на золотом блюде — рис шали причудливыми полосами. Он был повелителем земли, омываемой глубоким морем, и его тело сверкало подобно алому кораллу. Над головой у него был раскрыт себистый зонт, с собой он носил барабан, веер из хвостовья, широкий флаг, шест для погонки слонов, острое копье и длинную веревку. Он побеждал властителей, раздавленных своими победами. Завоевав обширные земли, он всюду карал жестокие деяния; справедливый скипетр его в бесчисленных победах и свершениях никогда не гнулся; его редкая добродетель была под стать лишь достохвальному Высокому.

Покинул город и бхута, что был словно Бесконечный великий бог. Покровитель вайшьев, он был обладателем тела цвета чистого золота. Кроме короны, он

был украшен всеми атрибутами Властелина-копыеносца. Держа в руках плуг и весы, он покровительствовал сословию купцов в этом обширном мире. Его вызывающая восхищение одежда — цвета чистого золота. На его бедрах гирлянда ветви и душистого пандана, пьянящей водяной лилии, медоносного цветка и белого лотоса. Его грудь напоминает молнию; она умощена сандаловой пастой с золотым отливом. Он принимал и сам раздавал кушанья, приготовленные из бобов и чечевицы. Покровитель вайшьев обходил житницы с рисом, поля, которые порою застилают тучи птиц, базарные площади и тепистые речные заводи, возле которых до полудня он с радостью вкушал свой обед, черпая воду пригоршней. Вместе с весами и плугом он носил с собой яркую лампу и вино. Многие угощали его, и многих принимал он сам как гостей. Он доставал нужное любому желавшему купить редкие товары, будь они с высоких гор или далеких морей. Когда же он превращался в землепашца, ведущего непорочную жизнь с помощью плуга, он припирал облик Высшего Бога, в волосах которого сияет молодой месяц.

Вслед за ними появился бхута — глава шудр, принимавший жертвоприношения в шумной Мадуре. Он был обладателем тела цвета карувиля, его сияние было подобно сиянию голубого драгоценного камня. Он был украшен серебром и золотом. Набедренной повязкой ему служила полоска блестящей ткани. Его широкая грудь была умощена пастой черного орлиного дерева; густые спутанные волосы закрывала корона, сплетенная из цветов деревьев и лиан, из цветов, росших в воде и на земле. В руках он держал мотыгу, сделанную лучшим ремесленником. Его тело цвета сапфира покрывала темная блестящая одежда. Он был искусен во всякого рода пении и танцах.

Варнабхуты держали между собой совет и решили так:

— Если мы знали наперед, что от совершенного царем несправедливого деяния город заслуженно должен быть поглощен огнем, то не должно ли нам удалиться из него? — И один за другим четверо бхут, охранявших кварталы четырех варн, покинули этот проклятый го-

род еще до того, как Каннахи в великом гневе вырвала свою грудь, задумав погубить Мадур.

В одно мгновение город был объят огнем: улица орноторговцев, улица разукрашенных колесниц, улица, где жили люди четырех варн. Всюду возникла жуткая сумятица, словно это было в джунглях Канды, которые поджег Арджуна, чье знамя несло изображение обезьяны. Пламя не коснулось домов, где жили люди вармы, но пригород марабаров и жилища нечестивых оказались в огненном пекле.

Огненная лавина не коснулась коров и телят, и они благополучно дошли до широкой улицы, где жили благочестивые коровницы. Могучие слоны, молодые слоны и стремительные кони с ужасным топотом пронеслись через ворота в городских стенах.

Беспощадный огонь все же разбудил красивых женщин, в то время как опьяненные страстью они безмятежно спали в объятиях возлюбленных в чистых и мягких постелях; упругая юная грудь красавиц была умощена сандалом; их украсил яркий кунгума, глаза были подведены сурьмой, а волосы увиты нежными цветами, еще совсем недавно издававшими аромат нектара.

Сумятица и жара разбудила и матерей, локоны которых были украшены благоухающими цветами, а чресла счастливо отмечены родимыми пятнами. Взяв из детских постелей своих детей, едва начинавших лепетать, они поспешно покидали город вместе с седовласыми старухами. Жены, что всегда радушно встречали гостей и неукоснительно блюли семейную дхарму, благоговейно поклонялись мечущему пламя небожителю, вскрикая:

— Справедлив гнев достославной супруги, безвинно лишившейся мужа, грудь которого украшала бесценная гирлянда. Не неправеден огонь, исшедший из груди достойной госпожи, чей браслет поверг властелина!

Охваченные смертельным ужасом бросились вопли сцены танцовщицы, постигшие шестьдесят четыре искусства. На их пылающей улице стоял грохот барабанов, жаркий воздух был наполнен музыкой мелодич-

ной флейты и дрожащими звуками вины. Улицу оглашали крики и восклицания:

— Откуда эта женщина? Да женщина ли та, что, лишившись в этом городе мужа, повергла своим браслетом непобедимого царя и сжигает теперь город столь ужасным огнем?

В великом горе не совершались вечерние обряды, не читались веды, не возгорался огонь жертвоприношений, не свершалась молитва божествам. В домах не загорались светильники, утих барабанный бой — все словно бы забыли о приходе сумерек.

С улицы на улицу переходила убитая горем Каннахи, не замечая ничего вокруг себя. Потеря любимого супруга сдавила сердце горем, которое все росло, точно от мхов горячего горна. И вот перед несравненной патни, подавленной невыразимым отчаянием и обезумевшей от горя, появилась Хозяйка Мадурь *, которой было уже не под силу видеть бедствия и переносить огонь, бушевавший в городе.

* * *

Своим могуществом Каннахи сравнилась с Великой Девой *, Девой, сидящей под языком у Бога *, и Царственной Девой, восседающей на могучем буйволе Махисше *. И вот перед ней, вырвавшей свою юную грудь, явилась Хозяйка Мадурь.

Глава XXIII

ВОЗВЕЩЕНИЕ БОГИНИ МАДУРЬ

За спиной непорочной Каннахи, вырвавшей в гневе свою грудь, появилась женщина с густыми распущенными волосами, в которых сиял лунный серп, с излучавшим матовый свет лицом, на котором подведенные сурьмой глаза папоминали большие лотосы. Под пунцовыми губами сверкали белые зубы. Левая часть ее тела была голубого цвета, а правая — окрашена в золотой

цвет. В левой руке она держала распустившийся золотой лотос, правой рукой сжимала прекрасный сверкавший кривой меч. На левой ноге звенело кольцо отважного вонпа, на правой — дивные браслеты. Такова была богиня-предводительница, охранявшая царский род Мадурь, правивший обширной землей от гавани Коркей до мыса Коморин и горы Поди. Власть мадурского царского рода простиралась до гималайских вершин на севере. Она шла некоторое время за Каннахи, которую украшали редчайшие браслеты, и наконец воскликнула:

— О благая! Живи! Слушай же мои слова!

Каннахи повернулась и обратила к ней свое высохшее от печали лицо:

— Кто ты, что идешь вслед за мной? Ведомо ли тебе мое жуткое горе?

И шедшая позади смиренно ответила:

— О украшенная драгоценными браслетами! Я знаю о великом горе, постигшем тебя. Ведь я — Хозяйка великой Мадурь. Меня повергла в ужас смерть твоего супруга. Но выслушай мое возвещение, о украшенная тонкими браслетами! О ты, женщина столь великих достоинств, мое сердце пребывает в безысходной скорби. Выслушай же, подруга, из-за каких дурных деяний карма воздала должное нашему царю! Слушай же ты о том, какие дурные поступки твоего супруга в прошлом рождении ныне привели к столь горестному концу.

Слушай! Ухо царя никогда не внимало иным звукам, кроме звуков языка, изрекавшего веды. И никогда он не поносил никого, кроме царей, отказывавшихся поклониться его стопам. Правда, женщины с красивым лицом умели возбуждать в нем страсть своими взорами, и его чувства не повиновались ему, как молодой слон не поддается укротителю, вырвавшись из его рук. Но помимо этой слабости, никакая низость или несправедливость не коснулась властелина, наследника великого и добродетельного царского рода. Слушай же. Однажды один из пандийских царей проходил мимо убогой хижины без ограды и дверей. Он услышал, как жена Кирандея, хозяйка этой хижины, жаловалась: «Когда ты уезжал от меня, то сказал, что, кроме ограды из царских

забот, ты не желаешь мне никакой другой защиты. И ты оставил меня в этой хижине на пустыре. Но что пользы мне теперь от такой царской ограды?» Слова эти пронзили его слух такой страшной болью, словно они были раскаленным гвоздем: сердце сжалось в тоске и страхе, и в гневе на себя рукой, державшей всегда царский скипетр, он разбил золотую корону и сверкающие драгоценные браслеты. Эти драгоценные украшения достались ему от повелителя бессмертных*, что враждает свою ваджру, мечущую молнии. Нет, низостью поступков не отличался никто в царском роду Пандев, которым неизменно сопутствовала победа.

Выслушай же еще одну правдивую историю об отпрысках пандийской династии. Некогда один из царей, славившийся своей отвагой и непобедимым мечом, устроил в тронном зале пышный прием, на котором зашла речь о подвигах и доблестях отважного царя Черы. Некий брахман, по имени Парашаран, услышав эти речи, сказал, что хочет сам увидеть отважного властелина Черы, который заставил открыть врата небесного мира перед одним тамильским поэтом-брахманом. Парашаран был родом из города Пукара, где земля не выдерживала обильных урожаев, где праведный и отважный властелин прославился своей справедливостью к пострадавшей корове и пожертвовал собой, чтобы спасти голубя.

Парашаран отправился в путь и пошел через джунгли, открытые равнины, селения, взойшел на высокую гору Поди. Он был из тех дважды рожденных, которые придерживались учения о достижении после следующего рождения полного освобождения от перерождений. Эти брахманы возжигали три священных огня*, предписываемых четырьмя ведами, совершали пять великих жертвоприношений* и неукоснительно соблюдали шесть обязанностей брахмана*. Своим красноречием и силой мысли этот брахман одерживал верх над противниками в диспутах и, получив достойнейшие почести, однажды направился назад в родной город со многими дорогими дарами. Дорогой он остановился в селении Тангал, принадлежавшем пандийскому царю. Там жили брахманы в совершенном согласии

с предписаниями дхармы. Он остановился отдохнуть в этом селении и присел под деревом бодхи с густой листвой, положив рядом с собой посох и чашу, белый вонт и сухие ветки для огня, сандалии и небольшой сверток. Брахман воскликнул: «Пусть пребывает в благоденствии могущественный властелин Пандьи, которому сопутствует в сражениях победа и подданные которого наслаждаются под серебристым зонтом властелина! Да будут дарованы долгие годы властелину, который швырнул в океан кадамбу, за которой укрывались враги! Да благоденствует могучий властелин, высекавший тугой лук на склонах Гималаев! Долгие лета повелителю цветущей страны, которой дарует прохладу река Поруней! Да будет даровано долголетие властелину Пандьи Мандаран-Чералю».

Вокруг брахмана появилось множество детей: на головах у них торчали хохолки и вились первые локоны, они едва лепетали, губы у них были пунцово-красные. Из хижины выходили еще дети, которые только-только выучились ходить, и присоединялись к резвящимся ребятишкам. Брахман позвал их: «Подойдите ко мне, маленькие брахманы! Давайте петь со мною гимны, и за это вы получите вот этот небольшой сверток с подарками».

И вот один из детей, маленький сын знаменитого своими добродетелями брахмана Вартикана, приблизился к Парашарану. Мальчика звали Аламар Челван: губы у него еще были красными от материнской груди, язык только выучился говорить, но он без единой ошибки прочитал наизусть немало стихов из вед. Брахман Парашаран был непередаваемо растроган и подарил умному малышу нитку жемчуга, несколько драгоценных камней, золотые браслет и серьги. И снова тронулся в путь.

Однако стражники в селении Тангал, с завистью увидев у мальчика столько драгоценностей, обвинили его отца в похищении царской сокровищницы и посадили брахмана Вартикана в темницу. Картикей, супруга брахмана, узнав об этом, была так потрясена, что забилась в рыдания, упала на землю и в отчаянии, заливаясь слезами, каталась по земле. Тронутая ее горем, ве-

ликолепная Айяй крепко-накрепко заперла двери в свой храм, так, чтобы никто не мог туда войти для совершения обрядов. Когда доблестному пандийскому властелину доложили, что тяжелые двери храма невозможно открыть, он пришел в смятение и повелел советникам разузнать, не совершена ли где-либо в его царстве несправедливость, которая могла бы разгневать Котравей. Проворные молодые посланцы простерлись перед монархом и доложили о том, как поступили с Вартиканом. Потрясенный совершенной несправедливостью царь повелел пригласить его во дворец. Когда тот явился, властелин сказал: «Из-за невежества моих людей справедливость власти сошла с должной стези. Но ваш долг — простить содеянное вам зло».

Властелин Пандьи подарил Вартикану селение Тангал с окрестными рисовыми полями, где течет полноводная река, и город Ваялур с неизмеримыми богатствами. Царь простерся на земле у ног брахмана и просил Хозяину великой земли умерить гнев его жены Картикей. И вслед за этим двери храма Восседающей на олени раскрылись с таким шумом, что его можно было слышать во всех возвышающихся, словно горы, дворцах на длинных улицах величественной Мадур. А затем царь приказал возвестить народу свой указ, который глашатаи читали, сидя верхом на слоне, под барабанный бой: «Выпускаются на волю все заключенные в темницы! Кто задолжал подати, освобождается от их уплаты! Все, что было потеряно или законано, отныне принадлежит нашедшим и откопавшим!»

— О украшенная резными серьгами! Да будет тебе известно: уже давно было изречено пророчество о том, что в восьмой день месяца Ад, в пятницу, когда взойдут созвездия Плеяд и Козерога, достохвальная Мадур будет поглощена ослепляющим огнем и вместе с нею погибнет царь.

Услышь теперь рассказ о том, что послужило причиной гибели твоего возлюбленного супруга. В древней стране Калинга жили два смелых и спланных царя, Васу и Кумара. Оба они принадлежали к одной царской семье, которой во все времена сопутствовало процвета-

ние. Оба достойно царствовали: Васу — в Сингапуре, славящемся своими орошаемыми полями, Кумара — в Кабилапуре, окруженном густыми бамбуковыми зарослями. Случилось так, что оба достойных правителя россылали взаимной враждой. Во время их междоусобицы никто не осмеливался приблизиться ближе чем на шесть кадамов к городу другого. Но вот в город Сингапур тайком проник один купец, Чангаман; он явился туда вместе со своей женой в надежде продать рубины и алмазы с большою для себя выгодой. Узнай же теперь, о патни с тонкими браслетами, что твой муж в прежнем рождении был придворным у царя Сингапура и его звали Бхарата: он презрел обеты мирянина и был низким человеком. Бхарата донес царю Васу, что проникший в город Чангаман — шпион его врага Кумары. И царь без разбирательства дела приказал схватить Чангамана и казнить. Нили, жена Чангамана, не видела, как убили ее мужа, но, когда она узнала о его смерти, то, потрясенная внезапным горем, метаясь по площадям и улицам города, восклицая: «По закону ли кшатриев это? По закону ли купцов это? Горожане, по вашему ли это закону? Жители слобод! По закону ли это?» Две недели бродила она по городу, обесумев от ужасной вести, как вдруг решила, что для нее настал благословенный день. Она вскарабкалась на высокую скалу и бросилась вниз на камни с жаждой соединиться в небе со своим повелителем. Падая, она прокляла проклятие: «Заставившие нас испытать страдание да испытают такое же страдание!»

— Итак, сбылось это проклятие. Ничто не может помешать созреть плодам кармы от деяний, совершенных вами в прошлом рождении. Тем, кто некогда были неправедны, не поможет даже самый трудный тапас! Но внимай моим словам, добродетельнейшая из жен с пышными локонами! Как только минет дважды по семь дней, никто не сможет тебя узреть в облике земных, но вместе с мужем ты обретишь облик небожителей!

И после того как это предопределение было возведено великой патни, великое божество Мадур начало гасить пламя, окутавшее город.

Канпахи вошла во врата храма Котравей; там она разбила свои золотые браслеты и дала обет, что не присядет и не приостановится, покуда не увидит своего супруга, не покидающего ее сердца:

— С мужем я вошла в город через восточные ворота, но одна я выйду лишь через западные.

И Каннахи бродила среди бела дня и в глухую полночь, не останавливаясь ни на миг. Она шла вдоль берега Вайхей, не видя под собою ям, не обходя камней и глыб, ранящих и режущих ноги. Она взобралась на гору Обладателя длинного копья*, который поверг в прах асур, рассек чрево океана и расколол сердцевину горы. Оказавшись в тени цветущего венга, она словно бы очнулась и зарыдала: «О, какое зло я сотворила!»

Накопец, по прошествии двух недель, она воскликнула, что настал благословенный день, когда она должна увидеть своего возлюбленного, перед которым она благоговела. И вот, возвещая миру имя величественной и добродетельной жены, проливая на землю обильный дождь неувядающих цветов, к ней приблизился сам Царь бессмертных*. На виду у всех богов, под восхваляющие речи Индры, Каннахи с пышными и благоухающими локонами села в небесную колесницу рядом с Коваланом, убитым в царском граде, и вместе с ним вознеслась в небесный мир.

* * *

И небесные женщины молитвенно склонились перед неспорочной женой, которая поклонялась своему повелителю больше, чем божествам. Алмаз среди земных женщин, Каннахи стала желанным божеством среди добродетельных жен Сварги.

Конец второй книги

Закончилась книга о происшедшем в Мадуре. Мы рассказывали в ней о добродетелях, отваге и победах царей пандийской династии, острый и сверкающий

меч которых прославился среди коронованных правителей трех царств. В ней были воспеты великолепие древней и могущественной Мадур, пышность празднеств, явление небожителей, неомрачаемая бедами жизнь в селениях простых мирян. Писали о великой реке Вайхей, дарующей плодородные земли; об облаках, оправдывающих ожидания землепашцев и проливающих на землю обильный дождь. Наш рассказ повествовал о танцах и песнях, о треволнениях земных и бедствиях. И наряду со всем другим мы воспели деяния пандийского царя Недунджежияна, покорившего на севере ариев, объединившего тамилы в одно южное царство и усопшего на царском ложе вместе с добродетельной царицей, которой не коснулся порок.

КНИГА 3 ❀ ВАНДЖИ

Глава XXIV

ТАНЕЦ ГОРЯНОК

женщины-горянки пелли:

Мы поднялись вверх на гору.
Вспорхнули птицы, улетел попугай.
Мы омылись в роднике,
искупались в потоке
И в трепете духа увидели тебя.
Ты стоишь под тенью
душистого вспгая,
Словно Вальи. Ты явилась сюда,
Вырвав грудь и наведя на нас страх!
Скажи нам, кто ты?

И Каннахи печально отвечала:

— Когда настало время и созрели плоды сильной кармы, я потеряла мужа и погибла блистательная Мадра вместе с ее царем.

Обитатели гор склонились перед нею, сложив трепетно руки, украшенные браслетами. В тот же миг небожители пролили на землю обильный дождь цветов, и на глазах у всех горцев Каннахи вместе с мужем воспарила ввысь. И все видевшие запели:

Другого Божества, подобного ей,
Нет для нашего племени!

Вы, горцы наших маленьких селений!
Примите это божество, горцы маленьких селений!

В тени цветущего венгая на горе Муругана,
Рядом с горным потоком,

Вы возведите ей жертвенник.

Примите это божество, горцы маленьких селений!

Ударьте в ваши боевые большие и малые барабаны!

Трубите в трубы! Пойте курпнджи!

Воскурите лучшие благовония! Устройте ей жертву!

Возведите вокруг алтаря стены и поставьте врата!

Свершайте ей моление!

Рассыпьте прекрасные цветы этой женщине,
вырвавшей у себя грудь!

Огласим нашим песнопениями горы!

— Взгляни, ты, украшенная браслетами и алмазами! Вот черная сурьма для глаз, мускус и красная охра! Мы украсим себя, от нас будет исходить благоухание и красота дивного лука Индры. Мы пойдем к горному потоку и свершим там омоение. Пойдем, подруга, и омоемся в горном ручье, текущем в роще. Принц гор, окутавший облаками вершины, наслаждался нами и ушел, сказав, чтобы мы ничего не боялись.

Омоемся, подруга! Омоемся, подруга! Лишь одним меня сердит этот поток, лобзающий принца гор, оставившего меня: сердце мое сжимается оттого, что другие красавицы купались в этом потоке.

О моя подруга, мы резвились в чистом потоке, ласкавшем принца гор и несущем золотой песок. Но мы

сердиты на этот поток с золотым песком только потому, что другие красавицы уже совершили в нем омо-
вение.

Мы резвимся в чистом потоке, ласкавшем принца гор и несущем лепестки цветов. О подруга, мое сердце волнуется при мысли, что в этом чистом потоке, несущем лепестки, купались другие красавицы до того, как он приблизился к нам.

Сладостны твои слова, подруга! Мы купались в чистой воде, пока не покраснели наши подведенные сурьмой глаза. Но сердце щемит: подойди ко мне, подруга, давай станцуем куравей и восславим песнопениями Убившего в море асуру*, Поднявшего свое разящее копье.

Вот могучее копье, которым замахнулся высший бог, неотступно пребывающий в святынях славного Чендила, Ченкоду, Венкундру и Ераки. Вот могучее копье, сделанное в виде листа, которым он некогда насквозь пронзил шудру так, что копье вонзилось в дно безбрежного океана, омывающего землю.

Вот славное копье Шестиликого, Двенадцатирукого*, не имеющего себе соперников. Вот это сверкающее копье, которым он, воссев на павлина низринул асур, чем заслужил похвалы царя небес.

Вот острое копье в руках того, кто в младенчестве сосал молоко из нежной груди шести матерей на ложе из цветущего лотоса в красивом пруду. Вот длинное разящее копье, которым он расколол гору Кираванджу и рассек грудь укрывшегося в горе асуры.

О подруга, украшенная превосходными браслетами! Не смешно ли! Властитель прохладных холмов, где растет перец, причинил мне тяжкую боль, а моя мать, не ведая этого и думая, что я одержима Властителем Цветущей Кадамбы, позвала жреца Копьеносца, чтобы он изгнал болезнь!

О подруга, украшенная тонкими браслетами! Не смешно ли! Придет жрец Копьеносца, чтобы изгнать болезнь, которую вызвал Повелитель страны холмов и больших гор. Если придет жрец Копьеносца, то он — Безумный. А если позову жреца Копьеносца, придет пронзивший гору Цапли, и он — Безумный.

О подруга, чьи руки унижены браслетами! Не смешно ли! Придет жрец Копьеносца, чтобы изгнать болезнь, вызванную Повелителем страны холмов, опьяняющих ароматом. Жрец Копьеносца — Безумный! Безумный и сам сын Сидящего под деревом Аламар*, если он придет сюда.

О подруга с изящными украшениями! Как смешно! Придет жрец Копьеносца, чтобы изгнать из моей груди болезнь, которую вызвал Повелитель страны гор. Но не будет ли еще безумнее жреца Копьеносца сам бог, украшенный гирляндой черной кадамбы, если он придет сюда?

На поле битвы, где жрец Копьеносца танцует танец одержимости, является верхом на синем павлине вместе со своей возлюбленной, украшенной браслетами, сын Сидящего под деревом Аламар. Если он явился, пусть он благословит мою любовь к Властителю гор.

О сын Высшего бога, обитающего на благой горе Кайласа*! Мы припадаем к благим стопам твоей безыскусной девы, подобным ароматным цветам ашоки. Ее лоб — молодая луна, ее тело — синего, как у павлина, цвета; она, как и мы, — с гор. Припадая к ее ногам, мы просим тебя дать успех нашему побегу с возлюбленным.

О божественный сын Девы Гор! Мы припадаем к благим ногам твоей безыскусной девы. Ее лоб — молодая луна. Эта дева с гор, из нашего племени кураваров. О горный Бог! Дай согласие на то, чтобы о нашей свадьбе узнали все.

Мы припадаем к твоим благим стопам, о Шестиликий, и к ногам Девы кураваров, дочери нашего племени. Пусть мой возлюбленный, припадающий над источником к твоим ногам, получит твое согласие на нашу женитьбу. Пусть он оставит помыслы о тайной любви*.

* * *

Живи, подруга! В то время как мы пели, Властитель страны гор тайком подобрался к нам и слушал наши песни. Я подошла к нему, украшенному гирляндой.

Я простерлась перед ним, касаясь руками его ног. Послушай, что я сказала ему:

— Ты явился в наше селение, украшенный цветами кадамбы, держа в руках копьё, чтобы все думали, будто ты не кто иной, как сам Шестиликий: но ведь у тебя нет шести лиц, ты не сидишь на разукрашенном павлине, у тебя нет дочери кураваров; у тебя отнюдь не могучие плечи. Когда я пересказывала ему те слухи, что ходят в селении о нашей тайной любви, Властитель страны гор и холмов ушел, оставив меня с грустным, сскупленным сердцем. Женится ли на мне мой возлюбленный, что живет среди зеленых гор?

* * *

А теперь давайте воспоем славу прекрасной патни, достойной поклонения наших горцев: вырвав свою грудь, она спалила огнем великую Мадуру. Все почитают ее могущество, и сами небожители воздают славу ее возлюбленному повелителю.

Давай же воспоем, подруга, Ту, которая по справедливости спалила великий город с высокими дворцами и знаменами, где покривился царский скипетр справедливости. Воспевая богиню, по справедливости спалившую огнем весь город, мы просим ее благого согласия на нашу свадьбу с возлюбленным, что живет среди великих гор и холмов.

Наши благочестивые женщины совершают омовение в чистом потоке, они пришли поклониться Каннахи, чьи бедра подвижны, точно голова змеи. Небожители даровали Каннахи с подвижными чреслами ее супруга и воспели ей хвалу.

Вот стоит Каннахи, непорочная и красивая жена, в тени благоухающего венгая, и живущие в небесном мире бессмертные воздают ей хвалу. И вот Каннахи, стоявшая горестно под тенью душистого лесного венгая, вместе со своим супругом очутилась в небесном мире, и теперь она уже не вернется оттуда.

Воспоем и восхвалим Каннахи, которая, достигнув блаженства, никогда уже не вернется. Славить ее — блаженство нашего селения. Блаженство снизойдет на на-

ше селение, когда девушке с золотыми браслетами будет дарован супруг, живущий среди гор.

Увидев наш танец куравей и услышав наши песни, явился мой возлюбленный. Так пусть же, ликующ, поднимает победную чашу властелин гор Колли, высекший свой лук * на склоне Гималаев. Да будет даровано долголетие нашему властелину!

Глава XXV

ПОХОД НА СЕВЕР

Один из царей величественного рода Черы, обладавший непобедимым мечом, сокрушил царство кадамбы, окруженное великими водами, и вызвал смятение среди небожителей тем, что повелел высечь на одной из вершин Гималаев лук — символ своего могущества. Величественный, как небожитель, он появился однажды в своем великолепном дворце вместе с Иланго Венмалем и своей супругой и объявил о своем намерении совершить поход к далеким горам, к глухим лесам, застилаемым облаками, к горным потокам, шум которых напоминает бой барабанов. Собрав огромное войско и взяв жену с ее служанками, он выступил в поход.

Сидя на громадном слоне, он напоминал самого Небожителя*, вооруженного не знающим поражений копьем, который пожелал позабавиться с девами небожителей в одном из цветущих небесных садов. Вместе с огромным войском, растянувшимся на сто сорок йоджан, он шел через джунгли с золотыми цветами, переправлялся через широкие реки со стремительным течением. Подобно Великому Малю* царь на слоне мидовал молодые леса, и можно было подумать, что движется великий город из сцен и подмостков. Он достиг вместе с войском реки Перияру, которая сверкающей лентой ползла с высоких гор, словно цветущая гирлянда на груди Высочайшего Маля. На песчаном берегу он расположился отдохнуть.

Слышались песни горянок, танцевавших куравей; воздух оглашали гимны в честь дарующего победу Копьеносца, Севвеля*, песни кураваров и барабанный бой. С полей доносились песни жнецов, отдаленный шум цепов, крики спугивающих птиц крестьян, мерные удары горных пчеловодов, разбивающих соты, грозное бурление горных водопадов, напоминающее барабанный бой. Тут слышался и рев слопа, напавшего на тигра, мощные голоса погонщиков, стремящихся завести слонов за ограду, и разноголосые крики испуганных птиц, покидающих насиженные места на высоких и густых деревьях. Все эти песни, шум, голоса и крики смешались с разноголосьем расположившегося на привал войска.

К шатру царя, чьи богатства не знали себе равных, приблизились вожди горных племен: словно побежденные цари, они приносили дань золотом и драгоценными камнями. Горцы несли на голове и складывали к ногам царя белые слоновьи бивни, связки ценного орлиного дерева, опахала из оленьего волоса, бочки с медом, сандал, румяна, сурьму для глаз. Царю преподнесли кардамон, черный перец, аррорут, кокосовые орехи, манговые плоды, связки зеленых листьев бетеля, плоды хлебного дерева, чеснок, тростниковый сахар, цветущие лианы, орехи арековой пальмы, огромные бананы; преподнесли ему в дар львят и тигрят, слонят, медвежат и обезьянок, ланей и мускусных оленей вместе с их детенышами, павлинов-самцов, фазанов и сладкоголосых попугаев.

И, сложив дары у ног властелина Черы, горцы сказали:

— Да будет ниспослано счастливое многолетие тебе, всепобеждающий государь! Мы — рабы в семи поколениях. Мы должны объявить тебе, что в нашем крае под деревом венгай увидели повергнутую в печаль прекрасную женщину, у которой была вырвана грудь. На наших глазах она вместе со своим супругом, восхваляемым небожителями, достигла небесного мира, восхваляемая небожителями. Из какой она страны? Чья она дочь? Не из твоей ли она страны? Мы этого не знаем. Живи же многие сотни тысяч лет!

Вместе с радующим землю обладателем длинного копья там был тамильский поэт Чаттан. С великим изумлением слушал он о том, что поведали царю горцы. Вот что он сказал Сентуттувану:

— О великий царь, послушай, что я тебе расскажу! Они поведали тебе о том, что случилось с непорочной женой Каннахи, лицо которой украшено сверкающими серьгами, и как ножной браслет стал орудием кармы. Когда созрели плоды дурного деяния супруга этой добродетельной женщины, которого постигла смерть, тогда перед пандийским царем, обладавшим великим войском, явилась его супруга с другим браслетом: величайшая лань перед царем и царицей разбила браслет и, сокрушив ложь, возведенную на ее супруга, воскликнула, что погубит великий древний город. Царица увидела, как царственный супруг, на груди которого любила отдыхать Шри, не вынеся скорби и справедливых слов Каннахи, за смертью упал с львиного трона. Припав лотосоподобным ногам своего супруга, она уже не слышала гневных слов Каннахи, не чувствовала скорби, не испытывала тяжкого горя. Ибо она решила отправиться туда, куда ушел ее царственный муж: ее жизнь ушла вслед за его жизнью. Каннахи не вернулась в свою страну, — она направилась в твое царство, все время говоря, что от жестоких деяний гибнет достоинство всемогущего властелина. Эти слова она безостановочно повторяла. Да благоденствует во все времена твой победоносный царский род.

Опечалился Сентуттуван, услышав рассказ Чаттана о несправедливом деянии пандийского царя. И он сказал:

— Нам, царям, надлежит избавлять душу от ее телесного обиталища, прежде чем нами будет произнесено хоть одно несправедливое слово. Если пришло время проявления сильной кармы и убийство было неотвратимым, то лишь уход властелина из жизни может вновь выправить погнувшийся скипетр. Если страну постигает засуха, землешагцы охватывает страх; если жизни подданных угрожает несправедливая власть, в стране воцаряется ужас безнадежности. Подданные боятся несправедливого царя, а ведь заботиться о них — это про-

стой долг царя, не заслуживающий никаких похвал.

Так сказал Сенгуттуван и похвалил славного поэта Чаттана за рассказ о беде, которая стряслась с добродетельной Каннахи. Затем он сказал царице Вепмаль:

— Царица оставила мир, чтобы уйти вслед за умершим супругом. Другая добродетельная женщина, украшенная редчайшими браслетами, в гневе бродила после того как погиб ее супруг. О дивноликая царица! От каких наших деяний могла бы возрадоваться эта непорочная патни?

И супруга Сенгуттувана ответила:

— Пусть царица в небесном мире проводит свои дни в блаженстве вместе с супругом — да не изведает он несчастий! Нам же должно почитать богиню супружеской верности, эту патни, достигшую величия и освятившую наше царство тем, что пришла в него после смерти возлюбленного супруга.

Слова эти пришлось по душе украшенному гирляндой могучему царю, что сидел под серебряным зонтом; он обратился к своим мудрым советникам. Те сказали:

— Она будет нашей богиней, и мы восславим ее тем, что воздвигнем в ее честь статую из громадного камня. Этот камень мы привезем даже не со священной вершины Поди, но с великих северных Гималаев, на одной из вершин которых вырезан лук — знак нашего могущества. Ибо и Поди, и Гималаи — горы, освященные водами Кавери и великого Ганга.

И Сенгуттуван сказал так:

— Великая честь нам, родившимся в отважном царском роду, отправиться за каменной глыбой на гору Поди и освятить ее в древних водах Кавери. Мы дойдем до великой горы Поди, царицы гор, где живут обладающие двумя рождениями брахманы-отшельники с длинными густыми волосами. Их одежды всегда влажные от омовений. На их груди висит шнур из тройной нити*, и они совершают три огненных жертвоприношения*. Но если там царь гор не даст нам каменную глыбу, из которой мы могли бы изваять достойную статую бо- жеству-патни, обретшей величие в юные лета, все жи-

вущие и упрежденные из этого мира познают суетность и бесплодие недобродетельной жизни. Мы пойдем к Гималаям, царь которых отдал свою древнего рода и вечно юную дочь богу, на голове которого сияет полумесяц. Мы пройдем долгий-долгий путь с юга на север мимо моей столицы Ванджи. Мы увидим северного царя, корона которого излучает сияние ночных звезд. У его ног все деревья роют свои цветы. Много гирлянд украшает нашу особу: одна возвещает покровительство и власть, другая — победу, третья предвещает удачу; есть гирлянда, сулящая пышный пир отважным воинам; украшает нас и гирлянда, напоминающая о низверженном нами граде. Пусть воины наденут свои боевые доспехи и украсятся гирляндами из пальмовых листьев. Мы же, выступая из славного града Ванджи, украсим гирляндой наш победный меч.

И тогда к царю обратился его советник Виллаван Гота:

— Пусть многие годы повелевает нами наш могущественный царь! В битве в Конгане, где поле сражения было залито кровью, цари — твои недруги решили помериться с тобой силой, но бежали, оставив свои знамена с изображениями кровожадного тигра и рыбы. Слава твоих подвигов и сейчас еще гремит в ушах восьми слонов, что поддерживают землю* и смотрят в восемь главных сторон света. Моим глазам не забыть, как твой боевой слон яростно рвался впереди отважного тамильского войска, сокрушая конганаров и калинджаров, свирепых карунадаров и бенгалов, гангаров, каттиаров и северных арьев. Мы воочию видели, как ты один доблестно сражался с тысячью арьев, когда панна царица, твоя мать-царица в самый наводок совершала омовение в великом Ганге. Твоя победа над ними так изумила самого жестокого Бога смерти, что он, выпятив свои немигающие глаза, словно окаменел. И если бы ты пожелал установить власть тамиллов над всей землей, окруженной грозным океаном, то никто не смог бы помешать тебе. Пошли же, о царь, всем царям северных стран послание, в котором будет написано, что ты идешь в Гималаи добыть каменную глыбу для изваяния божества. Пусть послание будет скреплено пе-

чатую с эмблемами тампильских царей: стрелометным луком, рыбой и лютым тигром.

Глава глашатаев сказал царю:

— В оберегаемом тобой, о могучий царь, граде Ванджи все твои недруги-цари, властвующие в красивых и прохладных странах, держат своих соглядатаев. Потому пусть по твоему повелению возвестят о твоём походе на север глашатаи, что, сидя верхом на слонах, бьют в барабан. И твоё намерение выступить в поход дойдёт до слуха соглядатаев, посланных царями, чьи слоны носят непомерно пышные украшения.

Властелин неудержимого войска соблаговолил согласиться. Когда же он вступил в великий город Ванджи, неистощимые богатства которого были добыты в бесчисленных походах, глашатаи сели на великолепных царских слонов и, ударив в гулкие барабаны, возгласили по всему городу:

— Да живет наш достойнейший и величественный царь! Пусть из века в века весь мир благоденствует под его зонтом! Наш властелин идет походом на великие и необозримые Гималаи, на склонах которых вырезан лук — знак его могущества! Там он вознамерился взять громадный камень. Слушайте все вы, цари северных стран! Встречайте данью нашего владыку, который сокрушил дерево кадамбу посреди моря. Внемлите словам и склонитесь перед нашим царем, который вырезал свой символ на вершине Гималаев. А если вы не согласны с этим, так покиньте своих жен с пышными плечами и станьте отшельниками! Да будет даровано долголетие войску, что дороже нашему царю со звенящим браслетом отважного воина его собственного благого тела!

Глава XXVI

О ПРИБЛИЖЕНИИ ВОЙСКА К ГИМАЛАЯМ

После того как валлувары под барабанные удары возвестили всему городу о царском решении, сам повелитель воссел на трон своих предков, охраняемый

львом. Вокруг трона собрались дворцовый брахман, астролог и великомудрые советники держать совет перед походом. Они возгласили долголетие царю царей, серебряный зонт которого сверкает выше, чем у всех других могущественных властелинов. Повелитель Черы громкоglasно возвестил:

— Отшельники с Гималаев доносят нам, что недостойно живущие северные цари произнесли слова, оскорбительные не только для нас, но и для других тампильских царей. Потому моему скипетру приличествует вселить трепет в сердца наших недругов со сверкающими доспехами и браслетами героев. Пусть мой меч, не знающий поражений, заставит их пестить на своих коронах камень, из которого мы изваяем статую божеству супружеской верности!

Дворцовый брахман сказал:

— О великий царь, сокрушающий в битвах врагов и дарующий милость трепещущим! Да убоятся тебя все цари, кроме названных тобой властелинов Чолы и Пандьи, украшенных цветами смоковницы и маргозового дерева. Есть ли на свете цари, что могут противостоять твоему гневу! О властелин, держава которого простирается до Гималаев! Дерзнувшие оскорбить тебя не смогут жить долее. Да умерится твой гнев!

Затем поднялся астролог, знавший двенадцать лунных созвездий и владевший пятью элементами своей науки:

— О могущественный царь, блажен ты в своем долголетии! Только победу сулят тебе звезды. Они возвещают, что все цари великой, необозримой земли покорно припадают к твоим лотосоподобным ногам. Не медли с выступлением и шествуй с войском прямо, куда замыслил.

Выслушав мнения придворных, царь Сенгуттуван, за которым неотступно следует победа, повелел понести к северу свой меч и зонт. Возвещая начало похода, глашатаи столь сильно ударили в военные барабаны, что от испуга вздрогнула голова змея, поддерживающего на себе землю. Рубиновые светильники гнали прочь ночную тьму, освещая поднятые вверх несчетные знамена. Вместе с войском и царем, сидевшим на стремительном

слоне, выступили придворные пяти разрядов, восемь отрядов стражников, царские жрецы, писцы, постигшие дхарму мудрецы и знатоки хитростей и уловок.

Воздух оглашали крики:

— Да живет повелитель необозримой земли!

Сидя под серебристым зонтом на громадном слоне, которого кормят лучшим рисом, царь, вооруженный развешенным мечом и украшенный гирляндами, величаво въехал на площадь близ храма, где восседал блистательный царский совет. Здесь царь устроил пышное пиршество для своих военачальников, предвкушавших радость кровавых сражений.

Стоило появиться Сенгуттувану, грудь которого украшала гирлянда неувядающих цветов, а на голове сияла корона из драгоценных камней, как ударили в громадные барабаны, призывая властелинов других стран подчиниться царю Черы. Царь украсил себя гирляндой из листьев древа бодхи, что принадлежит алым стопам Возвышенного, обладающего ликом земли, с сверкающим полумесяцем в волосах. Голова царя, не склоняющаяся ни перед кем, благоговейно склонилась перед полумесяцем бога. Аромат курений, возжигаемых брахманами, заглушил запах цветов гирлянды. Царь совершил обход справа вокруг храма и, преисполненный решимости, сел на своего боевого слона.

С приношениями пришли жрецы из храма Адакандам, посвященного Возвышенному, спящему йогическим сном знания*. Они приблизились к царю западной страны*, славя его добродетели и проча ему победу. И царь, чья корона освещена благими стопами бога, чьи алые локоны окроплены прохладной водой Ганга, украсил свои плечи гирляндами рубинов, принесенными жрецами Вишну.

Вдоль пути возвышались подмости, на которых стояли, скрестив руки, прекрасные танцовщицы. Они провожали выступающего в поход Сенгуттувана словами:

— О победоносный царь! Ты столь торжественно восседаешь на боевом слоне, голову которого украшают гирлянды из цветов и пальмовых листьев, что наши взоры не могут выдержать величественного зрелища

того, под чьим белым зонтом мы упиваемся миром, и наши браслеты спадают с запястий.

Поэты Магадхи, певцы, панегиристы славил царя, суля ему новую победу. Прославляли грозный меч царя садники, воины, сидящие на боевых слонах, могучие марагары.

Выступая из Ванджи, царь был подобен Небожителю, когда тот покидал свой град, ополчась на данавов. Царь двигался впереди, и его армия вместе с головным отрядом растянулась до самого берега моря, на который набегали белые гребешки волн. Под ногами войска отрясалась земля и дрожали вершины гор. Близ гор Нилгири громадные колесницы, запряженные стремительными лошадьми, замедлили свой бег, остановились кони. Войско расположилось лагерем. На долю важных марагаров выпало блюсти его покой. Излучая сияние дневного солнца, царь оказал Хозяйке обширной земли ту милость, что ступил на нее ногами. Его бесстрашные телохранители воздали ему почести. Удалившись в свою палатку, царь возлег на широкое ложе.

Услышав шум, поднятый громадным войском, мунд, что пошел по пути, ведущему на небо, возжелали увидеть властелина обширной земли, сокровища которого могли соперничать лишь с богатством самого Индры. Из их тел исходил свет молнии. Когда они вошли в шатер, где восседал высший совет, то излучающий сияние царь, осененный милостью Красноволосого Небожителя*, поднялся со своего возвышения и почтительно склонился перед мудрецами. Старший из вошедших мунд воскликнул:

— Внемли нашим словам, о могучий царь, дарованный нам милостью Небожителя. Мы идем к священной горе Поди; твои замыслы ведут тебя к далеким Гималам, упивающимся в небо. Там живут брахманы древних вед. О царь великой земли, помни о своем долге заботиться о брахманах!

Воздав царю похвалы, мунд покинули совет. Затем появились танцоры Конгана и свирепые карунадары в лучших одеждах своих племен и вознесли похвалу властелину мира, окруженного грозными морскими во-

дами. Пришли и танцовщицы, чьи черные локоны были увиты сверкающими рассыпающимися гирляндами цветов. Их юные упругие груди были украшены ожерельями из драгоценных камней, а большие глаза напоминали подвижных карпов. Они пели дивные весенние напевы, дышавшие томлением любви:

Птицы поют, пчелы жужжат,
Словно играя на вине.
Почки открылись — весна пришла,
Нет только любимого.

Появились кудагары и их женщины с толстыми браслетами и огромными черными глазами. Они запели:

Нарядись, красавица с тонкими браслетами.
Посмотри: льет ливень и грохочет гром.
Осень подошла. Примчалась колесница,
И на ней любимый, окрыленный успехом.

Перед царем предстали овары, превознося его добродетели:

— О властелин с неотразимым мечом! Да будет ниспослано тебе блаженство долголетия. Пусть увеичается победой твой великий поход. Да веселят тебя в твоём дворце множество красивых танцовщиц!

Царь, копье которого приводило в дрожь врагов, дарил восхвалявшим изумительные сапфиры и алмазы, и ценность подарков зависела от искусства танцевавших и певших.

Царь отдыхал на своем широком ложе, когда в его шатер вошел старший стражник и сказал:

— О справедливый царь, на высоко поднятом знамени которого изображен лук! К твоему лагерю пришел из северного царства Санджая в окружении тысячи воинов. Он привел с собой сто четырех танцовщиц, двести восемь музыкантов, сто факиров, что могут показать девяносто шесть трюков. С ним прибыло сто громадных колесниц, верх которых вырезан в форме лотоса, пятьсот могучих слонов, десять тысяч лошадей с подстриженной гривой и двадцать тысяч пово-

вок с лучшими товарами и изделиями ремесленников.

Повелитель приказал подвести к своему шатру Санджая с танцовщицами, музыкантами и лучшими из остальных пришедших.

Санджая вошел в сверкавший богатством шатер и пал ниц, расточая хвалы могучему царю с негибачим скипетром. Он подвел к шатру царя сто четырех музыкантов и, представив своих советников, сказал:

— О царь, покоряющий всех своей справедливостью! Мой властелин Нутрувар Каннар, царство которого расположено по берегам Ганга, свидетельствует тебе преданность и дружбу. Услышав о твоём намерении идти в Гималаи за камнем для статуи божеству, он сказал, что поможет тебе достать камень и освятить его в водах Ганга. Славься, о царь, чье обширное царство омывается грозными морями!

Царь, войско которого разлилось, словно безбрежное море, а могучее копье пожирало жизни врагов, сказал:

— До нашего слуха дошло, что сыновья Балакумаи — Канака и Виджайя, язык коих не знает узды, на званом пиру без должного почтения говорили о силе амилских царей, и потому идет сейчас на них мое войско, ведомое Богом смерти. Объяви Нутрувар Каннару наше повеление приготовить столь много судов и флотов, чтобы мое войско могло переправиться через великий Ганг!

После того как Санджая покинул шатер, явилась тысяча красноречивых посланников и принесла царю руду сандала и множество жемчуга. Явились писцы, которым царь продиктовал свои письма северным царям; письма запечатали горячим сургучом, и посланники отправились на север.

Могущественный Сенгуттуван принял почести, которые воздали ему его воспачальники, снялся с места во главе войска двинулся к Гангу. На кораблях, приготовленных для него Нутрувар Каннаром, он переправился на северный берег Ганга. Обуреваемый нетерпением сразиться со своими врагами, он вторгся в страну Нуттару, окруженную болотами, и вывел свое войско,

обширное, словно море, на бескрайнее поле, где решил дать врагам сражение.

Канаке и Виджайе пришли на помощь со своими воинами все северные цари: Уттара, Вичитра, Рудра, Бхайрава, Читра, Синга, Данудхара и Швета. Решив в битве испытать могущество тамильского царя, они охотно отдали своих воинов под начало враждовавших с Сентгуттуваном царей. Их громадное войско сотрясало землю.

Стоило Сентгуттувану завидеть вдалеке войско враждовавших с ним царей, он рванулся вперед, словно голодный лев, который вышел на охоту и, завидев стадо слонов, бесстрашно устремляется за ними в погоню. Взметнувшиеся ввысь знамена закрыли войска от палящих лучей солнца, воздух был сотрясаем барабанным громом и резкими звуками длинных труб и белых раковин. Гремел царский барабан, покрытый волосом, словно желая пожрать принесенные в жертву жизни. Натянули тетивы лучники, вступили в сражение копьеметатели, бойцы, сидящие верхом на слонах с белыми бивнями, черноволосые маравары. Несущиеся вперед слоны с белыми бивнями, громадные колесницы, стремительные кони подняли такую пыль, что уже невозможно было видеть землю. Несущимся в бой слонам были подвязаны колокольчики, которые пронзительно звенели; знаменосцы что было сил дули в режущие уши раковины, — стремительность, сила, оглушительные звуки усиливали страх вражеского войска. Вот уже воины обеих армий смешались в жарком сражении; тала могучих мараваров-лучников с оторванными головами составили большой холм, и кровавые девы-духи с растрепанными космами волос устроили на горе трупов неистовые пляски. С наслаждением сомы дев-духов пили кровь из открытых ран. Тьма убитых воинов северных царей, прославленных своими колесницами, покрыла поле сражения. Валялись изуродованные колесницы, вздымалась гора слонов и лошадей, когда-то бывших яростными и стремительными.

Властелин Черы в блестящей короне, с гирляндами пальмовых листьев и левкады*, с браслетом отважного воина на ноге появился прямо перед глазами северных

царей. Он возник перед ними на боевом коне, как сидящий на буйволе Бог Смерти, который уничтожил за день неизмеримое количество жизней. Страшный гнев отважного Сентгуттувана излился на Канаку и Виджайю, тщетно пытавшихся с помощью острых мечей избежать расплаты за оскорбительные речи о тамильских царях. Гнев Сентгуттувана поразил и пятьдесят двух царских возничих. Северные цари, видя свое поражение и стремясь избежать пленения, бросали свои мечи и копья, переоделись женщинами, танцорами, отшельниками, бродячими аскетами с растрепанными волосами и лбом, покрытым пеплом*. Были и такие цари, что, забравшись на возвышение, выдавали себя за аскетов, державших в руках павлиньи перья. Враги Сентгуттувана бежали с битвы, прикинувшись то странствующими певцами, то музыкантами с разными инструментами.

Погонщики вражеских слонов дрожали от страха: по приказу Сентгуттувана их запрягли в повозки вместо волов и погоняли мечами. Девы-духи прославляли отвагу царя, славный меч которого уничтожил врагов. Руками, покрытыми звенящими браслетами, они складывали в длинный ряд коронованные головы убитых и в танце куравей прославляли своего Первенствующего бога, который танцевал величественный танец смерти. Этот день словно был тем днем, когда бог цвета моря взбивал океан, словно молоко, тем днем, когда на Ланке, окруженной глубоким морем, произошло сражение, опустошившее остров*, а также днем великой битвы, когда великий бог направлял колесницу Арджуны*.

Девы-духи праздновали победу величественным танцем смерти на поле, где совершалось погребение убитых. Их стряпухи сложили костер из голов убитых, черепа слонов служили им котлами для приготовления яств, а ключицы, некогда покрытые гирляндами, — ложками. Пируя, девы-духи возносили хвалу и желали долголетия царю, держащему в руках справедливый скипетр и одержавшему в этом кровавом сражении величественную победу.

Сентгуттуван, чей славный меч принес триумф в сражении, выслал на север посланцев, наказав им восхва-

лять соблюдающих законы древних вед, ведущих непорочную жизнь и поддерживающих священный огонь у алтарей, где совершаются жертвоприношения.

После этого сражения, где Сентгуттуван победил, он вместе с Виллаваном Готой достиг Гималаев с золотыми вершинами и нашел камень для статуи непорочной патни.

Глава XXVII

ОМОВЕНИЕ КАМНЯ В ГАНГЕ

После того как Сентгуттуван добыл в великих северных Гималаях камень для статуи божества патни, обретшей славу в небесах, он водрузил его на головы Канаки и Виджайи с солнцеподобной короной, дерзнувших противостоять гневному копью Сентгуттувана. Украшенный кольцом героя могучий царь в продолжение восемнадцати часов* был воплощением Бога смерти, пожирая жизни арийских царей, не знавших великой силы тамильских властителей и пошедших на них войной. И его подвиги присоединились к тем, которые некогда были совершены в битвах, продолжавшихся в течение восемнадцати лет, восемнадцати месяцев и восемнадцати дней*.

Из каменной глыбы изваяли статую божества патни, после чего Сентгуттуван со своим могучим войском вернулся на берег священного Ганга и знатоки священных книг согласно предписаниям омыли в воде великой реки статую богини, перед непорочностью которой склонялись все.

Царь остановился на южном берегу Ганга, несущего светлые воды, где северные цари возвели для него громадный дворец, украшенные рубинами мандапы, отделанные золотом подмостки, увитые лианами пандары. Спальня его была поистине великолепна; дворец был окружен густой цветущей рощей, где помещались покрытый лотосами пруд и сцена для танцевальных представлений. Небесные девы украсили душистыми гир-

ляндами цветов грудь и голову доблестных воинов, что погибли в сражении, сокрушая гордыню северных царей. Они бились насмерть с северными царями и теперь лежали в земле, вызвав восхищение своего властелина. За царские пиры и почести они заплатили своей жизнью и умерли, как отважные воины, в кровавой резне с врагами. И на могилах воинов, павших с мечом в руках, девы-духи, с зиявшими вместо глаз отверстиями, плясали танец смерти, прославляя убитых. С украшенной раной грудью они легли в землю, и рядом с ними — их верные жены, украшенные браслетами. Прежде чем броситься на врагов с мечом в руках, они украсили свои племени гирляндами мимозы. Отважные царские воины упали рядом со стремительными колесницами врага, и кровь глубоких ран была их гордостью в предсмертные мгновения*. При виде разбитых голов, украшенных коронами и удостоенных редкой славы, при виде падающих наземь воинов с пронзенной грудью у самого Бога смерти пробудилась жалость.

Поэты прославляли подвиг царя, и празднующий свою победу Сентгуттуван призвал их к себе и каждого одарил золотом и гирляндами левкады, проявив большую щедрость, чем даже в годовщину своего царствования.

Царь возлежал на своем широком ложе, и на его груди красовалась гирлянда победителя, когда в его покои вошел брахман.

— Живи, наш царь! От лесных напевов Мадави треснули головы Канаки и Виджайи, несущие бремя каменной глыбы. Живи многие годы, о царь, повелевавший древней землей, окруженной морями.

Сентгуттуван сказал в ответ на это:

— О брахман четырех вед! Твои загадочные слова непонятны многим в этой земле наших врагов. Что знают твои слова?

И брахман Мадалан отвечал царю так:

— Когда в прохладной цветущей роще на берегу моря танцовщица Мадави, предаваясь любовным утехам с Коваланом, своими песнями вызвала у него обиду, это совпало со временем созревания плодов кармы. Даже не обняв Мадави, он расстался с нею, вернулся

в свой родной город и вместе со своей благородной красавицей-супругой отправился в древнюю и величественную Мадур, знаменитую своими высокими дворцами. После того как Ковалап был безвинно убит, царь Панды, носивший гирлянду из пальмовых листьев, вознесся на небеса, а Каннахи — непорочная супруга убитого Ковалапа — пришла в твою страну. Дабы умиловать богиню Каннахи, ты, о великий царь Черы, совершил поход в Гималаи, и каменная статуя Каннахи раздавила короны северных царей.

Соблаговоли выслушать, о царь, чья могучая рука сжимает победный меч, причину того, почему я пришел сюда. Я обошел справа кругом гору Поди, где жил великий мунн*, и, совершив омовение в заливе у мыса Коморин, возвратился домой. Но когда созрели плоды кармы, я отправился в достопамятную Мадур, где правил царь с неотразимым мечом.

Когда царица Мадари услышала, что Каннахи, украшенная золотыми браслетами, повергла самого пандийского царя, обладавшего могучей армией, она пришла на покрытый пылью луг, где собирались пастухи, и сказала:

— О люди пастушеского племени! Супруг Каннахи — Ковалап умер безвинным! Повелитель Мадур поступил несправедливо. Отныне у нас больше нет надежного покровителя: погнулся его скипетр, и разве можем мы теперь укрыться под его серебряным зотом? — И в полночь, в крошечной тьме, она вошла в пылающий костер.

Благочестивая Кавунди, прославившаяся своим тапасом, услышала о гибели властелина большой страны, скипетр которого всегда сиял, и воскликнула в скорби:

— Так вот каково свершение кармы тех, кто был вместе со мною?

И она дала обет неприятия пищи, отчего ее душа вскоре покинула тело. Когда до меня дошла молва о несчастье, постигшем славную столицу царя Сежняна, сидевшего на золотой колеснице, то, охваченный печалью, я возвратился в свой родной город и рассказал высокородным людям Пукара о случившемся. Услышав о том, что вынес его сын, о том, что пережила Каннахи,

и о том, что случилось с властелином Мадур с непокрытым скипетром, отец Ковалапа впал в глубокую печаль. Свое неисчислимое богатство он роздал другим. Сокрушенный Масаттуван ушел в обитель семи вихар Индры, где жили триста антарачариков. Вместе с этими отшельниками он стремился к прекращению рождений в рожаемых телах*. Супруга отшельника Масаттувана столь сильно скорбела о сыне, что не перепесла страданий и душа ее покинула тело.

Свершив очищающую дхану и раздав все свое богатство, отец Каннахи вступил в обитель адживаков, где обладающие обликом богов отшельники предавались великому тапасу. Манейкижати — супруга свершившего дхану — по простевии дня покинула тело, отпустив от него душу. Когда же печальная новость дошла до танцовщицы Мадави, то она сказала своей доброй матери:

— Отныне я пойду по благому пути. Но пусть дочь моя Манимехалей никогда не познает горестей мира таник.

Она приняла дхарму, остригла свои волосы и затворилась в буддийской обители. И, поскольку все они слышали о случившемся несчастье из моих уст, а иные, услышав, умерли, то теперь я иду совершить омовение в священных водах Гапта. Вот почему я здесь. Живи, о властелин царей!

Властелин неувядаемой столицы Ванджи, чья корона украшена цветущей левкадой, обратился к брахману со словами:

— Поведай мне, что случилось с Пандьей после того, как умер ее могучий и достохвальный властелин!

И брахман Мадалан изрек:

— О властелин беспредельного царства! Ты сокрушил в один день зонты девяти царей, когда те противостояли твоему зятю Валлавану Килли, не склонившись перед его повелением и не согласившись на его право наследовать трон. Благодаря твоей силе золотое колесо его власти пошло по должной колее. Государь,носящий на груди гирлянду пальмовых листьев! Твоя правая рука сжимает острый меч; ты сокрушил огромную и ветвистую маргозу, с которой не спускал глаз царь гор

Пажаян. Соблаговоли выслушать мои слова. Царь Коркея Сежиян, в руке которого сверкает победный меч, в границах одного дня принес в жертву великой священной патни, в гнев вырвавшей свою грудь, жизни тысячи ювелиров. Погнулся дотоле справедливый скипетр пандийского царя и на царство обрушилась череда жестоких бедствий. На пандийский трон взошел царь из той же лунной династии. И этот бог вечерней луны взошел на свою колесницу, словно сам бог утренней зари, когда утром он восходил на свою божественную колесницу об одном колесе, запряженную семеркой стремительных лошадей с упряжкой, сверкавшей золотом и рубинами. Живи, о наш владыка! Оберегай из века в век наш мир! Живи, о великий!

Напрягли слух и мысль, внимал Высший царь всему, что говорил мудрый брахман. Тем временем зашло солнце, над необозримым миром спустились сумерки, затемняющие душу. Но вот край горизонта просветлел и восходящий полумесяц залил землю серебряными лучами. Восхищенным взором смотрел царь на дивный полумесяц, и предстал перед властелином придворный астролог, возвестив:

— Живи многие лета, властелин земли! Прошло ровно тридцать два месяца, как ты покинул Ванджи.

В задумчивости Сенгуттуван прошел между веренищами колесниц, закрытых с обеих сторон колоннами с навешенными вдоль полотнами. Дойдя до конца лагеря, он постоял, созерцая гряду высоких и низких гор. Затем он вернулся в свой шатер и сел на золотой трон, изготовленный и украшенный лучшими ремесленниками.

Стражнику он приказал снова позвать брахмана Мадалана и, когда тот пришел, спросил:

— Скажи мне, после того как умерли славные цари династии Чолы, справедливо ли правит теперешний властелин этого обширного и богатого царства?

— Да живет наш славный повелитель! — воскликнул Мадалан, брахман благих вед. — Может ли совершить несправедное деяние меч властелина, повергший в прах три крепости и вызвавший изумленные похвалы небожителей, что украшены алмазами и излучают си-

яние? Может ли отклониться от соблюдения дхармы царь, который, спасая прыгающего на слабых ножках голубя от устремившегося на него сокола, отрезал кусок собственного тела и бросил хищной птице? Неужели может наступить время, когда погнется его скипетр?

Нет, даже во времена великих бедствий чужд несправедливости царь страны, оберегаемой священной рекой Кавери.

Властелин, украшенный гирляндой пальмовых листьев, возлюбил брахмана и приказал дать брахману столько чистого золота, сколько он весит сам. И Мадалану дали в дар пятьдесят сэров золота. Затем он повелел освободить плененных им сто северных царей и отпустить их на родину.

Царь послал тысячу своих советников, давших умные ответы на надменные вопросы враждебных царей. Им надлежало показать двум великим тамильским царям плененных Канаку и Виджайю, столь оскорбительно говоривших о силе тамильских царей, украшенных гирляндами незапятнанных пальмовых листьев. Вместе с ними он отправил тех некогда могучих северных царей, которые бежали с поля сражения в одеянии отшельников.

Вместе с пленными царями везли также одного царя — гермафродита с курчавой бородой, с черным хохолком на макушке и бегающими, словно карпы, глазами с красными прожилками. На ушах уroda висели длинные листья. Сверкали белые зубы и выпяченные губы напоминали кораллы: руки были увиты браслетами и были подобны гибкому бамбуку. Выступали девичьи груди, талия была тонкая и хрупкая, на лодыжках коротких ног звенели женские кольца.

От тихого плеска вод священного Ганга на полях начали пробуждаться ото сна цветы и пчелы завели свои мелодии. Над далекой горной вершиной показалось солнце, озаряя лучами вселенную. Царь западной страны, одержавший победу и украсивший свою корону северной левкадой, двинулся со своим славным войском домой, на юг.

Золотой дворец излучал сияние, затмившее лучезарное солнце, восходящее над бескрайней землей и посылающее свои первые лучи на богатейший город мира. Спальня была отделана искуснейшими мастерами: все стены были украшены золотой резьбой и изящными рисунками. Жемчуг редкой красоты придавал особое очарование покоям. Стояло здесь и царское кресло, где искусная резьба дерева сочеталась с рисунком по золоту и инкрустацией. Роскошное ложе покоилось на золотых ножках, и подушки были набиты лебяжьим пухом, который птицы сбрасывают в пору любви. В этом дворце и страдала в разлуке со своим супругом царица, которую старались утешить придворные девы: до них уже дошел слух, что их повелитель, одержав победу, возвращается домой на стремительной колеснице. Они поли для царицы песни, желали долголетия, говоря, что ей пора перестать тосковать по любимому супругу, который уже возвращается домой.

К царице подошли служанки, горбунья и карлица: — Наведи красоту, царица! Вернулся великий властелин! Убери свои благоухающие локоны в этот веселый день.

Уже доносятся песни горцев: «Пусть будет кратким путь царя, восседающего на быстром слоне и украшенного гирляндами северных лиан и левкад!» Куравары сидели на отдаленных холмах и воспевали добродетели царя, в то время как из лесу выходили лесные жители и ложились прямо на засеянные просом поля, а лесные охотники, напившись меда, выпустили из рук пращи и перестали метать камни в слонов.

Слышалась и песня землепашцев: «Наш царь сокрушил крепости северных царей, и, запрягнув осла в плуг, он вспахал землю, на которой они стояли, и засеял ее белым просом. Вот он вернулся, и завтра, буйвол, я не привяжу тебя к плугу. Наступает царский праздник, освобождающий всех от ярма и цепей».

В прохладной воде Анпоруней совершали омовение, и по воде плыли ароматная паста, сандаловая пудра и гирлянды цветов. Залив сверкал яркими цветами, слов-

но небесная радуга. Раскрылись нежные лотосы с жемчужными лепестками, над которыми кружились пчелы. В волосах совершавших омовение красовались лилии и лотосы. Пастухи, которым достался царский скот, заиграли на лютиках и запели:

— Вернулся лучник. Он привел с собой тучное стадо, которое паслось в далеких Гималаях. И наше стадо теперь смешается с ним.

Среди густых цветущих лавров на морском берегу, омываемом идущими из глубины волнами с серебряными гребешками, играли в орехи рыбаки. Разыскивая жемчуг, рожденный раковинами с линией, идущей вправо и предвещавшей счастье, девушки пели игривые песни:

— Вернулся наш властелин; лаская нас, он будет пить аромат наших нежных грудей и пышных рук. О красавицы, восславим песнями героя, украшенного гирляндами левкады и пальмовых листьев.

Слушая эти песни, великая царица поправила на руках золотые браслеты. Раковины, предвещающие удачу, своей пронзительной музыкой возвестили о приближении победоносного властелина. Под огромным белым шелковым зонтом на шее стремительного слона Сентуттуван въехал в Ванджи. Царя встречала процессия слонов.

Глава XXVIII

ВОЗВЕДЕНИЕ СТАТУИ

Словно дарующая прохладу луна, высоко поднят царский зонт над городом, которым правит могущественный царь, обнаживший острый меч в защиту своих подданных. В величественном городе Ванджи наступали те вечерние часы, когда распускаются цветы. Красивые женщины, тонкие руки которых были увиты сверкающими браслетами, клали яркие цветы перед светильниками, восклицая: «Да блаженствует в долголетьи повелитель мира!»

С наступлением ночи женщины, глаза которых были подведены сурьмой и похожи на большие черные лотосы, страстно сжимали в объятиях своих возлюбленных — воинов, возвратившихся с победой с битвы и украсивших свой шлем золотой гирляндой левкады. На груди этих воинов, одолевших врагов мечом, еще не зажили раны; у одних могучая грудь была рассечена белым бивнем боевого слона; у других широкую грудь пронзило длинное копьё; иным в грудь вонзилась острая стрела; были и такие воины, грудь которых была рассечена в битве мечом, а теперь, заживленная, украшена редкими рубинами. Женщины бросали взгляды, подобные цветам, которыми стреляет Тот, на чьем знамени изображен дельфин*; волосы женщин, умащенные пастой орлиного дерева, подобны облакам; брови их подобны натянутому луку. Взгляды этих красавиц были для храбрых воинов тем лекарством, которое заставляло забыть прежние тяготы. Их губы были пунцово-красными, словно большие кораллы; красивые глаза подвижны, словно черные карпы; легкая улыбка обнажала их ровные зубы. Эти красавицы, чье тело подобно свежему манговому ростку, умели дарить наслаждения уставшим в походе воинам, грудь которых носила следы свежих ран. Во время страстных объятий красота их блекнет и волосы распускаются. Они ставят перед собою зеркало, чтобы нарисовать на лбу тилак, благоухающий мускусом, умастить лицо, причесать локоны, аромат которых привлекает пчел, украсить гирляндами и полюбоваться своей красотой. Затем они берут в руки небольшую вину с изогнутым грифом и пробуют гамму, начиная с до. Затем они играют мелодию, что начинается с ноты ре. И затем красавицы устраивают для отважных воинов пышное угощение.

Появилась над достойным славы городом луна, озарившая своими лучами землю, которая отвечала ей благоговейным поклоном. Но скоро она скрылась, эта оберегающая мир луна, чей благой лик столь напоминает лик Сенгуттувана, наступившего на короны поверженных царей ногой со звенящим кольцом.

Нежно воркуя, красавицы и их возлюбленные вошли в покрытую цветами спальню, залитую серебристым

лунным светом, где восседал сам Обладатель длинного копья, держащий наготове пять стрел*. Возлюбленные возлегли на ложе с серебряными ножками и остались одни, охраняемые прохладными лунными лучами.

В центре древнего города, обнесенного стенами, по которым ползут вверх лианы, сверкает золотом дворец, словно гора Меру, возвышающаяся посреди необозримой земли, что окружена грозными волнами. Великая царица Венмал вышла на террасу, сверкающую драгоценными камнями, чтобы полюбоваться луной. По одну руку служанки, украшенные браслетами, несли светильники и желали царице благоденствия; по другую руку служанки били в звучные барабаны и играли на лютике, напевая сладостные песни. По одну сторону шли горбуны и карлицы, неся мускус и сандаловую пасту для умащения тела; по другую сторону гермафродиты в женском одеянии несли краски, благовония и гирлянды. Они украсили спальню красивыми цветами, наполнили ее ароматом курений и благовоний. Чинно несли украшения из драгоценных камней.

Скоро на террасу, усыпанную бриллиантами, поднялся и сам царь, повелевавший землею, окруженной полноводным океаном. И вот позабавить царя своим искусством вышел саккеян из Парайура, славного своими постигшими четыре веды брахманами. С великим возбуждением он исполнял бурный танец Того обладателя чудесного века*, частью которого является Ума. Звенело кольцо на ноге саккеяна, громко звучал барабан в его красивых руках, его глаза с покрасневшими белками металы тысячу выразительных взглядов, разлетались рыжие волосы. Но у танцующей Умы не звенели ее ножные кольца, при единого звука не издавали браслеты на руках и драгоценности на поясе, неподвижны были нежные груди, безмолвны были длинные серьги и ни разу не пошевелились усыпанные рубинами локоны. Когда саккеян вознес похвалы царю обширной земли, тот вошел в тронный зал. Стражники возвестили о приходе брахмана Мадалана, советника Нилана и посланников. Нилан, войдя в зал вместе с некоторыми священнослужителями, сказал:

— О властелин, на ноге которого бряцает кольцо героя! О царь, украшенный гирляндой левкад! Мы отправились в древний город Чолы, которым правит Сембиян. Мы предстали перед царем в дворцовой зале, выстроенной царями Ваджры, Аванти и Магадхи. Вместе с нами перед царем Чолы предстали арийские цари, поверженные тобою. После того как мы склонились к ногам властелина Чолы, тот обратился к предводителю колесниц царского войска:

— Для тех, кто с великим мужеством сражался в бою, нет отваги в том, чтобы пленить врагов, невредимыми бежавших с поля битвы в обличии отшельников, бросив мечи и оставив свои царские зонты.

После этого, о царь с непогрешимым скипетром, мы простились с властелином Сембияном, грудь которого украшает гирлянда, подобная луку Индры, и отправились к пандийскому царю, правящему в величественной Мадуре. И властелин Пандьи, держащий в руках победный меч, сказал:

— Удивительна победа царя, гнев которого разросся, словно огонь. Он одержал победу над арийскими царями, которые в сражении предались отречению от мира и облачились в одеяние совершающих великий тапас. Сентгуттуван отправился к вершинам Гималаев, чтобы на Кайласе почтить Того, часть которого — Ума*. Сентгуттуван вознес бамбуковый шест, служивший ручкой знаменитого белого зонта, сделанного как символ Джаянты.

В то время как Нилан с подробностями передавал все эти оскорбительные речи двух южноиндийских царей, прекрасные лотосоподобные глаза Сентгуттувана засверкали злобой и он презрительно засмеялся.

Тогда поднялся брахман Мадалан с непогрешимым знанием и воскликнул:

— О, благоденствуй, царь царей! Пусть живут в веках твои победы. После того как ты сокрушил царство Виялур, где растут лилии с крохотными бутонами, ты одержал победу в битве у Неривайила над девятью царями, украшенными цветами смоковницы, там, где слоны спят на поросших острым перцем холмах. На быстрых колесницах с громадным войском ты дошел до Идум-

била, где в жестокой битве разбил врагов и преследовал их в безбрежном море. На берегу великого Ганга с быстрым течением ты победил арийских царей, которые в ярости устремились на тебя.

О повелитель громадного войска! Твою грудь украшает большая гирлянда цветов! Ты лев среди великих и мудрых царей. Умерь свой гнев, повелевающий землей царь! Пусть число дней, которые тебе суждено жить, будет больше, чем песчинки в прохладной Анпоруни. Да будут дарованы тебе долгие дни, о повелевающий страной, омываемой волнами бездонного океана. Сблаговоли выслушать без презрения мои слова!

Пять десятилетий ты оберегаешь мир своей заботой, но ты не совершил священных жертвоприношений; все твои жертвы принесены на кровавых полях брани. С мечом в руках ты выполнил все свои обеты, о царь, предки которого, украшенные гирляндами пальмовых листьев, были столь славны и могущественны. Один из них сокрушил морское царство кадамбы, а другой высек на склонах Гималаев стрелометный лук — символ своего могущества. Третий царь, выслушав поэму брахмана четырех вед, проводил его в вышний мир. Был среди твоих славных предков могущественный царь, указавший самому царю смерти порядок, в котором он должен забирать души людей. Еще один царь покорил золотые вершины Гималаев и завладел плодородной страной, где правили яваны с грубой речью. Был царь могучий, который со своим могучим войском взял быстрым натиском горную крепость и далеко погнал вражескую армию. Еще один твой славный предок совершал омовение в месте, где воды славной Айирей смешиваются с волнами двух морей. Наконец, был и такой, что призвал в Ванджи бхуту Чатушку и устроил ему жертвоприношение возлияньем сомы.

Но всеми имп завладеет царь смерти. Ты знаешь, наше тело не вечно. О царь, о хранитель, не видел ты разве, что не вечно богатство живущих в этом обширном мире, когда были повергнуты в унижение арийские цари, что оскорбили сильных тамильских царей! Стоит ли повторять знающим, что молодость здесь не вечна? О царь справедливого скипетра, на широкой груди

которого распростерта Шри, разве ты сам не видишь, как седеют волосы и стареет тело?

Благие души, воплощенные в форме небожителей, перевоплощаются в тела земных людей; души, облекшиеся в тела людей, о могучий, могут перевоплотиться в животных; вечная душа покидает тело животного, чтобы оказаться среди терзаемых обитателей адского мира. Подобно актерам, пляшущим на подмостках, бесценная душа не в состоянии сохранить свою роль и облик; она их беспрестанно меняет. Обладающие незапятнанным видением говорят, что душа идет по пути совершенных деяний. О ты, чья грудь украшена гирляндой из семи корон! О царь с победоносным мечом, да возвращается из поколения в поколение чакра твоей справедливой власти!

О ты, превзошедший пределы знания, мне не нужно вознаграждения частью твоих редких богатств. Я не могу перенести, чтобы благая душа, обитающая в превеликом теле, перешла из благоухающего цветами мира на общую стезю. Небожители даровали тебе достойную похвал стезю, и тебе надлежит с помощью брахмана, совершающего жертвы, предписанные четырьмя ведами, совершить великое благое жертвоприношение, приличествующее царю из рода, следующего замечательным ведам. Ты можешь сказать, что исполнишь дхарму завтра, но что, если твоя благая душа, наделенная восприятием, покинет тело сегодня? В целом мире, окруженном океаном, нет людей, знающих время, которое им осталось прожить. Достойный властелин! Да будет даровано долголетие тебе вместе с великодушной царницей! Да будет веками охраняем тобою мир, отважные цари которого, звеня ножными кольцами, припадают к твоим стопам и восхваляют тебя.

Слова постигшего веды брахмана вспахали поля царского разума и засеяли их семенами мудрости. Из этих семян вырос обильный урожай мудрости. Радуюсь ему, властелин с ножным кольцом отважного воина созвал совершающих жертвы брахманов, постигших четыре веды, обладающих совершенной мудростью, и повелел им совершить жертвоприношение и устроить славное празднество в порядке, указанном Мадаланом. Он при-

звал к себе Виллавана Готу и приказал ему раскрыть запоры темниц, выпустить арийских царей, вывести их из древнего и достославного Ванджи и препроводить во дворец Велавико, построенный для жертвоприношения, окруженный цветущими садами и расположенный на морском побережье. Он приказал обходиться с ними, как надлежит поступать в отношении царей, и повелел объявить им, что они вольны отправляться к себе на родину на другой день после принесения великих жертв.

Затем царь приказал открыть ворота всех тюрем и освободить всех подданных от податей, направил гонцов в Ажумбил и Аяканаккар, с тем чтобы и там было исполнено его повеление.

Древними тамильскими мудрецами было изречено, что «непорочность величественных женщин не принесет блага в стране, где не соблюдается великая дхарма царей». Потому патни, которой поклоняется мир, даровала милость властителю Чолы, волосы которого украшены цветами смоковницы. Царь Пандьи, оберегавший южное царство, на самом себе испытал истинность того слова, что «не живет царь, ежели гнется его скипетр». Непобедимому царю Черы она ниспослала милость, дабы враждующие с ним северные цари не уразумели истины тех слов, что «великий гнев властелина не утихнет, пока он не сдержит клятвы покарать недругов».

В гневе на великий город Мадур патни извлекла огонь из груди и спалила город. Она оказалась в нашем царстве и забрела в прохладную тень густого венгая с золотыми плодами.

И вот собрались приверженные дхарме брахманы, дворцовый брахман, великий астролог, знаменитые зодчие и мастера. Великие строители и другие люди, знающие священные книги вышних, возвели храм патни. Лучшие скульпторы восславили украшенное полумесяцем божество, обитающее на вершине Гималаев вместе с другими обладателями дивных век*, и высекли из каменной глыбы, привезенной с этих северных гор, статую их нового божества. Редкими рубинами и драгоценными камнями украсили статую и весь храм, к ногам

богини возложили цветы, у входа в храм поставили изваяния богов стран света. И лев среди царей, покоривший северные страны, присутствовал при освящении храма. Он повелел каждый день устраивать благоприятствовавшие жертвоприношения и празднества в честь этого божества.

Глава XXIX

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Сенгуттуван был сыном Сераладана, который безраздельно правил мпром от мыса Коморин до северных Гималаев. Мать его была дочерью царя Чолы из сверкающей династии Солнца. Сенгуттуван разбил врагов в жестоком сражении и совершил поход до берегов Ганга. Когда гнев его пролился на врагов, он возвратился в Ванджи и тут услышал от отшельников великого тапаса, пришедших с севера, что северные арийские цари, собравшись на знатной свадьбе, насмеялись над тамильскими царями южных стран. Эти северные цари говорили, что тамильским правителям не сравниться с ними силой, хотя они совершили поход до Гималайских гор и высекли на их склонах блестящий лук, свирепого тигра и рыбу. И тогда Сенгуттуван решил пойти походом в Гималаи, чтобы взять там камень для статуи божества. Этот громадный гималайский камень он замыслил водрузить на венценосные главы арийских царей, дерзнувших его оскорбить. Внезапное решение подвигло его быстро двигаться на север — так катится колесо под ударами короткой палки. Его замысел свершился, он освятил громадный камень в водах великого Ганга, и только тогда утих его гнев. Он возвратился в свой великий город Ванджи, показал всем статую и возвел храм Каннахи, из груди которой вырвалось пламя, поглотившее город. Многие цари обширной земли приходили в этот храм и простирались вместе с высокой короной пред божеством и возлагали богатым приношения.

Масаттуван — отец Ковалана — услышал из уст непогрешимого брахмана, постигшего великие веды, горестный рассказ о том, как его сын Ковалан, когда созрели плоды его кармы, был убит негодяем. Он узнал, как из больших, словно карпы, глаз Каннахи лились безутешные слезы по скорбному лицу, прежде напоминавшему полную луну, как Каннахи бродила со спутанными и взъерошенными волосами, посылая проклятия богу, как Каннахи обнажила несправедливость перед самим царем и как он, увидев слезы Каннахи и узнав подлинную правду, лишился жизни. Масаттуван отрезшился от мирской жизни, а его старая жена умерла.

Случилось и другое: кормилица Каннахи, ее молочная сестра и Теванди, почитавшая бога Чаттана, решили пойти в Мадур, чтобы повидать Каннахи. Когда они узнали, какая бедаизошла на город из юной груди Каннахи, то пошли в селенье пастухов и встретились там с Айяй, дочерью Мадари, умершей вскоре после несчастья, которое стряслось с Каннахи, нашедшей у нее приют. Вместе с Айяй они пошли вверх по реке Вайхей, взойшли на высокую гору и вошли в храм царственной Каннахи. Они рассказали Сенгуттувану, устроившему празднество в честь женщины, все, что они знали про Каннахи.

Слова Теванди

Узнайте же, что я подруга божества, родившегося в Чоле. Я подруга прекрасной женщины-богини, на руках которой сверкают браслеты и которая совершала омовение в стремительных водах Ганга; она родилась на севере в высоких Гималаях, где обитает бог, покровительствующий трем южным царям.

Слова кормилицы

Знайте, что я кормилица прекрасной женщины-богини из прохладного Пукара, которая никогда не гневалась на дивную нежную Мадави. Держась за руку любимого супруга, она безбоязненно вошла в дремучие джунгли, в которых пересохли все родники.

Слова молочной сестры

Знайте, что я подруга детства женщины-богини, выросшей в цветущем Пукаре. Мы вместе играли в детстве с богиней, которую так красят золотые браслеты. Ни единого слова не сказала она ни своей матери, ни моей матери, что вырастила ее, ни мне, но послушно пошла вслед за мужем и украсила себя гирляндой целомудрия.

Причитания Теванди

Не исполнившая тапаса, я слушала в тот день твой рассказ о страшном сне. Не поняла я сна, о, что я совершила? Моя подруга! Знаешь ли ты, что после того дня, когда огонь из груди красавицы с густыми волосами погубил город, испустила дух твоя родная мать? О, знаешь ли ты, что оборвалась также жизнь и твоей све-крови?

Причитания кормилицы

Когда Ковалан замертво пал от руки подлого негодяя, то царь Пандьи, узнав правду, был повергнут в великое горе и лишился жизни. Знаешь ли, о мое дитя, что Масаттуван отрекся от мирской жизни, совершив великую дхану, и сказал, что жить это значит умирать? Слышала ли ты, мое дитя, что и Манайкан отрекся от мирской жизни?

Причитания молочной сестры

О моя подруга, слышала ли ты, что Мадави, узнав о смерти любимого Ковалана и страданиях твоих, его возлюбленной жены, отрешилась от мирской жизни: услышав недобрые пересуды чужих людей, она, убитая горем, свершила святую дхану, раздарив свое богатство, и решила исцелить душу, слушая проповеди великих аскетов, сидящих под деревом бодхи. Знаешь ли ты, что и Манимехалей отрешилась от мирской жизни?

Причитания Теванди

О подруга, разве ты не видишь Айяй с ровными острыми зубками? Красавица не вышла замуж — ведь это дочь Мадари, которая покинула эту жизнь со словами: «Я не могла сохранить жизнь той, которую поручила мне оберегать святая с непогрешимым видением. Я схожу от горя с ума. О подруга, разве ты не видишь перед собой свою красивую сестру?»

Восклицание Сенгуттувана

О, что это? Что это? Что это? Что это высоко в небе и сверкает, словно молния? Это женщина, это Канпахи с золотым ножным кольцом, жемчужным поясом, тонкими браслетами на руках и золотыми серьгами в ушах.

И появившаяся в небе Каннахи воскликнула:

— Южный царь невинен. Он лучший гость во дворе царя Богов. Я стала теперь его дочерью. Я играю на холме Обладающего победоносным копьем*; идите ко мне, все мои подруги.

Восклицания женщин Ванджи

О женщины Ванджи! Женщины, чья талия тонка и гибка, как лиана Ванджи! Красавицы, чьи нежные ножки окрашены лаком!

Идите сюда, все вы! Мы воспоем богиню, вырвавшую грудь и спалившую великую Мадуру. Своим прекрасным браслетом она победила великого царя. Идите сюда, все вы! Мы воспоем дочь пандийского царя! Идите сюда!

Идите сюда! Мы воспоем добродетели женщины-богини с тонкими браслетами, которая пришла к нам в страну, когда царь нашей Черы изрек справедливые слова:

— Властелин Пандьи не станет жить, если погнется его скипетр. Идите сюда все! Воспоем дочь самого пандийского царя!

Песня девушек

Мы нарекли се дочерью нашего царя Черы! Но она сама, тонкая, как липа, назвалась дочерью царя Вайхей*. Воспоем же добродетели нашего могучего царя! И Капнахи вознесет славу царя Панды.

Благословение

Пусть блаженствует великий властелин Панды, покинувший эту жизнь, будучи повержен горестными слезами Капнахи, на которую обрушилось несчастье из-за деяний прошлого рождения. Пусть здравствует славная древняя династия пандийских царей, властвующих над жителями Мадур, стоящей на несущей стремительные воды Вайхей.

Да будет даровано долголетие великому властелину, который водрузил на коронованные головы северных царей изваяние девы-богини из каменной глыбы, спущенной с величайшей из гор мира — Гималаев. Пусть здравствует династия царей, повелевающих градом Ванджи, опоясанным Анпоруной, что славится стремительными водами.

Восславим все вместе царя града, омываемого водами Каверы. О красавицы с благоухающими локонами, воспоем Пукар.

*Песня «лесной шарик»**

Кто этот царь, который оберегает устремившуюся ввысь крепость царя небожителей и правит обширным миром, окруженным грозными морями? Лесной шарик! Царь, оберегающий вышнюю крепость, — властелин Чолы, сокрушивший три крепости, что висели высоко в небе. Лесной шарик! Воспоем же Пукар, славный град Чолы. Лесной шарик!

Кто тот победоносный и непорочный властелин, которого восхваляет Златой мир за то, что он вырезал кусок собственного мяса, чтобы спасти жизнь голубю? Лесной шарик! Этот непорочный властелин, который вырезал кусок собственного тела, — тот же повелитель

Пукара, который в другой раз спас корову, вставшую на пути его колесницы. Лесной шарик! Давайте же воспоем цветущий Пукар, в котором правит славный властелин. Лесной шарик!

Кто тот царь, что высек изображение свирепого тигра на склоне одной из гималайских вершин, в то время как восемь слонов, поддерживающих земную твердь, не мигая взирали на это? Лесной шарик! Этот царь, высекший тигра на склоне гималайской вершины, — непобедимый властелин Чолы, под зонтом которого отдыхает обширный мир. Лесной шарик! Воспоем же повелителя цветущего Пукара. Лесной шарик!

Зачем поют красавицы с тонкими браслетами, взяв в руки лесной шарик? Лесной шарик! Красавицы поют в своих домах, приглашая властелина, украшенного гирляндой, прижать к своей груди их упругие, рождающие желание груди. Лесной шарик! Если он прижмет к своей груди их упругие, рождающие желание груди, мы воспоем красивый и славный град Пукар, которым правит царь древнего рода. Лесной шарик!

Песни «мяча»

Красавица, ты сверкаешь словно золотая липа! Блестят твои золотые гирлянды, и подобно молнии сверкает твой расшитый жемчугом пояс! Давай подбросим мяч; подскакивая, он будет говорить: «Южный владыка да живет!» Давай подбросим мяч; подскакивая, он будет возвещать: «Живет пусть Панды царь, владыка Юга, чья грудь украшена гирляндой Богов».

Давай подбросим мяч; он будет весело прыгать по бескрайней земле, падая и отскакивая, словно сверкающая молния. Он будет всюду скакать, там и сям, и возвещать: «Владыка Панды да живет!» Подбросим мяч; он будет прыгать и возвещать: «Живет пусть Панды, владыка Юга, чья грудь украшена гирляндой Богов!»

Давай подбросим мяч; полетев вверх, он не останется там; ударившись о землю, он отскочит от нее. Он будет непрерывно прыгать то вверх, то вниз, возвещая: «Владыка Панды да живет!» Давай подбросим мяч; пусть прыгая, он возвещает: «Живет пусть владыка Юга, чья грудь украшена гирляндой Богов!»

Песня на качелях

Давай покачаемся на качелях, так чтобы расширились наши большие глаза. Встанем на качели и, крепко держась за веревки, начнем их сильно и в такт раскачивать вместе с Айяй. Покачаемся же на качелях, так чтобы округлились наши большие глаза, и споем во славу царя, сокрушившего кадамбу. Давай покачаемся на качелях и споем во славу царя, чей символ — тугой кривой лук.

Давай раскачаемся так, чтобы наши волосы разлетались в воздухе, точно облака. И, качаясь, воспоем славу царя наших гор — властелина Черы. Он щедро угощал своих воинов, что впятером одолевали в сражении сотню врагов. Мы будем петь, и качели будут раскачиваться, словно сотрясаемое дерево кадамба.

Давай раскачаемся так, чтобы согнулась наша талия, тонкая, словно молния; давай воспоем добродетели великого царя, оберегающего мир. На его знамени нарисованы лук, карп и тигр; он правит громадной страной — от плодородного края яванов с грубой речью и высоких гималайских скал до мыса Коморин. Давай раскачаем качели и воспоем славу царю, который повелел высечь лук на склонах Гималаев.

Песни пестика

В тени цветущего канджи красавицы Пукара толкут жемчужные зерна сахарным тростником, как песком, и поют, славя царя Чембияна, восседающего на громадной стремительной колеснице, славя его могучие плечи, на которых лежат благоухающие гирлянды. Вот о чем поют красавицы Пукара.

Красавицы Мадур, знаменитой своими высокими дворцами, толкут коралловыми пестиками жемчуг, что был восхвален во многих песнях. Они воспевают отвагу царя Панджавана, на могучих плечах которого лежит гирлянда властелина небожителей. Они воспевают царя, который несет на своем знамени рыбу; властелина, украшенного маргозой гирляндой, по которому томится сердце. Вот о чем поют красавицы Пукара.

Красавицы Ванджи толкут в сандаловых ступах дивный жемчуг, и пестиком им служит бивень слона. Они воспевают обширный мир, по которому разнеслась слава об украшенном гирляндой царя Черы, который сокрушил кадамбу посреди океана. Они поют песни о царя, украшенном гирляндой пальмовых листьев, по которому вздыхает влюбленное сердце.

Не могут благословлять царя Черы, потрясающего огромным луком, те властелины, что не припадают к его благим стопам. И излучающая свет наша царица — богиня Каннахи изрекла хвалу:

— Пусть многие века блаженствует Сенгуттуван!

Глава XXX

БЛАГОДЕЯНИЯ

Великому царю Сенгуттувану, покорившему северные царства, явилась Каннахи, обладающая великими достоинствами небожителей, в своем божественном облике. Царь с добротой посмотрел на Теванди и спросил:

— Кто эта Манимехалей, о которой ты говорила с такой любовью? Почему отеклась она от мира? Расскажи мне!

Теванди благословила царя и поведала ему историю о том, как отеклась от земных радостей Манимехалей, выросшая среди танцовщиц, украшенных драгоценными поясами.

— Пусть возрастает, не зная ущерба, могущество нашего властелина! Да множится плодородие твоей страны!

Густые черные волосы этой девушки были заплетены в пять кос. Ее чистые глаза с красными уголками сразу чувствовали ложь, но сердце ее было чуждо обмана. Улыбка открывала за коралловыми губами ровные сверкающие зубы. Ее созревшие и пробуждающие желание груди начали слегка опускаться книзу. Начали округляться ее бедра, утончилась хрупкая талия, стали полнее ноги выше колен — в ней созревала жен-

щина. Ее маленькие ножки с натянутой блестящей кожей испытывали боль от тяжести драгоценностей и украшений. Но молодые люди из знатных семей еще не видели ее, ибо устроитель представлений никогда не выпускал ее на сцену.

— Однажды старая бабка Манимехалей спросила ее мать, Мадави: «Что намереваешься ты сделать с ней?»

Мадави подозвала свою красивую дочь и погладила ее локоны, украшенные душистыми цветами. Она вознамерилась послать дочь в буддийскую обитель, где та пойдет стезей дхармы. Бестелесный уронил на землю свои цветоносные стрелы, из его рук выпал его меткий тростниковый лук. Когда властелин города и все его жители услышали о судьбе Манимехалей, то опечалились так, словно уронили бесценный рубин в глубокое море. Мудрый свершитель великого тапаса, услышав от неопишуемой красоты Манимехалей о ее желании отрешиться от земной жизни, встретил ее с чувствами жалости и любви.

Произнося слова о том, как украшенная тонкими браслетами девушка, красоты которой могла бы возжелать сама Лакшми, отреклась в пору цветущей юности от земных радостей, Теванди вдруг зарыдала. Из ее волос выпали цветы, задрожали брови, искривились ее похожие на кораллы губы; обнажились зубы и послышались странные слова; красивое лицо покрылось испариной. Налились кровью красивые глаза. Она размахивала руками и била ногами по земле. Отличавшаяся ясным разумом Теванди была одержима божеством, и се никто не мог узнать. Она изрекла такие вещие слова:

— Среди кротких, скромных и красивых женщин, явившихся на освящение храма божества Каннахи вместе с повелителем Черы, где цветут благоухающие куринджи, были также две сестры-близнецы, которых родила украшенная тонкими браслетами супруга Аратана Сетти. Там также находилась маленькая дочь брахмана Седакудумби, жреца в золотом храме Возлежачего на змее*. Неподалеку на высокой горе, устремившейся в небо, и стоит храм женщины, приносящей

удачу*. На вершине огромной горы, своими очертаниями напоминающими павлина Муругана, бьет множество родников. Дно этих родников устлано камнями: там есть камни размером с цветом кораллового дерева; есть мелкие белые камушки не больше горчичного семени. Тому, кто искупается в этих водах, открывается тайна их прежнего рождения. Ты принес с собой кувшин — в нем вода из того родника. Когда я увидел тебя в тот раз, о брахман Мадалан, сидящим у храма величественной богини Каннахи, я решил отдать тебе воду, зная твои достоинства. Знай, что вода в этом кувшине не утратит своих божественных свойств, даже если солнце и луна перестанут светить. Стоит тебе окропить этой водой тех трех девочек, и ты увидишь, что им предстанет в ярком свете их прошлое рождение. Узнай же, Мадалан, что я лишь принял облик брахманки, но на самом деле я чародей Чаттан!

Сенгуттуван взирал на эту сцену совершенно завороженный. Он взглянул на Мадалана, находившегося в состоянии радостного возбуждения, и услышал его слова:

— Выслушай мой рассказ, о властелин, и да сплунут все твои горести! Однажды некая Малади дала свою грудь младенцу второй жены своего супруга. Но созрели плоды прежних деяний, и царь мертвых забрал жизнь этого ребенка. Испытывая невыносимое горе и непередаваемую жалость к умершему ребенку, Малади простерлась перед чародеем, и тот явился перед Малади, приняв облик безгрешного младенца и промолвив: «Да исчезнет твое великое горе, мама!» Брахманка Малади была неопишимо рада такому чуду и отнесла мальчика к его матери. Оберегаемый заботами мальчика в древней семье Капьев и со временем превратился в красивого юношу. Он женился на Теванди, совершив над ней обряд обхода вокруг огня. Прожив с ней восемь лет, он принял перед ней свой вечный юный облик и поведал, унесшись ввысь и сказав Теванди на прощание: «Приходи в мой храм!»

Чаттан и явился мне тогда у храма женщины, приносящей удачу, дал мне в руки эту тыкву с водой, настав ее беречь, и исчез. Я принес с собой эту воду.

И вот сегодня Чаттан, явившись в облике брахманки, сказал мне, чтобы я обрызгал водой тех девочек. О царь царей! Я окроплю водой тех девочек, и мы узнаем тайну их прежних рождений.

Брахман окропил трех девочек, и перед глазами каждой упала завеса, скрывавшая ее прошлое рождение.

Одна из них тотчас зарыдала: «О моя родная девочка! Моя неразлучная подруга! Ты даже не поведала мне, в какую нищету погрузился твой возлюбленный и удостовившийся многих похвал муж из-за своего поведения. С сердцем, разбитым от страшного горя твоего супруга, ты вместе с ним, не проронив ни слова, отправилась в чужую страну. И там тебя и твоего супруга подстерегало ужасное несчастье! О дочь моя, почему не возвращаешься ты домой, чтобы утешить нас!»

Заплакала и другая:

«О мой сын! Ты покинул дом в полночь, уведя с собой нежную супругу со сверкающими браслетами, которая жила со мной. Вы ушли, и мое сердце не знает радости. Ты не возвращаешься, сын мой, я не вынесу этого горя».

Вместе с ним причитала и третья: «Я пошла совершить омовение в заливе Вайхей, что так стремительно течет. И когда я вернулась в селение, то услышала от молодых, какое несчастье случилось в Мадуре. Но тебя я не увидела в доме. Где же ты, о юная красавица, что дорога мне, словно мать?»

И одержавший многие победы Сентуттуван, широкую грудь которого украшала гирлянда цветов, удивленно взирал, как перед храмом три крохотные девочки, чьи пухлые красные губки, казалось, были способны лишь на бессвязный лепет, рыдали от горя и причитали, произнося связанные слова совершенно как взрослые.

Царь, на ногу которого звенело кольцо отважного воина, а на груди висела гирлянда пальмовых листьев, посмотрел на брахмана Мадалана, грудь которого украшало священное ожерелье, и тот сказал:

— О, благоденствуй, властелин царей! Все три женщины в прошлом рождении нежно любили Каннахи, перешедшую в вышний мир вместе со своим возлюб-

ленным мужем, который обрел облик небожителей за то, что однажды спас жизнь брахману. Ковалан схватил за бивни разъяренного слона, когда тот бросился на брахмана. Но этим трем женщинам не было суждено оказаться вместе с ними в мире небожителей, ибо они не исполнили благой дхармы. Но они любили ту, что подобна золотой лиане, что без боязни приблизилась к древнему городу Ванджи, и оттого, что сердце было полно этой любви, в новом рождении обе матери появились как близнецы, ошастливив кроткую и добродетельную супругу Араттана Сетти. И оттого, что пастушка Мадари в прошедшем рождении с любовью заботилась о Каннахи, оттого, что она танцевала для нее танец куравей, в новом рождении она стала дочерью брахмана Седакудумбы, совершающего жертвоприношения в храме Возлежащего на змее.

Проявляющие свою благую природу достигают Златого мира; питающие любовь к земным вещам вновь рождаются и идут по пути привязанности; добрые деяния приносят плоды, и дурные деяния приносят плоды. Рожденные умирают; умершие рождаются. Истины эти не новы. Тебе, властелину огромной страны, с самого твоего рождения дарит свою милость Едущий на буйволе *. Итак, не увидел ли ты, словно на ладони, и плоды свершенного тапаса, и лик, обретенный достойным? Да будет даровано тебе долголетие, величественный царь, и да будет оберегаем тобою обширный мир из века в век! — заключил Мадалан.

Возликовал властелин мира Сентуттуван и приказал всякий день приносить жертвы и устраивать празднества в храме вечно юной патни, что, вырвав свою грудь и исторгши из нее огонь, спалила древнюю Мадуру, столицу славной и воспетой в песнях Панды.

Теванди царь поручил принимать приношения благоухающих цветов, курений и благовоений. И сам он трижды совершил обход справа вокруг храма и простерся на земле перед статуей богини.

Затем многие властелины поклонились богине: и арийские цари, выпущенные из темниц, и все другие цари, выпущенные из плена, и повелитель западного Ковгу, и властелин Мальвы, и Гаджабаху, царь Ланки,

окруженной океаном. Все они совершили жертвоприношение и воскликнули:

— О богиня, соблаговоли принять наши приношения и явить нашим странам милость, какую ты оказала в празднество, устроенное во благо тебе покорителем Гималаев.

И из поднебесья донесся голос: «Дарю вам мое благоволение».

Услышав это, возрадовался Сенгуттуван и вместе с ним другие цари и все его многочисленные воины. Возликовав, вознесли они хвалу богине и возжелали идти по истинной стезе, словно дано им было узреть будущее освобождение. Склонились все перед Сенгуттуваном, на ноге которого бряцало кольцо отважного воина, и тот в сопровождении мудрого Мадалана вошел в помещение для жертвоприношений:

Вслед за ними вошел и я. И было мне дано видеть, как Каннахи вошла к Теванди и сказала мне:

— Ты помнишь, как однажды в древнем Ванджи ты сидел у трона твоего царственного отца в мандапе, покрытой драгоценными камнями. И когда прорицатель объявил, что тебе суждено сесть на царский трон, ты хищно посмотрел на него. Ты решил освободить от терзаний своего брата Сенгуттувана, прославившегося своим войском колесниц и украшенного благоухающей гирляндой, и потому ушел в ту сторону, где восходит солнце, и поселился в храме Гунавайил. Там перед святыми отшельниками ты отрекся от всего земного, чтоб достичь запредельного, безгранично далекого бесконечного наслаждения, недоступного мысли.

И я, отшельник Иланго, обращаюсь к вам, удостоенным рассказа о благих деяниях Каннахи, этой юной лианы среди обладателей дивных век. И вам я говорю: «Не будьте причастными ни приятному, ни горестному! Стремитесь познать божество! Заботьтесь о познавших его! Бойтесь лживой речи! Избегайте клеветы! Воздерживайтесь от мяса! Не убивайте живое существо! Творите дхану! Совершайте подвиги тапаса! Не будьте неблагодарны к сделавшим вам доброе! Избегайте дружбы с низкими! Не совершайте лживого свидетельства! Не удаляйтесь от правды! Ищите общества добродетельных!

Уклоняйтесь от общения с недобродетельными! Избегайте чужой жены! Заботьтесь о несчастных и страдающих! Исполняйте семейную дхарму! Избегайте дурных деяний! Бегите вина, воровства, страсти, лжи; избегайте суесловия и немудрости! Юность быстро уходит, богатство и тело непостоянны. Дням жизни положен предел. Сужденое неотвратимо! Ищите все, что поможет прийти туда, куда вы уйдете по окончании этой жизни!»

Конец третьей книги

Итак, закончилась наша история о Ванджи, которую мы посвятили доблестям Сенгуттувана, одного из трех коронованных властелинов Южной Индии, родившегося в величественной династии западного царства Черы и знавшего лишь одни победы. И старинный славный город Ванджи был свидетелем его добродетелей, храбрости и несравненного величия. В городе устраивались частые и пышные празднества, боги являлись его жителям. Граждане Ванджи, как и подданные всей страны, жили среди счастья и богатств. Всюду слышались песни, народ привык к танцам и зрелищам. И великая армия Сенгуттувана, отважные воины которой держали наготове острый меч, одержала много побед: могучего врага она погнала в открытый океан и дошла до берегов великого Ганга.

КОНЕЦ «ПОВЕСТИ О БРАСЛЕТЕ»

Как в зеркале бывают отражены высокие горы, так в закончившейся повести отражены события обширной тамильской страны, с севера окаймленной горами Венката, на юге простирающейся до мыса Коморин, с безбрежными морями на востоке и западе. Страна делится на две половины, где говорят либо на сентамиль, либо на кодунтамиль. В ней области пяти ландшафтов*, где живут люди и боги, посвящая свои жизни дхарме, пользе и наслаждению. В повести рассказано об этих трех великих целях жизни, воспеты любовь и подвиги войны! Здесь говорится о песнях, лютнях, музыке, музыкантах, театральных представлениях и танцах. Обо всем этом было поведано на языке сентамиль посредством песнопений, танцев и описаний.

ЭПИЛОГ *

К просветленному Иланго, принцу Черы, отрекшемуся от своего права на власть и поселившемуся в храме Гунавайил, пришли толпой горные охотники и сказали:

— Соболаговоли узнать то, что кажется чудом. Великой святой патни, вырвавшей себе сосок груди, в густой, дарующей прохладу тени крылоплода с золотыми цветами предстал повелитель богов Индра, показал ей ее возлюбленного мужа и вместе с нею перед нашим взором унесся в небеса.

Находившийся в то время у него Чаттан, знаток звучного тамилия, воскликнул:

— Я знаю, что случилось, и расскажу тебе. В древнем и величественном городе Пукаре, подвластном украшенному гирляндой кондрея повелителю Чолы, некий торговец Ковалан, сойдясь с танцовщицей, которой восхищались ценители искусства, промотал великое состояние и отправился в блистательную Мадуру, богатую храмами столицу величественной Пандьи, прославленной в песнях, чтобы продать там звонкий браслет с ног своей жены Каннахи. Когда он явился вместе с браслетом на самую большую торговую улицу и показал браслет одному ювелиру, тот, решив выдать его за украденный браслет самой могущественной царицы, попросил Ковалана постоять тут же, а сам, поспешив во дворец, сообщил царю, что видел в руках вора из

другого города редчайший бесценный браслет, похищенный у царицы.

Созрело время плодов кармы, и повелитель, украшенный гирляндой с раскрывшимися бутонами маргозы, не расследовав дела, позвал послушных грубых стражей и приказал вора казнить, а браслет принести во дворец. Ковалана казнили, и его жена, Каннахи, в великом горе исходила слезами. Будучи патни, Каннахи решила погубить правителя Пандьи; она вырвала у себя сосок груди, украшенной гирляндой жемчуга; из ее груди вырвались длинные языки пламени. И когда Мадуря была поглощена огнем, Каннахи была названа достойной почитания патни.

— Почему вы сказали, что назрело время плодов кармы? — спросил Иланго.

— Выслушай, о наделенный силой, — воскликнул Чаттан. — В величественной древней Мадуре глубокой ночью возлежал я в серебряном зале во дворце собраний нашего повелителя с короной над сплетенными волосами, украшенными кондреем; перед неустрашимой патни, прошедшей через такие великие страдания, явилась великая богиня, покровительница Мадурь, и изрекла: «Ты вырвала из своей негодующей груди полыхающее пламя. Все последствия созревшей кармы для вас кончаются, и в этом рождении для твоего мужа, о, украшенная тонкими браслетами, сбылось проклятие жены торговца Чангамана в нетленно знаменитом Сингапуре. О женщина с длинными и спутанными волосами, ты не увидишь более своего супруга в облике обитателей этого мира, но когда дважды пройдут семь дней, то к концу дня ты увидишь его в облике небожителя». Я сам услышал эти слова, не извращенные ложью.

Живущим справедливостью повелителя бог дхармы стал богом смерти*, обитатели небес воздали хвалу непорочной жене, исполненной добродетели, созрели дурные деяния кармы, и на совершивших их упали последствия. Поскольку все эти несчастья возникли по вине браслета редчайшей выделки, я создал поэму, содержащую песни, под названием Шилаппадикарам, что значит «Повесть о ножном браслете».

— О мудрый, соблаговоли сделать это, и пусть рассказ в ней пойдет о всех трех повелителях Черы, Чолы и Пандьи, украшенных короной, — сказал Чаттан. — В ней будут песни благословения на свадьбе Ковалана и Каннахи, рассказ о постижении благодаря родителям семейной дхармы, о выступлении танцовщицы Мадави, постигшей тайны своего искусства, об очаровании сумерек, о празднике в честь бога Индры, о купанье в море, о благоухании распускающихся лепестков, о лесных напевах, грустный рассказ Мадави об уходе Камы, рассказ Каннахи о своем тяжелом сне, рассказ о виденных ими странах, рассказ о виденном в пустыне, песни марабаров, рассказ о приходе в Мадурю Ковалана с красавицей-женой, украшенной гирляндами с распускающимися лепестками, рассказ о городе, в котором бьют барабаны, о том, как дали приют исполненной славы Каннахи, о казни Ковалана, танцы пастушек, о веренице несчастий, дурные вести о которых доходят к Каннахи, о пораженной горем вдове, бредущей среди бела дня по городу, о встрече с исполненным славы повелителем, о гирлянде скорби, о полыхающем огне, о появлении Хозяйки Мадурь и ее возвещении, о танцах на горе красавиц, украшенных гирляндами медоточивых цветов, а также вместе с этим об увиденном охотниками, о работе над каменным изваянием Каннахи, его освящении в воде, об установлении статуи Каннахи, о благословении Сентгуттувана, — так слушал Чаттан, мадурский зерноторговец, как покрытый славой Иланго соблаговолил приступить к созданию поэмы из тридцати рассказов, содержащей песни с перемежающимися их вставками прозы. И в этом есть суть эпизода, объясняющего деление поэмы.

СЛОВО В ПРОЗЕ

С того дня в стране Пандьи прекратились дожди, водарилась нищета, не было конца страшному зною и губительным лихаям. Но когда властелин Пандьи, меч которого всегда приносит победу, дабы умилистить божество Каннахи, принес в жертву тысячу золотых дел мастеров и устроил праздник с жертвоприношением на алтаре, на страну пролился обильный дождь, прекратились болезни и страдания.

Услышав то, Косар, повелитель страны Конгу, умилиствовал богиню совершением праздника, посвященного ей, и дожди никогда не прекращали своего благотворного дела.

Услышав то, Гаджабаху, властелин Цейлона, окруженного морем, построил храм, на алтаре которого ежедневно приносились жертвы богине, и много раз в месяце ади ежегодно устраивал в городе пышное празднество в честь той патни, которая уничтожает зло и приносит богатство. Потому без перерыва шли дожди, умножились разные богатства, и Цейлон оставался страной, рождавшей неубывающий урожай.

Правитель Чолы Перункилли, видя великую щедрость богини-патни, возвел в столице храм в ее честь и повелел каждый день устраивать пышное празднество.

ПРИМЕЧАНИЯ *

К стр. 35 *Песня благословения.* — Поэма начинается с обязательного для *кавы* почтения, в данном случае обращенного к обожествляемым луне, солнцу и дождю.

шелковый зонт. — Символ царской власти и покровительства.

К стр. 36 *Масаттувана.* — Как правило, тамильский согласный (с) в междугласной позиции в середине слова транскрибируется нами как русское «с», а в начале слова как «ч»: Массатуван, Чаттан.

оглашают воздух раковины. — Раковины в Индии используются как музыкальные инструменты; издают резкие, пронзительные звуки.

К стр. 37 *высечен им свирепый тигр.* — Согласно южноиндийским преданиям, Карикалан, царь Чолы, завоевал Индию вплоть до Гималаев, на склоне которых повелел высечь изображение тигра.

золотая вершина. — Имеется в виду мифическая гора Меру.

со всей обширной земли, окруженной реющим океаном. — Имеется в виду континент Джамбудвипа, который, согласно индийской космогонии, окружен океаном и является одним из семи континентов вселенной.

К стр. 38 *вокруг которых кружат пчелы.* — Пчелы, жужжащие вокруг украшенных цветами волос красавицы,

* Данные примечания являются постраничными. Словарь реалий, терминов и имен, встречающихся в тексте, дан отдельно в алфавитном порядке.

представляют собой непременный атрибут тамильской поэзии.

Лакшми родилась вместе с тобой из вспененного океана. — Согласно мифологическим представлениям древних индусов, во время всеобщего потопа Вишну принял облик рыбы и спас Ману, индийского Адама, семь риши и веды. Во время потопа, однако, многие сокровища оказались затопленными водой, в том числе и амброзия (амрита), напиток, дававший богам способность сохранять свою юность. Боги обратились к Вишну с просьбой вновь дать им амриту. Вишну стал тогда черепахой Курмой. На спину Курмы боги поставили гору Мандару, и божественная змея Васуки обвила гору. Змея и обвитая ею гора послужили веревочкой и мотовкой, взбывшими океан. На поверхности взбитого океана появилась амброзия, многочисленные сокровища и богиня Лакшми, супруга Вишну.

ты появилась раньше, чем напиток вечной юности. — В словах Ковалана содержится намек на те сокровища, которые всплыли на поверхность вспененного океана во время его пахтанья (см. предыдущее прим.).

К стр. 39

Шестиликий — т. е. бог Муруган. *талия вот-вот переломится*. — Характерный для тамильской поэзии комплимент красавице, смысл которого следует понимать так: талия настолько тонка и хрупка, что может переломиться даже под тяжестью украшений.

равовиной с линиями, идущими вправо. — Согласно индуистским представлениям, такая раковина дарует удачу и счастье. Следует подчеркнуть, что правая сторона в представлении древних индусов является счастливой: жертвенный огонь обходит с правой стороны; царь объезжает свой город так, что всегда находится справа от него.

К стр. 40

младшего сына Индры. — Видимо, имеется в виду Джаянта, который, согласно мифологическим преданиям, являлся сыном Индры, однако единственным.

К стр. 43

советники пяти разрядов — министры, священнослужители, военачальники, посланники, согладатки.

К стр. 45

владыку, что едет на одноколесной повозке. — Речь идет о солнце, или божестве солнца, восседающем на колеснице об одном колесе, поскольку само солнце имеет форму диска.

К стр. 49

по велению Царя богов — т. е. бога Индры.

К стр. 52

Великого, чье тело не было рождено, — т. е. бога Шивы.

Шестиликого алкопейного бога — т. е. бога Муругана.

Гиганта с синим телом — т. е. Ваманы, пятого аватара Вишну.

Властителя — т. е. бога Индры. *великого древнего Праотца* — т. е. бога Брахмы. *боги четырех ступеней, и демоны восемнадцати родов*. — В древнеиндийском пантеоне боги подразделялись на четыре группы, а демоны — на восемнадцать.

К стр. 53

луна, боясь Змея, — т. е. демона Раху, пожирающего, согласно индийским поверьям, луну и солнце.

К стр. 54

властелина небожителей — т. е. бога Индры.

К стр. 55

Главе бессмертных — т. е. богу Индре. *Обладателем Чудесных Век* — т. е. богом Шивой. *на погребальной поляне Бхарати, где плясала Бхарати*. — Имеется в виду танец Бхайравы, одной из манифестаций богини Кали.

тот, кто сокрушил могущество асуры, — т. е. бог Муруган.

тот, кто, измерив громадную землю своими прыжками, настигает и побеждает асуру Бану — т. е. Вamana.

танец прекрасной Шри — т. е. богини Лакшми.

К стр. 58

жемчужная колесница. — Имеется в виду солнце (см. прим. к стр. 45).

вина была подобна красавице. — Индуистская традиция считает, что вина по своей форме напоминает фигуру богини Парвати.

К стр. 59

девственную реку мыса Коморин. — Основное значение тамильского слова «Коморин» («кумари») — «девственница».

К стр. 62

заставляет лебедей... с завистью укрыться в тени красолиста. — Намек на то, что походка красавицы столь плавна и грациозна, что даже лебеди стыдятся своего плавного хода и, завидуя, укрываются в зарослях.

- К стр. 63 возлюбленному с нестигаемым справедливым скипетром. — Речь идет о царе страны Чолы, по которой течет река Кавери.
браслеты... будут спадать — т. е. в разлуке с возлюбленным красавица так худеет, что браслеты падают с ее рук.
- К стр. 64 моей госпоже. — Эта песня написана от лица служанки, сопровождающей красавицу.
- К стр. 66 о вечер, ты отнимаешь жизнь. — Распространенный в тамильской поэзии поэтический образ — с наступлением вечера страдания разлуки усиливаются.
давшего ложный обет — т. е. клявшегося, что не покинет красавицу.
- К стр. 67 и с юга, у Обладательницы браслетов — тамильское название мыса Коморин.
воинство Юноши. — Имеется в виду Кама, бог любви.
- К стр. 69 шестьдесят четыре искусства — совокупность сведений, которые познавала ганика (подробнее см. Предисловие, стр. 17).
- К стр. 71 храм Древа Бессмертных, дающего исполнение желаний. — Храм дерева калпы в мире небожителей, дарующего исполнение желаний.
Белого Слона — т. е. Айраваты (скт. 'красивый слон'), слона бога Индры.
Белого Наги — одного из наг, обитателей Нагалок; наги — полузмеи, полулюди.
Держащего Копье — т. е. бога Муругана.
бог, владеющий толмами, — имеется в виду одно из сельских божеств, культ которых был весьма распространен в Индии.
- К стр. 74 слова, возведенные Обладателем Дхармы, — т. е. Буддой.
для йогов пяти разновидностей. — Имеются в виду архаты, сиддхи, ачарьи, наставники и садху.
- К стр. 75 дабы поклониться Мудрецу — т. е. Архату.
- К стр. 76 можно подавить ногами... множество насекомых. — Погубить насекомое — большое преступление для джайна.

- К стр. 78 Великое Существо — одно из названий архата.
- К стр. 79 победил в себе трех врагов — т. е. вожделение, гнев и заблуждение, которые в джайнизме являются главными пороками, мешающими идти по пути правильного поведения к освобождению от перерождений.
тысячи восьми эпитетов победившего Каму. — В устах джайнской монахини эти слова относятся к архату, смиренному пять чувств, т. е. подавленному в себе желания пяти органов чувств: слуха, зрения, обоняния, осязания и вкуса.
кроме лотосов того, который идет по ним. — Имеется в виду джайнский архат, отрешившийся от мира, обладающий всевидением, достигший такого состояния, которое исключает последующие перерождения.
пусть пораутся пути, которые вызывают новые рожденья, — т. е. будет достигнуто освобождение от всех привязанностей, мешающих добиться достижения состояния, свободного от перерождений.
- К стр. 83 самому океану, который поглотил... реку Коморин с окружающими горами. — На юге Индии широко распространено предание, что несколько тысячелетий назад суша к югу от мыса Коморин, некогда бывшая частью материка, погрузилась в океан.
- К стр. 83 Красноокого Длинного — т. е. бога Вишну.
- К стр. 84 Великого, несущего на лбу полумесяц луны, — т. е. Шивы.
великое затмение — т. е. затмение в душе людей под действием сил чувственного мира.
- К стр. 85 Владыкой Небожителей — т. е. богом Индрой.
- К стр. 86 покрывающего тремя шагами всю огромную Вселенную. — Имеется в виду Вamana, одно из воплощений бога Вишну.
- К стр. 87 Превосходные и постигшие смысл священных книг — т. е. мудрецы, прошедшие долгий путь покалания и очищения.
- К стр. 88 ведомые богом подземного царства. — Имеется в виду древнетамильский бог Кутраван, или Кутру, — бог дравидийского пантеона, аналогичный ведийскому Яме. Впоследствии его именем стал

называться бог, явившийся результатом слияния дравидийского Кутравана и ведийского Ямы.

К стр. 90

с шеей, почерневшей от выпитого яда. — Ср. с черным горлом Шивы, который во время пахтанья океана проглотил яд, задержав его в гортани, отчего оно и стало черным.

она — Гаури, она — Чамари. — Гаури и Чамари — имена богини Кали. Оба слова санскритского происхождения; первоначальное значение Гаури — 'раковина, Чамари — 'змея'.

юной сестре Маля — т. е. сестре бога Вишну. Той, что владеет одной стороной тела бога, обладающего лобным глазом. — Имеется в виду Парвати, супруга Шивы. Предание говорит о том, что Парвати однажды подкралась сзади к погруженному в медитацию Шиве и закрыла ему глаза руками. Мир немедленно оказался во тьме, но через мгновение на челе Шивы загорелся третий глаз — символ всевидения.

перед святилищем Той, что украсила свои волосы серпом луны, — т. е. пред храмом Кали.

К стр. 91

и волосы которого украшает Ганг. — Имеется в виду Шива. В шиваитской иконографии Юга из волос Шивы вытекает Ганг.

К стр. 92

на радость Бессмертным — т. е. небожителям, наделенным бессмертием.

К стр. 94

твой дядя — т. е. асура Канса. Здесь мы опять встречаемся с любопытным приемом наделения южноиндийской богини атрибутами североиндийских богов. Так, Котравей обладает черным горлом Шивы, она же подобно Кришне, аватару Вишну, является якобы племянницей асуры Кансы.

Богу, даровавшему великие веды, — т. е. Брахме.

К стр. 96

Айодхье, покинутой великим героем. — Речь идет о Раме, герое Рамаяны, покинувшем родной город по повелению своего отца.

обряды Агни. — Среди обрядов Агни, священных огненных возжиганий, различались *гарханапатья, дакичинагни и ахавания.*

К стр. 98

Победителя — т. е. бога Индры. *бога, Обладающего великой силой,* — т. е. Шивы.

К стр. 100

Высшего, лоб которого украшен оком, — т. е. Шивы.

К стр. 100

Поднимающего знамя, на котором изображена птица Гаруда. — Речь идет о Вишну, восседающем на Гаруде.

Белого, крепко держащего поднятый лемех. — Речь идет о Баладеве, цвет кожи у которого белый. *Несущего знамя, упрямое петухом.* — Имеется в виду бог Муруган.

К стр. 101

когда наступает время кармического возмездия за дурные поступки — т. е. когда начинает действовать механизм кармы, в основе которого лежит неизбежность воздаяния за проступки предшествующего рождения.

потеряв свою возлюбленную, испытывал жестокие мучения. — Речь идет о Раме, герое Рамаяны, ушедшем из Айодхьи в изгнание и потерявшем свою супругу Ситу.

ведь он был тем, кто породил создателя четырех вед. — Поскольку Рама, о котором идет речь, был аватаром бога Вишну, а Вишну породил создателя вед Брахму, то Рама назван здесь и тем, кто породил создателя вед.

вместе со своей нежной супругой. — Речь идет о царе Нале и его супруге Дамаянти, о которых рассказывается в одном из эпизодов *Махабхараты.*

К стр. 102

Тысячеокого — т. е. бога Индры. *перед Царем богов* — т. е. перед Индрой.

К стр. 103

в честь бога с красными... прожилками глаз — т. е. в честь Камы, бога любви.

К стр. 105

тонкое золото Джамбунада — один из четырех видов индийского золота. Названо по имени мифической реки, текущей с горы Меру.

К стр. 107

мудрого брахмана великих вед. — Слово «веды» здесь употребляется в общем смысле, как «священные книги».

К стр. 110

веление Высокого — т. е. бога Вишну.

К стр. 113

для тех, чья варна следует за варной воинов. — Имеется в виду варна торговцев. *Сапфироцветный* — т. е. бог Вишну.

К стр. 115

и не ведал этого, как многие из людей его касты. — Эта примета была известна людям других, более низких каст.

- К стр. 117 *станут невидимыми... подобно сыну Индры.* — Имеется в виду Джаяпта, сын Индры, обладающий способностью становиться невидимым.
- К стр. 119 *рыба* — была одной из эмблем династии Пандьев.
тигр — был одной из эмблем династии Чола.
лук — был одной из эмблем династии Чера.
и его младшей сестрой Пиньей. — Пастушка Пиньяй, принимавшая участие в забавах юного Кришны, в поэме изображается как младшая сестра его брата Баларамы. Сравнивая ее с Котравей, которую маравары называют в поэме юной сестрой Вишну, можно думать, что выражение «юная сестра» должно быть понято в переносном смысле.
- К стр. 120 *сломавшего лимонное дерево,* — т. е. Кришны.
- К стр. 121 *Майяван, который змеет, словно веревкой, пахтал океан.* — Имеется в виду Вишну, сумевший вспахать океан.
чудный облик Спрятавшего одесду пастушек. — В *Бхагавата-Пуране* рассказывается, как однажды Кришна увидел юных пастушек, купавшихся обнаженными в Ямуне и оставивших свою одежду на берегу. Кришна спрятал их одежду и забрался на стоявшее рядом дерево красолиста. Он не возвратил им одежду, пока они не признались, что купались обнаженными вопреки предписаниям шастр.
бог цвета моря — т. е. Вишну.
- К стр. 122 *бога, восседающего на птице,* — т. е. Вишну.
Тот, кто вместо оружия держит в руках золотой солнечный диск. — Имеется в виду бог Вишну, одним из атрибутов которого является солнечный диск.
Тот, что погрузил в воды свои огромные словно горы плечи, когда пахтал океан. — Имеется в виду бог Вишну.
Бога, из пупка которого растет прекрасный лотос, — т. е. Вишну.
- К стр. 123 *вестнику пяти пандавов* — Имеется в виду Кришна. В великой борьбе пандавов и кауравов, которую описывает *Махабхарата*, Кришна выступал на стороне пандавов, т. е. сыновей царя Панду.
сразу покрыл три мира — Имеется в виду Вamana, пятый аватар Вишну.
Черного — т. е. Кришны, восьмого аватара Вишну.

- К стр. 123 *могучего Небожителя с его молниемечущей ваджрой* — т. е. Индры.
- К стр. 124 *Высокого Мала* — т. е. бога Вишну.
- К стр. 125 *о ты, чуждое ведению божество дхармы,* — т. е. божество, поступившее несправедливо. Речь идет, в сущности, о символическом божестве справедливости.
- К стр. 130 *соблаговолит исполнить танец.* — Имеется в виду Шива и одна из манифестаций его супруги.
- К стр. 132 *чтобы была зажжена печь.* — В «Пуране священных игр Шивы» рассказывается, как один купец из Чолы направлялся в Мадур со своей супругой. Ночью его укусила змея, и он умер. Услышав рыдания его жены, Шива спустился на землю, оживил купца и даровал женщине за ее добродетели печь с огнем.
дочь исполненного славы царя Карикалана. — Речь идет об Адиманти, дочери Карикалана, царя Чолы.
- К стр. 133 *и поставила его ногу себе на голову.* — Девушка, падающая ниц перед мужчиной и ставящая себе на голову его ногу, признает его власть над собой и готова стать его женой.
- К стр. 135 *Зачинателем Вед* — т. е. Брахмой, которому приписывается создание вед.
- К стр. 138 *Хозяйка Мадур* — т. е. богиня — покровительница Мадур.
Великой Девой — т. е. богиней Лакшми.
Девой, сидящей под языком у Бога, — т. е. богиней знания и искусств Сарасвати, супругой Брахмы.
Девой, восседающей на могучем буйволе Махисе, — т. е. богиней Кали.
- К стр. 140 *от повелителя бессмертных, что вращает свою ваджру,* — т. е. Индры.
три священных огня — гархapatya, dakshinagni и atavania.
пять великих жертвоприношений — совершаются в честь Брахмы, богов, бхут, живущих и предков.
шесть обязанностей брахмана — чтение наизусть древних вед, обучение чтению вед, совершение

жертвоприношений, обучение совершению жертвоприношений, щедрое даяние, медитация.

К стр. 144 *Обладателя длинного копья* — т. е. Муругана, бога войны.
Царь бессмертных — т. е. Индра.

К стр. 148 *Убившего в море асуру* — т. е. Муругана.
Шестиликого, Двенадцатирукого. — Бог войны Муруган изображается шестиглавым, двенадцатируким и восседающим на павлине. Согласно пуранам, он родился от бурлящей энергии Шивы и вскармливался шестью кормилицами. Позднее во главе армии богов он победил великана Тараку и сокрушил своими стрелами гору Краунча.

К стр. 149 *сын Сидящего под деревом Аламар* — т. е. Муруган, сын Шивы.
Высшего бога, обитающего на... горе Кайласа — т. е. Шивы.

Пусть он оставит помыслы о тайной любви. — По канонам древнотамильской любовной лирики, женитьбе молодых, на которую дают согласие родители, предшествует тайная любовь, тщательно скрываемая от всех.

К стр. 151 *властелин гор Колли, высекавший свой лук* — т. е. царь Черы, одной из эмблем которого является лук. *он напоминал самого Небожителя* — т. е. Индру.
Подобно Великому Малу — т. е. богу Вишну.

К стр. 152 *дарующего победу Копьеносца, Севвея* — т. е. Муругана.

К стр. 154 *шнур из тройной нити* — бумажной, льняной или шерстяной считался священным; при обряде инициации мальчику надевали этот шнур через правое плечо, пропуская его под левой рукой. Священный шнур следовало носить постоянно: снять, потерять или загрязнить шнур означало навлечь на себя позор и ритуальную нечистоту.
три огненных жертвоприношения — см. прим. к стр. 140.

К стр. 155 *в ушах восьми слонов, что поддерживают землю.* — В индуистской космогонии вселенная имеет яйцевидную форму и находится в пустом пространстве. Вселенная делится на двадцать одну зону. Над землей помещается шесть небесных миров. Землю поддерживают восемь громадных слонов,

указывающих восемь сторон света. Под землей находится семь сфер ада и семь сфер чистилища.

К стр. 158 *Возвышенному, спящему йогическим сном знамья,* — т. е. Вишну.

К стр. 159 *царю западной страны* — т. е. царю Черы.
Красноволосого Небожителя — т. е. Индры.

К стр. 162 *с гирляндами пальмовых листьев и левкады.* — Гирлянда из цветов левкады сулила победу в битве.

К стр. 163 *лбом, покрытым пеплом.* — Обычай покрывать пеплом лоб распространен среди приверженцев шиваизма.

сражение, опустошившее остров. — Речь идет об описываемом в *Рамаяне* великом сражении на Ланке (Цейлоне) между Рамой и Раваной, в результате чего Равана был убит, а Сита освобождена.

великий бог направлял колесницу Арджуны. — В битве Арджуны с кауравами, описываемой в *Махабхарате*, Кришна в качестве возничего вел его колесницу.

К стр. 164 *восемнадцати часов.* — Индийский час (*нади*) составляет шестидесятую часть суток и равен 24 минутам.

в битвах, продолжавшихся в течение восемнадцати лет, восемнадцати месяцев и восемнадцати дней. — Столько лет продолжалась битва богов и асуров, столько месяцев — сражение Рамы и Раваны и столько дней — битва кауравов и пандавов на поле Курукшетра.

К стр. 165 *и кровь глубоких ран была их гордостью в предсмертные мгновения.* — Умереть на поле битвы считалось великим благом для воинов древней Индии и их родственников. Считалось, что погибшие в сражении воины немедленно попадают в Сваргу — райский мир.

К стр. 166 *великий мунд* — т. е. мудрец Агастья.

К стр. 167 *он стремился к прекращению рождений в рожаемых телах.* — Очевидно, речь идет об особой разновидности отшельников, упоминание о которой имеется в *Махабхарате* (I, 153, 25).

К стр. 172 *Тот, на чьем знамени изображен дельфин.* — Имеется в виду Кама, бог любви.

- К стр. 173 *Обладатель длинного копья, держащий наготове пять стрел, — т. е. бог Кама. обладателя чудесного века — т. е. Шивы.*
- К стр. 174 *Того, часть которого — Ума. — Имеется в виду Шива и его супруга.*
- К стр. 177 *обитающего на вершине Гималаев вместе с другими обладателями дивных век. — Речь идет о Шиве и других богах, наделенных бессмертием.*
- К стр. 181 *Обладающего победоносным копьем — т. е. Муругана.*
- К стр. 182 *Вайхей — т. е. Пандьи, столица которой, Мадурас тояла на реке Вайхей. «Лесной шарик» — название древней тамильской игры: несколько женщин составляют круг; одна из них задает вопрос и затем со словами «лесной шарик» обращается к другой. Та должна дать ответ, после чего все женщины поют песню.*
- К стр. 186 *Возлезающего на змею — т. е. Вишну.*
- К стр. 187 *женщины, приносящей удачу, — т. е. богини Каннахи.*
- К стр. 189 *Едущий на буйволе — т. е. Шива.*
- К стр. 192 *области пяти ландшафтов. — Каждому из ландшафтов (горному, лесистому, пустынному, обработанным полям и морскому побережью) в древней тамильской поэзии соответствует определенное состояние влюбленных: куринджи — тайная любовь; мулдей — открытая, узаконенная любовь; палей — разлука, марудам — любовные ссоры и нейдаль — примирение.*
- К стр. 193 *Эпизод — носит апокрифический характер, и литературная традиция приписывает авторство поэту Чаттану.*
- К стр. 194 *бог дхармы стал богом смерти. — Это место можно интерпретировать так: бог справедливости превратился в бога, несущего лишь смерть, безотносительно к правоте или виновности своей жертвы.*

СЛОВАРЬ РЕАЛИЙ, ТЕРМИНОВ И ИМЕН

- Аванти** — царство со столицей Уджайини, ныне Уджайн, являвшееся одним из могущественных государств древней Индии. Было расположено на территории Вьяндхья-Прадеш. Позже Аванти было известно как Мальва и уступило свое доминирующее влияние Магадхе.
- Аватар** — перевоплощение, рождение в ином облике.
- Агастья** — легендарный риши, которому приписывается ряд гимнов в *Ригведе*. Одним из ведущих персонажей *Рамаяны*: в этой поэме Агастья становится другом и покровителем Рамы. В глазах тамиллов Агастья окружен ореолом первого святого, ему приписывается составление первой тамильской грамматики, от которой, однако, ничего не сохранилось. Именно ему приписывается заслуга в распространении религии индуизма и древней литературы на юге Индии.
- Агни** — бог огня в индийской мифологии.
- Адживаки** — члены одной из сект древней Индии, появившейся, вероятно, одновременно с буддизмом и джайнизмом. Основным принципом учения адживаков было полное отрицание души и доведенный до крайности детерминизм, отрицающий свободную волю и моральную ответственность человека за совершенное добро или зло. Адживаки отрицали возможность человека влиять на свою теперешнюю или будущую жизнь.
- Ади** — тамильский месяц, соответствующий июлю — августу.
- Адигаль** — на тамильском языке означает «гуру, наставник, отшельник, аскет».
- Адиарккуналлар** — средневековый автор классического тамильского комментария к *Шилалпадикарам*.
- Ажумбил** — город древней Черы.
- Айравани** — одно из имен супруга Индры.
- Айодхья** — один из семи священных городов, местоположение которого нельзя указать точно. Согласно *Рамаяне*, Рама, сын царя Дашаратхи, выполняя волю отца, покинул

Айодхью, столицу Дашаратхи, и ушел в изгнание вместе с женой Ситой и братом Лакшманой на четырнадцать лет.

Айяван — одно из имен бога Баладевы.

Айя — древнетамильская богиня, ставшая впоследствии одной из манифестаций богини Кали.

Альвары — вишнуитские святые в средневековом Тамилнаде, которым приписываются гимны богу Вишну, собранные в сборнике *Налаира* пирабадам («четыре тысячи сочинений»).

Амаравати — столица небесного мира Индры, славящаяся своим величием. Согласно мифическим представлениям расположена вблизи горы Меру.

Амбаль — водяная лилия.

Анангу — дравидийская богиня смерти, ставшая впоследствии одной из манифестаций богини Кали.

Ананта — тысячеголовый змей, на котором возлежит бог Вишну, спящий йогическим сном знания. То же, что Шеша.

Андалей — мифическая птица с человеческой головой и могучим клювом.

Аппоруней — река в Южной Индии; то же, что Поруней.

Антари — богиня промежуточного пространства по одной интерпретации; богиня конца, завершения — по другой интерпретации. Одна из манифестаций богини Кали.

Апсары — девы небес Индры. В *Рамаяне* и пуранах говорится, что они появились во время пахтания океана; ни боги, ни асуры не пожелали взять их в жены.

Арангам — древнее название Шрирангама.

Арджуна — имя третьего сына царя Панду. Могущественный падава, который вместе с Кришной победил кауравов в борьбе, описываемой *Махабхаратой*.

Ариван («знающий») — основной тамильский эпитет джайнского архата (см.).

Ари (ари) — представители родов, живших к северу от дравидов и говоривших на североиндийских диалектах.

Аррорут — крахмальная мука, получаемая из корневищ разных видов куркумы.

Артха — многозначное понятие в индийской философии, означающее «смысл, сущность, польза, богатство, государственное управление».

Артхашастра — санскритский трактат о политике, приписываемый Каутилю.

Аругу — священная вечнозеленая трава.

Арундхати — утренняя звезда, персонафицированная как супруга риши, или всеведущего святого мудреца, Васишти. В индийской мифологии Арундхати — символ женской чистоты и супружеских добродетелей.

Арухияль — одна из основных мелодий, исполняемая на шести струнах вины.

Архат — в джайнской религии — мудрец, сумевший в течение ряда рождений добиться посредством сурового аскетизма состояния полного освобождения и всевидения (ср. ариван).

Асана — йогическая поза.

Асуры — демоны, носители зла в мире небожителей.

Атман — духовное первоначало мира; в позднем употреблении атман стал означать душу.

Ахам — одна из двух основных тем древнетамильской поэзии — темы любовных переживаний и интимных настроений. Подлинная любовь, описываемая в произведениях жанра *ахам*, рассматривается в пяти аспектах: близость возлюбленных, разлука, мучения разлуки, стеснения, притворная размова. Описание каждого из этих аспектов разворачивается на фоне одного из пяти ландшафтов (см. прим. к стр. 192).

Аханией — один из основных четырех видов мелодии древнего Тамилнада.

Ахил — орлиное дерево.

Ачча — разновидность западноиндийского (бобового) дерева, *Shorea robusta*.

Ашока — священное дерево буддистов и джайнов.

Аюрведа («веда жизни») — древнейший индийский трактат по медицине.

Аяканаккар — один из городов древней Черы.

Баладева, или Баларама, — седьмой аватар Вишну, старший брат Кришны. У Баладевы белый цвет кожи, у Кришны — темный.

Баларама — см. Баладева.

Бану — асура, помогавший Шиве и Сканде бороться против Кришны и потерпевший поражение. Кришна отрезал руки Бану и лишь по просьбе Шивы сохранил ему жизнь.

Белый — одно из имен Баладевы.

Бестелесный — одно из имен бога любви Камы.

Бетель — любимый десерт индусов и жителей ряда стран Юго-Восточной Азии; завернутые в листья орехи арековой пальмы и гашеная известь. Бетель имеет освежающий вкус и устраняет усталость.

Бодхи — священное дерево у буддистов, под которым Будда, в течение многих лет искавший истину, обрел просветление.

Брахма — первый член индустской триады, творец вселенной. Индусы почитают его как отца всех живых существ и в первую очередь всех риши. Он изображается четырехглавым. Его супруга — Сарасвати, богиня наук и искусств.

Будда («просветленный») — основной эпитет основателя буддизма отшельника Готамы.

Бхагаван — высший бог; верховный гурю.

Бхайрави (скт. «ужасная») — один из имен богини Кали.

Бхакты — шиваитские и вишнуитские приверженцы Шивы и Вишну, стремившиеся достичь расположения одного из этих богов путем *бхакти*, или преданности, и воспевавшие добродетели этих богов.

Бхуты (букв. «существа») — духи земли, демонические существа с уродливой внешностью, приносящие зло прежде всего небожителям. Согласно народным поверьям, бхута —

это дух умершего насильственной смертью или погибшего в результате несчастия, самоубийства или казни, не похороненного в соответствии с ритуалом. В то же время бхуты весьма часто выступают и как духи — хранители общин, традиционного порядка и отдельных людей.

Ваджра — молниеносное орудие бога Индры.

Ваджра — древнее царство, находившееся на берегу Бенгальского залива к юго-западу от Ганга и к югу от Сона; было известно тамилам уже в начале нашей эры.

Вайхей — священная река Южной Индии, на берегу которой стояла Мадура.

Валийон — одно из имен Баладевы. Он назван Валийоном потому, что по его желанию Кришной был убит обезьяний демон Вали, отнявший у Баладевы жену Тару.

Валли — возлюбленная бога Муругана (Сканды), богиня дравидийского пантеона.

Валлувар — член низшей касты, на обязанности которого лежит возведение царских указов. Валлувар, возвещая решение, сидит на слоне и бьет в барабан.

Вамана — пятый аватар Вишну. Вамана прославился своим успешным изгнанием Бали, царя асур, из мира небожителей. Карлик Вамана, одетый как брахман, просил Бали дать ему землю длиной в три шага, где бы он мог предаваться созерцанию. Ничего не подозревавший царь согласился на это, но к своему ужасу увидел, как Вамана вырос в такого гиганта, что тремя шагами покрыл землю, небо и всю вселенную.

Ванджи — ползучее вечнозеленое растение с желтыми цветами.

Ванджи — древняя столица Черы, современный Карвар.

Варанам — селение близ Урайора.

Варна — древнеиндийское общество делилось на четыре крупные группы, или варны: брахманы, или священнослужители; кшатрии, или воины; вайшьи, или торговцы; шудры, обязанностью которых было служить представителям трех высших варн.

Варнабхута — бхута — покровитель варны.

Ваялур — один из небольших древних городов Южной Индии.

Веды — древнейшие сборники индийских гимнов, заклинаний и магических формул. Четыре веды: *Ригведа* — собрание древнейших гимнов; *Самведа* — собрание песнопений, предназначенных для литургических целей; *Аджурведа* — собрание жертвенных заклинаний и *Атхарваведа* — сборник магических заклинаний в прозе и стихах.

Велала — член касты земледельцев в Южной Индии, крестьянин; также землевладелец, воин.

Венгай — дерево крылоплод, *Pterocarpus marsipinum*.

Венката — небольшой горный массив к северу от Мадраса.

Ветчи — *Oxora coccinea*, герань с цветами ярко-красного цвета, который ассоциируется с кровопролитием на поле сра-

жения. Царь перед битвой обычно украшал свою грудь гирляндой ветчи.

Видьядхара — (скт. «носитель знания») — в индийской мифологии полубог, таинственное существо. Видьядхары живут в волшебных городах высоко в Гималаях. Им приписывалась способность летать по воздуху и менять свой облик.

Вина — индийская лютня.

Вихара — обитель отшельников, преимущественно буддийских или джайнских. Индра по традиции считался создателем многих вихар.

Вишну — второй член индуистской триады, один из двух главных богов индуистского пантеона. По мифологическим представлениям, Вишну сохраняет вселенную; он изображается с четырьмя руками, спящим на тысячеглавом змее Ананте. Он пробуждается ото сна, лишь когда силы зла угрожают миру. Чтобы уничтожить зло, Вишну нисходит на землю в разных обликах; этих нисхождений, называемых аватарами, десять: Матсья — рыба, Курма — черепаха, Вараха — вепрь, Нарасинха — человек-лев, Вамана — карлик, Парашурама, Дашаратхарама, Кришна, Будда и Кальки.

Виалур — название одного из древних царств Южной Индии.

Гаджабаху — по свидетельству ряда крупных историков, царь Цейлона Гаджабаху I, правивший с 173 по 195 г. н. э.

Гангары — одно из племен в древнем Тамилнаде.

Гандхарва — во времена вед — божество, знавшее тайны неба и открытий. В сварге Индры они являются певцами и музыкантами, услаждающими своим искусством богов во время пиршеств.

Гаруда — мифическое существо, полуптица, получеловек. На Гаруде восседает Вишну.

Гуна — основное качество материального мира природы, включающего и сферу духовной деятельности. Имеются три гуны: *саттва* (ясность, светлость, истинность), *раджас* (страстность, деятельность) и *тамас* (неведение, затемнение, инертность).

Гунавайил — название обители джайнских отшельников в Черы; по-тамилски значит «врата гун».

Гуру — духовный наставник.

Дамаянти — героиня одного из рассказов в *Махабхарате*, верная супруга принца Наля.

Дваждырожденные риши — т. е. просветленные высшим знанием добродетельные отшельники, которые как бы рождаются второй раз при инициации (упанаяна). Обряд упанаяны предписывался для мальчиков из варн брахманов, кшатриев и вайшьев. Шудры не выполняли этого обряда.

Девадаси — гетера, живущая в храме.

Держащий копье — одно из имен Муругана.

Джамбудвипа — согласно индийской космогонии, является одним из семи континентов вселенной и окружен океаном.

- Гора Меру находится в центре Джамбудвипы, а Бхаратаварша, или Индия, — в его южной части.
- Джаянта — сын бога Индры, обладавший способностью становиться невидимым.
- Джипендра — одно из имен архата.
- Длинный — эпитет Вишну.
- Дурга («неприступная») — одна из манифестаций супруги Шивы.
- Дхапа — одна из основных священных джайнских добродетелей, представляющая собой дарение, пожертвование.
- Дхарма — понятие, означающее как учение о добродетели, так и совокупность законов, которым надлежит следовать в жизни на пути к освобождению. Ведущие различный образ жизни следуют различным дхармам: так, дхарма ведущего семейный образ жизни радикально отличается от дхармы отшельников, отрешившихся от жизни. В различных религиозных течениях дхарме придается различное значение: так, в ведах дхарма означает добродетель, в упанишадах — добродетель, закон и порядок, в буддизме — учение Будды, в индуизме — священный закон, в джайнизме — особое пространство, в условиях которого допускается движение, и т. д. Семейная дхарма для женщины означала совокупность добродетелей и качеств, необходимых для поддержания должного течения семейной жизни.
- Етутохей (там. «восемь антологий») — восемь сборников стихов древнетамильских поэтов: *Натрийей, Курутохей, Азанануру, Падитрупатту, Парипадал, Калиттохей, Недунтохей, Пуранануру*. Стихи в этих антологиях написаны несколькими размерами, посвящены темам любви и воинской доблести и приписываются многочисленным поэтам санг.
- Законы Ману — одна из дхармашастр; кодекс законов, составление которого приписывается легендарному индийскому мудрецу Ману.
- Идумбил — один из древних городов Южной Индии.
- Индра — ведийский бог войны и атмосферных явлений; в более поздний период — владыка восточной части Вселенной. Хотя роль Индры в индуистском пантеоне с течением времени падала, он по-прежнему признавался повелителем богов и владыкой сварги — райских небес.
- Индрани — супруга бога Индры.
- Иша — верховный бог, господе.
- Йоджана — индийская мера длины, равная приблизительно 21 км (20,92 км).
- Кавалей — красное просо.
- Кавери — священная река Южной Индии.
- Каверипумпаттинам — одно из названий Пукара, букв. «цветущий город [реки] Кавери».
- Кадам — индийская мера длины, равная приблизительно 16 км.
- Кадамба — дерево (*Anthocephalis cadamba*). Царство кадамбы — мифическое царство асуров в открытом океане.

- Кали — одно из имен супруги Шивы. В качестве *шакти*, или женской энергии Шивы, эта богиня имеет две манифестации с разными характерами: одна символизирует мягкость и женственность; другая — воинственность и свирепость. В первой манифестации она известна как Ума («свет»), Парвати («горячка»). Во втором облике она известна как Дурга («неприступная»), Кали («черная»), Бхайрави («ужасная»). Кровавые жертвоприношения совершаются в умиловителение ее второй манифестации. Богиня имеет десять рук, каждая из которых сжимает оружие.
- Калинджары — одно из племен Южной Индии.
- Калинга — государство древней Индии, расположенное вдоль побережья теперешнего Бенгальского залива к северо-востоку от реки Годавари.
- Кальпа — день и ночь бога Брахмы. Его сутки равны приблизительно четырем с половиной миллиардам лет.
- Кама — бог любви в индийской мифологии (скт. «кама» — «страсть, вожделение»). Его женой является Рати, богиня желания. Кама разжег в божу Шиве вожделение к Парвати, в то время как тот был погружен в состояние созерцания. Разгневанный Шива превратил Каму в пепел огнем своего взгляда. Оттого Каму часто называют бестелесным. Впоследствии Шива сжалился над ним, и он родился вновь. Владыка небесных дев, Кама вооружен луком из сахарного тростника, с тетивой из пчел, и стрелами, наконечниками которых служат цветы. Кама изображается обычно сидящим на попугае, в сопровождении войска небесных дев, одна из которых несет знамя с нарисованным на нем дельфином. Цвет кожи у Камы красный.
- Камасутра — санскритский трактат о любви и чувственных наслаждениях, автором которого является Ватсьяна.
- Канджи — вид дерева, цветами которого воины украшают себя перед нападением врага.
- Канса — мифический царь северного царства Мадхуры и дядя Кришны по матери. Кансе было предсказано, что один из сыновей Деваки, его двоюродной сестры, убьет его. Канса приказал перебить всех здоровых младенцев мужского пола, но Кришна уцелел и в конце концов убил Кансу.
- Карикалан — царь Чолы во II в. н. э. Согласно южноиндийским преданиям, Карикалан завоевал Индию вплоть до Гималаев, на склоне которых повелел высечь изображение тигра. Само слово *karikalai* (тан.) означает «человек с обожженной ногой», что связано с несчастным случаем, происшедшим с ним в юности.
- Карма (скт. «деяние») — доктрина кармы является фундаментальной почти для всех философско-религиозных систем Индии. Согласно идеям упанишад, а также джайнским и индуистским учениям, жизнь является бесконечной цепью перерождений, в процессе которых душа покидает одно тело и переселяется в другое. Поступки людей, хорошие или дурные, определяют характер будущего рождения. Закон кармы, формулируемый как воздаяние за зло и доб-

ро в цепи рождений, носит во всех индуистских системах почти абсолютный характер: каждый хороший поступок должен принести в следующем рождении счастье; любой дурной поступок неминуемо заставит страдать в будущем рождении совершившего его. Обычным людям не дано знать их предшествующих рождений; лишь прошедшие путь сурового самоотречения могут знать некоторые обстоятельства предыдущих рождений.

Картикейя — одно из имен индийского бога войны, старшего сына Шивы и Парвати.

Карувилей — вид ползучего растения.

Карунадары — видимо, так назывались жители Южной Индии, говорившие на каннада.

Каттияры — вожди небольших племен, жившие в западной части древнего Тамилнада.

Кауравы — в *Махабхарате* — потомки царя Куру, против которых вели войну пандавы, сыновья царя Панду.

Кижар — корзина из пальмовых листьев для орошения.

Киж-капакку — жанр стихотворных произведений малых форм. Стихи этого жанра объединены в цикл «Восемнадцать малых произведений», куда входят дидактические произведения *Тирукурал*, *Наладияр* и др.

Кодунтамил (букв. «грубый тамильский язык») — разговорный тамильский язык.

Колли — горная цепь на территории Черы, теперь находится в дистрикте Тричинополи.

Конган — царство древней Индии, расположенное на Малабарском берегу.

Конганары — жители древнего царства Конган.

Конгу — малабарское железное дерево. *Norea parviflora*.

Конгу — древнее тамильское царство к северо-западу от Черы, включавшее юго-восточную часть современного Майсора и округа Коимбатур и Салем штата Тамилнад.

Кондрей — дерево, *Cassia marginata*.

Коркей — древний тамильский порт на восточном побережье. Некоторое время являлся столицей древней Пандьи.

Котравей — дравидская богиня смерти, ставшая впоследствии одной из манифестаций Кали.

Красноокый — один из эпитетов Вишну.

Кришна («черный») — в индийской мифологии восьмой аватар Вишну. Кришна — прославленный герой индийской мифологии и наиболее популярный бог в индуистском пантеоне. В *Махабхарате* говорится, что Вишну вырвал у себя два волоса — белый и черный: от белого волоса родился Баларама, от черного — Кришна. Иногда цвет его кожи описывается, как цвет морской воды. Солнечный диск — один из атрибутов Кришны как воплощение бога Вишну. Кришна побеждает многих асур и убивает асуру Кансу.

Кудагары — древние жители западных районов Южной Индии.

Кумиж — цветы кустарника, впитывающего воду.

Кунгума — шафрановый куст.

Куравей — древнетамильский танец любви.

Куравы — древние жители горных районов Южной Индии; племя корзинщиков в Южной Индии.

Курпиджи — 1) конусообразный кустарник, *Strobilanthes*; 2) название священного тамильского песнопения и танца; 3) условное название горной страны Тамилнада.

Курух — один из видов смоковницы.

Куша (или Дарбха) — священная трава, *Poa cynosuroides*.

Лакшми, или **Шри**, — богиня счастья и красоты, супруга Вишну.

Ланка — древнее название Цейлона.

Магадха — одно из царств древней Индии (совр. юг Бихара). Магадха возвысилась в IV в. до н. э. Развитие раннего буддизма и джайнизма тесно связано с историей Магадхи.

Мадави — разновидность ползучего растения, священный базилик.

Мадирпурам — пригород древней Мадур.

Мадур — столица Пандьи, древнего государства Южной Индии.

Мадхьядеша — древнеиндийское царство, расположенное к западу от теперешнего Аллахабада.

Майя — одно из самых сложных понятий индуистской философско-религиозной системы. Будучи двуплановым, оно обозначает, с одной стороны, творческую силу и энергию бога, а с другой — манифестацию этой энергии: иллюзорный, преходящий мир явлений. В последнем значении майя обозначает иллюзию, обман, мираж, порожденные неведением.

Майяван — одно из тамильских имен Кришны.

Майян — в индийской мифологии асура, ставший зодчим и строителем небесного мира (сварги) Индры.

Мальва — позднее название царства Аванти.

Мандапа — обычно открытый зал или павильон в храме; также переносная крытая и разукрашенная платформа.

Мандра — зал; открытая площадка; также место собраний и трапезы, иногда находящееся под деревом; храм.

Манимехалей (там. «жемчужный пояс») — дочь Ковалана и Мадави; героиня одноименной тамильской поэмы, автором которой считается Чаттан.

Мантра — тайное магическое заклинание.

Ману — легендарный праотец древних индусов, автор кодекса предписаний — «Законов Ману».

Маравары — племя воинственных охотников северной Чолы, из которых набиралась стража царей.

Маргоза — дерево, цветы которого были одной из эмблем Пандьев.

Маруда — один из видов черного миробалана, *Terminalia chebula*.

Марчапа — черное клейкое вещество, которым смазывают барабан для усиления звука.

Махакала (скт. «великое время») — одна из манифестаций Шивы.

Мел-капакку — жанр стихотворных произведений больших форм. Произведения этого жанра объединены в цикл *Етуттохей* и *Паттупатту*.

Махиша, или Махисасура, — один из демонов, убитых богиней Дургой.

Меру — мифическая гора в центре вселенной.

Мокша — в индуистской философско-религиозной системе — освобождение души от состояния непрерывных перерождений и обретение ею вечного блаженства.

Муруган — бог гор у древних тамилор, в честь которого устраиваются вакхические танцы. У тамилор бог Муруган слился со Скандой (Картикейей, или Субраманьей), богом войны, старшим сыном Шивы и Парвати. Муруган изображается шестиликим и двенадцатируким, сидящим верхом на павлине и в каждой руке держащим оружие. Храмы Муругана расположены большей частью на вершинах гор.

Мулле — один из видов индийского жасмина.

Муни (скт. «молчаливик») — святой отшельник. В индийской мифологии муни наделены сверхъестественной силой и в отдельных случаях даже властью над богами.

Мурунг — ватное дерево.

Мусундей — разновидность ползучего растения, *Rivea ornata*.

Мучукунда — сын мифического царя Мандхатри. Согласно пуранам, оказал помощь богам в их борьбе с асурами, в награду за что получил от них дар — вечный беспробудный сон.

Нагалока — мир змей, находящийся, по мифическим представлениям, в преисподней.

Нанди — буйвол бога Шивы.

Нарада — мифический риши, которому приписывается создание ряда гимнов *Ригведы*. Нарада — Орфей индуистского пантеона: он считается главой *гандхарвов*, или небесных музыкантов; ему приписывается изобретение вины.

Нараяна (скт. «идущий по воде») — одно из имен Вишну.

Натараджа (скт. «владыка танца») — одна из манифестаций Шивы.

Наянары (там. «пастышники, гуру») — так назывались в Тамилнаде шиваитские святые, которым приписывается создание гимнов, обращенных к Шиве и объединенных в одиннадцатитомное собрание *Тирумурей*.

Нейдал — белая водяная лилия. С наступлением темноты нейдал закрывает свои лепестки.

Нирвана — в буддийской и джайнской философско-религиозных системах состояние блаженства, при котором душа теряет связь с земной жизнью, утрачивает способность к перерождению, погружаясь в то состояние, которому одинаково несвойственно бытие и небытие.

Ньяяправеша — буддийский логический трактат, приписываемый Дигнаге, V в. н. э.

Овары — певцы, или барды, провозглашавшие титулы принцев Южной Индии и возносившие им хвалу.

Подмасана (скт. «поза лотоса») — одна из основных йогических поз, положение сидя с выпрямленным позвоночником.

Пангуни (там.) — второй месяц сезона конца росы; соответствует марту — апрелю.

Пандавы — в *Махабхарате* сыновья царя Панду, на стороне которых был Кришна в их войне против кауравов.

Панджаван — царь Панды.

Пандья — одно из трех крупных древних царств Южной Индии, находившееся к югу от Чолы и к востоку от Черы. Столицей Панды была Мадур, стоявшая на реке Вайхей.

Параяр — один из древних городов Южной Индии.

Парвати («горянка») — одна из манифестаций супруги Шивы.

Патни — женщина, наделенная редкими добродетелями и совершенной супружеской верностью.

Паттупатту (там. «десять песен») — десять поэм, созданных различными поэтами древности и собранных неизвестными лицами лишь в позднем средневековье.

Перияру («великая река») — тамильское название реки Ганг.

Перухияль — одна из основных мелодий, состоящая из 32 звуков.

Под, или Подиям, — священная гора в Южной Индии. Согласно преданию, гора Поди признавалась обителью святого мудреца Агастьи, легендарного автора не дошедшей до нас первой тамильской грамматики.

Поруней — река в Южной Индии.

Пукар — древний город в устье реки Кавери на Коромандельском побережье. Другое название Пукара — Каверипумпаттам. Пукар был важнейшим торговым портом Южной Индии.

Пунья — субстанция в кармическом механизме, являющаяся результатом добрых дел; также «благое деяние».

Пурам — одна из двух основных тем древнетамильской поэзии, посвященная военным доблестям и вопросам государственного управления. Семь делений *пурама* (погоня за скотом, вторжение, осада, война, победа, совет, панегирик) в тамильской поэзии соответствуют семи делениям *ахамма* (см.).

Пуранануру — один из сборников *Етуттохей*, посвященный теме воинских подвигов и управления страной.

Пуранилей — один из четырех видов мелодии древнего Тамилнада.

Пураны — эпические поэмы, повествующие о богах, космогонии и генеалогии царей. Пураны были созданы на санскрите в начале нашей эры.

Пуршартха — цель («ценность») жизни в индийской философии. Этих «ценностей» четыре: «порядок» «польза», «наслаждение» и «освобождение от пут».

Ракшасы — злые духи, среди которых выделяются три группы: а) относительно беззлобные существа; б) враги бо-

гов; в) демоны, обитающие в местах погребений, мешающие совершать жертвы, искушающие святых. Главой последних был Равана, царь Ланки, похитивший Ситу, супругу Рамы.

Риши — святые мудрецы, которым приписывается создание ведийских гимнов.

Рати — богиня, супруга бога любви Камы.

Раху — мифическое существо, четырехрукий хвостатый демон. Он мстит солнцу и луне, известившим Вишну во время пахтания океана о его кознях, тем, что время от времени заглатывает солнце или луну, вызывая затмение.

Рохини — одна из звезд Большой Медведицы. Встреча Рохини с месяцем считалась в Индии счастливым предзнаменованием.

Садуккан (скт. Чатушка) — один из бхут, обитающий на перекрестке четырех дорог.

Садху — святой, принадлежащий к одной из пяти разновидностей йогов.

Саккеян — член касты дворцовых и храмовых тапчоров.

Сарасвати — супруга бога Брахмы, богиня науки и искусств; ей приписывается создание языка санскрита и алфавита деванагари.

Сварга — райские небеса бога Индры.

Сваямвара — древнейший индийский обычай, согласно которому принцесса выбирала себе жениха из круга желающих на ней жениться.

Сентамиль — букв. «чистый, прекрасный тамильский язык», классический тамильский язык.

Сиддха — святой, принадлежащий к одной из пяти разновидностей йогов.

Сита — героиня Рамаяны, древнеиндийской поэмы. Верная супруга Рамы, стойко перенесшая лишения изгнания и сумевшая сохранить свою супружескую верность.

Сом — сок ползучего растения того же названия, из которого готовится напиток, приносимый богам в жертвоприношениях и выпиваемый брахманом-жрецом.

Сужи — украшенный драгоценностями намордник слона.

Сэ — один из видов орехового дерева, *Setecarpus anacardium*.

Сэр — индийская мера веса, равная приблизительно 1 кг.

Тамиль — тамильский язык.

Тантры — разновидность индуистских культовых текстов, возникшая в раннем средневековье. Будучи специфически шиваитскими (реже — вишнуитскими), *тантры* противопоставлялись ведам, как книгам брахманской традиции. *Тантры* содержали мистические описания шактистских мифов, ритуалов, а также магических формул (*мантр*) и диаграмм.

Тапас — аскеза, аскетизм.

Тарака — асура, тиравший богов. В индийской мифологии бог войны Сканды был рожден с целью убить Тараку.

Тарука — возникший Кришны и его сподвижник в конце жизни.

Тилак — небольшой круглый знак касты или секты, рисуемый киноварью на лбу.

Тирумаль — одно из имен Вишну.

Тирупати — священная гора Южной Индии, называемая также Тирумала и находящаяся приблизительно в 160 км к северу от Мадраса.

Тодди — опьяняющий напиток; перебродивший пальмовый сок.

Тонди — один из прибрежных городов древней Чолы.

Тулси — разновидность базилика. Священное растение, особенно у вишнуитов.

Тысячеглазый, Тысячелок — эпитеты Индры.

Удджайини (теперь Уджайн) — древняя столица Аваhti.

Ума — одно из имен супруги Шивы.

Урайюр (Урандей) — древняя столица южноиндийского царства Чолы.

Урваши — небесная дева, впервые упоминаемая в *Ригведе*.

Уттара — одно из древних царств в Северной Индии.

Уттара-Куру — одна из девяти *варш*, или зон, мифического континента Джамбудвишья. Уттаре-Куру отводится северная часть Джамбудвишья. В эту зону, являющуюся одним из «миров наслаждения», попадали существа с благой кармой.

Чакра — колесо, диск. В индийской мифологии — символ власти. Отсюда санскритское *чакраварти* («вращающий колесо») — властелин вселенной.

Чалини — женщина, наделенная даром пророчества.

Чампака (*Champaca champaca*) — растение из семейства лилейных с желтыми душистыми цветами.

Чаттан — 1) древнетамильский поэт, автор поэмы *Манимэталей*; 2) один из дравидийских богов, наделенный способностями чародея.

Чатушка — см. Садуккан.

Чевважи — название одной из тамильских песенных при-морских мелодий.

Чедаль — разновидность жасмина, цветы которого распускаются ночью.

Чеди — одна из 56 *варш*, или зон, Древней Индии.

Чера — одно из трех крупных царств Южной Индии, находившееся на территории современной Кералы, название которой является модификацией Черы.

Черный — один из эпитетов Кришны.

Черунду — грушевое дерево, цветы которого имеют золотой цвет.

Четирехликий — один из эпитетов Брахмы.

Читра — первый месяц тамильского года, соответствующий апрелю — маю.

Чола — одно из трех древних государств Южной Индии, расположенное к северо-востоку от Черы и к северу от Пандья. Чола занимала южную часть современного штата Андра и северную часть современного штата Мадрас.

Шакунтала — героиня одноименной драмы Калидасы.

Шеша — то же, что Ананта.

Шива — один из триады основных богов индуистского пантеона, бог разрушения и возрождения. На склоне гималайской вершины Кайласа Шива сидит на тигровой шкуре и погружен в медитацию. Шиву можно встретить, согласно мифическим представлениям, в таких местах, как поля битв, кладбища, места сожжений; его изображают украшенным гирляндой черепов, окруженным демонами и злыми духами. Шива — зарождающийся жизнь с ее неукротимой энергией, и он же — смерть и всеуничтожающее время. Шива — покровитель аскетов. Его спутанные волосы собраны в узел, к которому прикреплен полумесяц; из волос Шивы вытекает священный Ганг. На его челе горит всевидящий и неусыпный третий глаз, символ его мудрости и проницательности. Змеи обвивают его черную шею, и его тело покрыто пеплом. Он вооружен трезубцем. За ним следует буйвол Нанди.

Шраваки — джайны-последователи. Кроме соблюдения пяти основных обетов (воздержание от убийства, от лжи, от воровства, супружеская верность, отказ от излишней собственности), они отказываются от употребления возбуждающих напитков, мяса и меда. Едят дважды в день — утром и до захода солнца.

Шраддха — погребальный обряд, восходящий к ведическим временам. Обряд включал приношение умершим шариков риса. Особый смысл *шраддхи* заключался в том, что посредством такого обряда устанавливалась связь между мертвыми и живыми. В обряде *шраддхи* участвовали члены одной семьи, которые, согласно преданию, пользовались благами *шраддхи* в течение трех поколений.

Шри — одно из имен богини Лакшми.

Шура — царь асуров, убитый в сражении Муруганом.

Эйинары — древнетамильское племя охотников.

Этти — почетный титул, даваемый царями отдельным купцам или купеческим родам.

Юга — мифическая эра в индийской космогонии. Существуют четыре *юги*, последняя из которых — *Калиюга* — уже наступила.

Юноша — одно из имен бога любви Камы.

Яваны — так назывались в Южной Индии греки и римляне, а впоследствии и арабы.

Яж — вина, тамильское название лютни.

Якшини — полубожественные существа, служащие Кубере, богу богатства, и обладающие способностью изменять свой внешний облик.

Яма — в индийской мифологии бог царства мертвых.

Ямуна (Джамна) — мифическая река, текущая в горах Калинды и персонифицированная как дочь солнца. На берегу этой реки рос Кришна, и с ней связаны его детские шалости.

Ясодха — кормилица Кришны, жена пастуха Нанды.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
-----------------------	---

КНИГА 1. ПУКАР

Глава I.	Песня благословения	35
Глава II.	О семейной дхарме	37
Глава III.	Начало драмы	40
Глава IV.	Блаженство сумерек	44
Глава V.	Праздник Индры в Пукаре	47
Глава VI.	На берегу моря	54
Глава VII.	Песни в роде	58
Глава VIII.	Приход лета	67
Глава IX.	Сон Каннахи	71
Глава X.	В пути	74

КНИГА 2. МАДУРА

Глава XI.	Лесные картинки	82
Глава XII.	Гимны мараваров	88
Глава XIII.	Приближение к Мадуре	94
Глава XIV.	Рассказ о древнем городе	100
Глава XV.	Пристанище	106
Глава XVI.	Убийство Ковалана	112
Глава XVII.	Танцы пастушек	119
Глава XVIII.	Венец скорби	124
Глава XIX.	Волнение в городе	126
Глава XX.	Праведное слово	128
Глава XXI.	Мщение	131
Глава XXII.	Город объят огнем	134
Глава XXIII.	Возвращение богини Мадур	138

КНИГА 3. ВАНДЖИ

Глава XXIV.	Танец горянок	146
Глава XXV.	Поход на север	151
Глава XXVI.	О приближении войска к Гималаям	156
Глава XXVII.	Омовение камня в Ганге	164
Глава XXVIII.	Возведение стагун	171
Глава XXIX.	Благословение	178
Глава XXX.	Благодеяния	185
Конец «Повести о браслете»		192
Эпилог		193
Слово в прозе		196
Примечания		197
Словарь реалий, терминов и имен		209

ПОВЕСТЬ О БРАСЛЕТЕ
(Шилаппадикарам)

*

Утверждено к печати
Секцией восточной литературы РИСО
Академии наук СССР

*

Редактор И. Л. Елевич
Художник Л. С. Эрман
Художественный редактор И. Р. Бескин
Технический редактор Л. Т. Михлина
Корректоры А. Ю. Давыдова
и М. З. Шафранская

*

Сдано в набор 14/II 1966 г.
Подписано к печати 21/V 1966 г.
Формат 84×108^{1/32}
Печ. л. 7. Усл. п. л. 11,76. Уч.-изд. л. 11,28
Тираж 75 000 экз. Изд. № 14601
Заказ № 152. Индекс $\frac{7-3-4}{798-65}$

Цена 57 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
Владимирская типография Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров СССР
Гор. Владимир, ул. Победы, д. 18-а